Будут жить !

Галина Даниловна Гудкова

SHOUT
SHARE
IT

- Гудкова Галина Даниловна

Гудкова Галина Даниловна
Будут жить !

Гудкова Галина Даниловна

Будут жить!

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Аннотация издательства: О роли врачей, медсестер, санинструкторов на фронтах Великой Отечественной, об их доброте и самоотверженности говорится в повести !> Г. Гудковой, военврача переднего края, непосредственно принимавшей участие в боевых операциях.

Hoaxer: книга, из-за своей документальности и обилия фактического материала, включая фотографии, включена в раздел "Мемуары".

Об авторе: Галина Даниловна ГУДКОВА - бывший старший врач артполка, подполковник медицинской службы в отставке. Участвовала в боях за Сталинград, на Курской дуге, на Днепре... Рассказывая в своих записках об однополчанах по 72-й гвардейской Красноградской Краснознаменной стрелковой дивизии, Г. Гудкова главное внимание уделяет медицинским работникам переднего края, который она покинула лишь после тяжелейшего ранения.

С о д е р ж а н и е

Глава первая. "Развернуться в Новоаксайской!
Глава вторая. В последних числах июля
Глава третья. На Аксае
Глава четвертая. Не числом, а уменьем
Глава пятая. В окружении
Глава шестая. Поправ смерть
Глава седьмая. Новое назначение
Глава восьмая. "Врач нужен живой!"
Глава девятая. В непрерывных боях
Глава десятая. С наступлением холодов
Глава одиннадцатая. На острове Сарпинском
Глава двенадцатая. Прикрывая товарищей
Глава тринадцатая. В канун Нового года
Глава четырнадцатая. Прорыв
Глава пятнадцатая. Последняя неделя
Глава шестнадцатая. "Тихие дни"
Глава семнадцатая. Новые рубежи
Глава восемнадцатая. Накануне

Глава девятнадцатая. Боевая готовность
Глава двадцатая. Пятое июля
Глава двадцать первая. Выстоять, победить
Глава двадцать вторая. Через Северский Донец
Глава двадцать третья. На огненном "пятачке"
Глава двадцать четвертая. 72-я гвардейская Красноградская...
Глава двадцать пятая. Днепр
Глава двадцать шестая. "Бородаевский плацдарм"
Глава двадцать седьмая. Днем 4 ноября...
Эпилог
Примечания

Глава первая.

"Развернуться в Новоаксайской!

В предрассветной мгле миновали Сталинград. За приоткрытой дверью теплушки распахивалась степь. Раннее июльское солнце вставало под мерный стук колес. В придорожные травы, в русые волны пшеницы вытянулась, побежала справа от вагонов скошенная к хвосту эшелона тень. Куда же мы все-таки? В Ростов-на-Дону или в Краснодар? А, может, к Ворошиловграду?

* * *

...Четыре месяца минуло с той поры, как части 29-й стрелковой дивизии, формировавшейся в Караганде и Акмолинске, двинулись на запад. В апреле дивизия сосредоточилась вблизи крупного железнодорожного узла Тульской области станции Волово. Включенная в состав 1-й Резервной армии, она вооружалась, продолжала боевую учебу.

Наступило лето сорок второго года. Сообщения Совинформбюро о потере Крыма, о начавшейся обороне Севастополя, о неудаче под Харьковом тревожили, очень хотелось попасть наконец на фронт, сделать хоть что-нибудь для разгрома врага. Приказ грузиться в эшелоны обрадовал. Никто не сомневался: на этот раз в бой!

Состав с подразделениями и имуществом 58-го медико-санитарного батальона, где я служила командиром госпитального взвода, отошел от станции Волово в первом часу 30 июня. Людьми владело возбуждение, похожее на предпраздничное. Гадали, на какой фронт попадем - на Юго-Западный или на Южный?

Но сначала двинулись к Ельцу, потом свернули на восток к Липецку, застряли в Грязях и вдруг - рывками, то стремительно, то медленно, словно бы неуверенно - направились к Борисоглебску, а от него к Волге.

В теплушке ничего не понимали. Спрашивали начальника эшелона старшего лейтенанта Г. М. Баталова, уж не обратно ли в

Казахстан везут? Баталов отмалчивался, отшучивался. Наверняка знал, что направляемся на Южный. Теперь-то это каждому ясно.

Я забралась на свое место в углу верхних нар, улеглась возле соседки, военврача III ранга Антонины Степановны Кузьменко: дорога неблизкая, лучший способ скоротать время - заснуть. Лежала, закрыв глаза. Теплушку покачивало, как люльку. Но сон не приходил. Начинало ныть тело. Казалось порой: все оно - один большой синяк. Ничего удивительного, три недели на тряских досках кого угодно заставят ощутить каждую мышцу и каждую косточку!

Я ворочалась с боку на бок, рискуя обеспокоить Кузьменко. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, попыталась думать о родных и близких. Но лишь растревожила душу. Мысли о муже всколыхнули ежедневно подавляемую тревогу...

* * *

Расстались мы два с половиной года назад: закончив ординатуру при 1-м Московском медицинском институте, я получила направление в Джезказган на должность начальника медицинской службы строительства медеплавильного комбината, уехала в глухие казахские степи, а муж из-за работы вынужден был остаться в Москве с трехлетним сынишкой Юрой и моими родителями. Условились, что либо он добьется перевода в Джезказган, либо я, отработав два года, вернусь в столицу.

Но всего через десять месяцев началась война. Мужа сразу призвали, он попал под Ленинград, прислал оттуда два письма и замолчал. Я не хотела верить в худшее. На все запросы райвоенкомат отвечал, что сведениями о судьбе мужа не располагает. Оставалась надежда, что он тяжело ранен, или оказался в окружении, или попал в партизанский отряд. Я твердила себе, что все так и есть, что судьба не посмеет лишить Юру отца...

Сынишку почему-то постоянно вспоминала таким, каким видела в конце ноября сорок первого года: сидящим на узлах возле моей двери в Джезказгане. Я знала, что родители с Юрой эвакуировались из Москвы, знала, что они приедут, но не знала, когда, и, конечно, из-за занятости не могла встретить их на станции. О том, что мои приехали, сказала прибежавшая в санчасть соседская девчушка. Вместе с ней помчались обратно.

Мама выглядела усталой, отец совсем постарел за минувший год, горбился, покашливал, но сын, сын! Из теплых платков выглядывало крохотное, без кровинки личико, взгляд темно-карих глаз был тусклым и безразличным...

Поправился ли теперь Юра на джезказганском хлебе и молоке? Забыл ли московские бомбежки? Отошел ли от

эвакуационных мытарств? А отец - лучше ли ему? Я уповала на маму. Что скрывать, семья всегда держалась на ней. Мама и сейчас справится, лишь бы никто не заболел.

Да и на строительстве комбината, когда уходила в армию, обещали заботиться о моих. А начальник строительства Борис Николаевич Чирков не такой человек, чтобы слова на ветер бросать. Да и в парткоме, и в комитете комсомола люди надежные. Мама знает: в случае чего надо идти к ним...

Но вдруг подумалось, что и Чирков, и другие знакомые работники комбината рвались, подобно мне, в действующую армию. А если добьются своего? Кто тогда поможет моей семье?

Я опять завозилась, на этот раз все-таки разбудив соседку. Но тут эшелон замедлил ход, в проем теплушечной двери вплыли кирпичный фундамент, запыленные стены пакгауза. Машинист затормозил, загремели буфера, резкий толчок бросил нас на переднюю стенку вагона, справедливая досада Кузьменко переключилась на паровозную бригаду: "Чего ради опять остановились?!"

Паровоз тяжело отдувался возле водокачки. Та походила на лошадь, уныло свесившую к путям черную голову. Солнце сияло в беленных известью стенах одноэтажного вокзальчика, в медном колоколе, висевшем сбоку от высоких и широких дубовых дверей, в немытых стеклах огромных окон. Из-за солнца с трудом читалось название станции "Жутово-1".

От дубовых дверей по бетонному пыльному перрону быстро шли несколько человек в военной форме. Один из них, подтянутый, походил на начальника санитарной службы дивизии военврача II ранга Т. Г. Власова. Навстречу этой группе военных спешили от эшелона, перепрыгивая через рельсы и шпалы, Баталов и командование медсанбата.

Вспрыгнув на перрон, Баталов отдал рапорт. Встречающие ответили на приветствие. Власов - теперь я видела, что это именно он, - заговорил энергично и требовательно. Баталов снова вскинул руку к пилотке, повернулся, побежал к эшелону. Из теплушек высовывались люди, кое-кто соскочил на пути. Донесся голос Баталова: "Выходи!.." Через несколько мгновений эта команда, подхваченная многими голосами, хлестнула вдоль всего эшелона.

Стягиваю с нар вещевой мешок, шинель. Теплушка просыпается, торопливо надевает сапоги, гимнастерки. Одна за другой спрыгиваем на заляпанную мазутом, припорошенную угольной крошкой землю. Широко шагая, приближается рыжеусый суровый командир санитарной роты военврач III ранга Рубин:

- Немедленно приступить к разгрузке! Следить за воздухом!

Русокосая хирургическая сестра Женечка Капустянская за спиной Рубина шепотком добавляет:

- А не за мужчинами...

Ее подружка, хрупкая, голубоглазая военфельдшер Клава Шевченко, помощник командира химвзвода, фыркает. Командира санроты женский персонал медсанбата недолюбливает. Стоит заговорить с кем-либо из лиц мужского пола - Рубин тут как тут: всем видом показывает, что твое поведение по меньшей мере безнравственно, а он не допустит, чтобы на безупречную репутацию медсанбата легло пятно позора. С легкой руки жизнерадостной хирургической сестры Ираиды Моисеевны Персиановой командира санроты прозвали "игуменом женского монастыря". Это прозвище знают не только в медсанбате.

Впрочем, сейчас не до Рубина. Почему разгружаемся, едва отъехав от Сталинграда? Ведь сам медсанбат далеко не уйдет! Значит, снова торчать в глубоком тылу?

Между тем выгрузка идет полным ходом. Порядок действий каждого из нас давно определен, отработан на учениях, суета не возникает. Но в действиях батальонного начальства, начальника эшелона и представителей штаба дивизии, находящихся на станции, непрерывно поторапливающих людей, ощущается нервозность. Может, случилось что-то, чего мы пока не знаем? По спине пробегает холодок недоброго предчувствия. И тут хирург Ксения Григорьевна Вёремеева вслух произносит то, что на уме у каждого:

- Вероятно, ухудшилась обстановка...

Командиров подразделений приглашают в станционное помещение. Оно сейчас как сотни других: затоптанный деревянный пол, облупившаяся коричневатая краска дверных коробок, скамеек и кассовых окошек, зеленые урны, муторный, стойкий запах табака и махорки. Начальник санитарной службы дивизии оглядывает собравшихся, здоровается, поздравляет с благополучным прибытием. Фразы самые обычные, но звучат необычно из-за несвойственной Власову сухости тона.

Все разъясняется немедленно. Начсандив сообщает, что мы прибыли на Сталинградский фронт. Он создан Ставкой только что, 12 июля, в связи с продолжающимся наступлением немецко-фашистских войск на юге страны. Дивизии приказано занять оборону по левому берегу Дона, в полосе хутора Ильмень-Суворовский - станицы Верхнекурмоярской, и не допустить форсирования Дона передовыми частями врага.

Стрелковые полки и артиллерийский полк дивизии указанные им рубежи уже заняли, передовой отряд дивизии

выдвинут навстречу наступающему противнику в район станицы Цимлянской, медико-санитарному батальону следует по завершении выгрузки двинуться в станицу Новоаксайскую, развернуться там не позднее утра следующего дня и подготовиться к приему раненых.

- До Новоаксайской шестьдесят километров по открытой местности, предупреждает Власов. - Возможны налеты авиации противника. Требую соблюдать жесткую дисциплину. Командиры обязаны подать пример выдержки и мужества. Это все. Вопросы есть?

Вопросов нет. Вернее, вопросов множество, но они не к начальнику санитарной службы дивизии. Ведь нельзя требовать от Власова, чтобы он ответил, как сумели гитлеровцы оправиться после разгрома под Москвой, отчего мы вынуждены снова отступать и, судя по всему, отступили уже до самого Дона!

Да и какой смысл задавать такие вопросы? Это ничего не изменит. Есть реальность, с которой нужно считаться, есть понятие "солдатский долг", и, наконец, есть приказ, который следует выполнять как можно скорее и лучше.

- Все ясно! - слышится голос ведущего хирурга А. М. Ската.

- Хорошо, - говорит Власов. - В таком случае приступайте к выполнению приказа, товарищи. Желаю успеха!

Он подносит руку к лакированному козырьку фуражки.

- Строить подразделения! Строить подразделения! - разносится по станции.

Колонна медико-санитарного батальона вытягивается на булыжной пристанционной площади. Сбегаются жутовские ребятишки. Из-за плетней, где желтеют подсолнухи, темнеет вишенье. Глядят, приложив ко лбу загорелые руки, женщины. Перекликаются петухи. Этот мирный пейзаж, эти мирные, милые звуки никак не вяжутся с только что услышанной новостью о приближении врага. Ну какой же тут фронт? Даже отдаленного гула выстрелов не различишь. И ясное небо совершенно чисто - никаких самолетов...

Подают команду начать движение. Колонна трогается с места. В сознании все еще не укладывается, что прибыли на фронт, что дивизия, может быть, уже сражается, несет потери. Никто из нас не подозревает, что с каждым шагом батальон приближается к самому кратеру развернувшегося на степных просторах сражения. Нам невдомек, что огненная лава войны скоро расползется по всему междуречью Волги и Дона, что жгучие огненные языки дотянутся до Сталинграда, и те, кому повезет, кто уцелеет в июле, узнают и вынесут то, чего прежде не знал и не выносил ни один человек.

* * *

По дороге к Сталинграду эшелон медсанбата бомбили два раза. Особенно жестоко в Поворине. Мы прибыли туда за считанные минуты до начала сильнейшего налета вражеской авиации. Позднее А. М. Скат и И. М. Персианова, уже побывавшие на фронте, говорили, что такой бомбежки не припомнят.

Словом, можно было считать, что крещение бомбами мы приняли. Но одно дело - переносить бомбардировку в эшелоне, и совсем другое - в колонне войск, совершающих пеший марш. Убедиться в этом пришлось уже на шестом километре пути.

...Пять "юнкерсов", нагло летевших без сопровождения истребителей, появились в небе совершенно неожиданно, приближаясь с невероятной быстротой. Команду "Воздух!" подали, насколько я понимаю, своевременно, но выполняли медленно. Во всяком случае, сама я не бросилась сразу же прочь от дороги, не попыталась найти хотя бы подобие укрытия, а какое-то время стояла будто загипнотизированная, оцепенело наблюдая, как стремительно увеличиваются в размерах вражеские самолеты. Это противник? И ничего нельзя предпринять? И нужно бежать, бросаться в пыль, пачкать обмундирование?

Очнулась я, когда, заложив крутой вираж, головной бомбардировщик с воем понесся на колонну и от его брюха отделились бомбы. На мгновенье они словно бы зависли в воздухе и вдруг, как бы выискав цель, с нарастающим злобным визгом устремились прямо на меня.

Результаты вражеской бомбежки оказались весьма убогими: "юнкерсы" крутились над колонной минут сорок, а убило только двух лошадей, ранило всего трех человек и разбило лишь одну повозку. Но именно тут, в открытой степи, впервые довелось испытать чувство полной беспомощности перед врагом, чувство глубокого унижения. Поэтому поднимались мы с земли бледные от пережитого, с глазами, полными ярости и гнева.

Маршрут движения колонны пролегал вдали от населенных пунктов, а стало быть, и вдали от колодцев. Речушек же и ручейков не попадалось. Шагая под палящими лучами солнца, в удушливом облаке поднимаемой ногами и колесами горячей пыли, люди страдали от жажды, задыхались. Смоченные водой марлевые повязки, которыми закрывали рот и нос, высыхали слишком быстро. А зной усиливался, а дорога тянулась и тянулась...

И снова нас бомбили. Еще четырежды. И ранили пятерых человек. Трое же получили тепловые удары.

Со второй половины дня навстречу медсанбату потащились повозки с ранеными. Фуры и телеги уходящих от врага местных

жителей. Мелкие группы понурых солдат, потерявших свою часть. Вид этих солдат и беженцев вселял тревогу.

Под вечер - огромное багровое солнце наполовину сползло за горизонт возле колонны медсанбата заскрипел тормозами грузовик. Из кабины выскочил небритый старшина, спросил, кто старший, доложил комбату, что везет раненых бойцов и командиров, не знает, кому их сдать: поблизости ни одной медчасти. Может, товарищ военврач заберет ребят?

Над серым бортом грузовика приподнимались головы в пилотках, грязных бинтах, рубчатых танкистских шлемах...

Комбат приказал принять раненых. Перетаскивая солдат и командиров в санитарный фургон, мы узнали, что они из нашей дивизии, из передового отряда майора Суховарова, сражались возле хутора Потайниковского.

В ту пору хорошо вооруженные, подвижные передовые отряды соединений высылались по приказу командующего Сталинградским фронтом на танкоопасные направления, чтобы не допустить переправы передовых частей противника через Дон и обеспечить развертывание армий фронта. Нашей дивизии, как уже говорилось, приказали выслать такой отряд в направлении станицы Цимлянской. Возглавил его заместитель командира 128-го стрелкового полка по строевой части майор Суховаров, комиссаром стал инструктор политотдела дивизии старший политрук В. Е. Нагорный.

По словам раненых, в хуторе Хорсеево Суховаров и Нагорный узнали от представителей тамошних воинских подразделений, что передовые части противника уже подошли к Дону и наводят переправы на участке Цимлянская Потайниковский. Выдвинувшись к Дону, наш передовой отряд с ходу атаковал врага, переправлявшегося на левый берег у хутора Потайниковского.

Хорошо помню: принятые в степи раненые оживленно твердили, что "дали фрицу прикурить!". Даже потерявший много крови сержант-танкист пытался улыбаться, подмигивая медсестрам Верочке Городчаниной и Фросе Коломиец, переносившим его в фургон.

Чего греха таить, многие из нас, необстрелянных медиков, пережив на марше пять бомбежек, чувствуй приближение передовой, испытывали естественное нервное напряжение. И вдруг - бодрые голоса, улыбки людей, побывавших там, не только уцелевших, но и разбивших врага! Выходит, не так страшен черт, как его малюют?

Колонна приободрилась, повеселела. Конечно, зной, пыль, жажда, усталость брали свое. Остаток пути мы проделали на

пределе сил. Но настроение не падало, страхи отступили.

Глава вторая.

В последних числах июля

Новоаксайская лежала среди желтеющих полей пшеницы, в зеленом озере садов. Отмелями просвечивали разноцветные, крытые где железом, где очеретом крыши домов.

Подразделения медсанбата разместили в помещении школы-семилетки, в развернутых вблизи палатках. Удалось поспать, вымыться, постирать. Стирали, конечно, по очереди: требовали ухода поступившие раненые.

Не успели толком устроиться на новом месте, как потянулись к школе и палаткам казачки с крынками молока и сметаны, с мисками домашнего творога, с караваями свежеиспеченного хлеба, с яблоками и сливами. Принимать продукты от местного населения запрещалось, но женщины не слушали уговоров и объяснений:

- Да будь ласка, доктор! В мени ж сын воюе, а у Гапы чоловик та два хлопца! Будь ласка!

К вечеру привезли новую партию раненых, потом их поток стал расти непрерывно: бои разгорались...

Больше всего раненых по-прежнему поступало ив отряда майора Суховарова. Сражаясь с численно превосходящим противником, имеющим к тому же перевес в танках и авиации, бойцы и командиры передового отряда проявляли беспримерный героизм, стояли насмерть.

В медсанбате тогда много и почтительно говорили о медработниках передового отряда - военфельдшере П. С. Карапуте и санинструкторе Таисии Монаковой. Первые медики дивизии, принявшие непосредственное участие в боях с врагом, они не уступили в мужестве стрелкам, артиллеристам и танкистам Суховарова.

Самые жестокие бои передовой отряд вел под хутором Красный Яр. Сначала военфельдшер Карапута занимался ранеными на батальонном медпункте. Но пули и осколки не щадили санинструкторов в ротах. Тогда Карапута пополз в передовые цепи. Под ураганным огнем отыскивал раненых, оказывал им первую помощь, выносил с поля боя, доставлял вместе с Монаковой на медпункт, снова полз в огонь. Карапута погиб на третьи сутки сражения: приподнялся, чтобы перебинтовать голову раненому пулеметчику.

Тело военфельдшера вытащила на медпункт Таисия Монакова, кстати сказать, учительница по профессии, преподававшая в одной из акмолинских школ и ушедшая в армию добровольно. Монакова сказала находившимся на медпункте

легкораненым, чтобы похоронили погибшего, и вернулась на поле боя. Она спасла жизнь еще многим красноармейцам и командирам, прежде чем сама упала и навсегда закрыла глаза, сраженная пулеметной очередью из танка...

В медико-санитарный батальон раненые поступали, как правило, спустя несколько часов после ранения. Иные после многодневных боев оказывались уставшими настолько, что впадали в глубокий, непробудный сон еще до того, как санитары успевали их раздеть и обмыть. Так, в сонном состоянии, попадали на операционные столы, и наркоза им поэтому требовалось меньше обычного.

Очень сложно работать с людьми, получившими тяжелые ранения, сознающими возможные последствия хирургического вмешательства, прибывшими в медсанбат с уверенностью, что останутся инвалидами, что будут в тягость даже близким. Мрачные, подавленные, они не желали отвечать на вопросы врачей, отказывались-от еды. Нередко и от операции отказывались:

- Не троньте! Лучше помереть, чем жить калекой!

Были и другие - полная противоположность отчаявшимся, угнетенным. Они прибывали в возбужденном состоянии, на увечье смотрели вроде бы легко, так же легко соглашались на операцию. А когда проходило владевшее ими напряжение боя, начинали понимать, что случилось, и наступала тяжелая реакция...

Но самую большую тревогу вызывали раненые в шоковом состоянии. Жизнь в этих людях едва теплилась, пульс прощупывался с трудом, побелевшие лица покрывал холодный пот. Чтобы быстрей вывести бойцов из такого состояния и подготовить к операции, врачи, фельдшеры и медсестры сутками не отходили от коек шоковых, старались обеспечить им полный покой, тишину, тепло, укрыть, своевременно перелить кровь, сделать необходимые уколы.

Позволю себе небольшое отступление.

Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск. А между тем война - даже в периоды успешных наступательных операций - оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выходить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм.

Конечно, медики и в мирное время наблюдают болезни, смерти. Но в мирное время болезни и тем более гибель молодых,

полных сил людей - роковое отступление от норм, результаты несчастного случая, они не носят массового характера. А на войне мучения и страдания, даже гибель, становятся повседневным, рядовым уделом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасать жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды...

Поистине безграничны были выдержка, терпение и любовь к людям, позволявшие нашим врачам, фельдшерам, медсестрам и санитаркам возвращать раненым не только жизнь, но и интерес к жизни. Особо хочу сказать о медсестрах и санитарках.

Многие из них были совсем юными. Пятерым подружкам - Гале Довгуше, Оле Кононенко, Вере Городчаниной, Лизе Невпряге, Фросе Коломиец и Кате Беспалько - только-только исполнилось восемнадцать. Другие девушки были ненамного старше. Им бы в таком возрасте веселиться, радоваться жизни, а приходилось и тяжелые носилки таскать, и сутками стоять возле операционных столов, вдыхая тяжелые запахи эфира и крови, и судна давать лежачим больным, и целые вороха белья и окровавленных бинтов перестирывать... В таких условиях не то что веселость - простую сдержанность, приветливость утратить можно.

А девушки не только образцово справлялись со служебными обязанностями, но и нежно разговаривали с воинами, которым грозила инвалидность, убеждали их, что не все кончено, что обрадуются им жены, найдутся красавицы невесты. Они терпеливо выслушивали мужские жалобы, могли всплакнуть вместе с ранеными, и этим соучастием в беде, интуитивной Деликатностью, женской нежностью, удивительной в столь молоденьких девчонках, спасали людей там, где бессильными были бы любые лекарства.

Не знаю, как других, а меня в Новоаксайской не покидало ощущение оторванности от дивизии, чуть ли не чувство покинутости... В Акмолинске медсанбат размещался неподалеку от штаба дивизии, рядом с разведчиками и саперами. Мы знали в лицо формировавшего дивизию полковника Ф. Н. Жаброва, начальника штаба дивизии полковника Д. С. Цалая, начальника артиллерии дивизии подполковника Н. Н. Павлова, да и других работников штаба. Того же Г. М. Баталова, например, занимавшего должность помощника начальника оперативного отделения.

А уж про саперов и разведчиков говорить не приходится! Командира разведроты, девятнадцатилетнего, пытавшегося скрывать присущую его возрасту подвижность и

жизнерадостность лейтенанта Вознесенского, и политрука роты двадцатисемилетнего, чуть прихрамывающего после госпиталя старшего политрука Михаила Татаринова, командира саперного батальона, высокого, веселого старшего лейтенанта Быстрова и его помощников мы видели ежечасно.

Они не раз выручали персонал медсанбата, когда дело касалось выполнения тяжелых, не женских работ. Вблизи Волова, к примеру, саперы по приказу Быстрова построили и оборудовали для работников медсанбата добротные землянки, так что в апреле мы не страдали от ночных холодов.

Словом, прежде всегда были с людьми и на людях. Знали: в случае чего соседи помогут. В Новоаксайской же оказались одни. Неизвестно было, кто ближайшие соседи, где они. Полагаться приходилось только на самих себя. Вероятно, поэтому с особенным нетерпением ожидала я почтальона с пачкой дивизионной многотиражки.

Впрочем, не я одна. Газеты у почтальона буквально расхватывали, жадно вглядывались в заголовки, в свежие снимки. Сначала внимательно прочитывали текст сообщений Совинформбюро, потом пробегали глазами тексты коротеньких статей и заметок, пытаясь уяснить, что произошло за минувшие сутки в полосе дивизии. И радовались, встречая в материалах имена товарищей, друзей.

Так мы, хотя бы мысленно, приобщались к событиям на передовой, обретали прежнее чувство локтя с соседями.

Накал боев нарастал. Жители покидали Новоаксайскую, она с каждым днем становилась все безлюднее, а медсанбату прибавлялось работы. Раненых теперь привозили не только из частей дивизии, но и от соседей, сражавшихся слева и справа. Разницы между "своими" и "чужими", разумеется, не существовало. В приемно-сортировочном взводе военфельдшер Сережа Кужель - юный, красивый, как девушка, - обращал внимание на номер части поступившего раненого лишь для того, чтобы правильно заполнить документы. В дальнейшем раненых делили только на легких и тяжелых.

Командир приемно-сортировочного взвода военврач III ранга М. М. Поздняков быстро определял, кто нуждается в неотложной операции, а с кем можно повременить. Раненых, требующих сложной полостной операции, как правило, направлял к Скату, остальных распределял между хирургами Васильевым и Веремеевой. У каждого из них - свой почерк в работе, своя манера обращения с коллегами и подопечными.

Андрей Михайлович Скат, отличающийся, невзирая на полноту, великолепной строевой выправкой, к раненым очень

внимателен, но бесед с ними во время операции не ведет. Любит, чтобы хирургические сестры понимали его без слов, поэтому чрезвычайно ценит Ираиду Моисеевну Персианову, с которой он оперировал еще во время финской кампании, и предельно внимательную быструю Женечку Капустянскую. Замечания оплошавшим помощникам делает спокойным тоном, даже простояв у операционного стола десять-двенадцать часов подряд.

Прямая противоположность Скату - А. Г. Васильев. Сухощав, с ранеными шутит, интересуется, откуда они родом, велика ли у них семья. Никого из хирургических сестер не выделяет, но, уставая, покрикивает на всех одинаково, порой не выбирая выражений.

Мне больше всех по душе Ксения Григорьевна Веремеева. Эта высокая женщина обладает сильной волей, к подчиненным в рабочей обстановке предельно требовательна, а в свободное время внимательна и участлива. К тому же она наделена чувством юмора, в ее карих глазах нередко прыгают веселые бесенята.

Именно Ксения Григорьевна с Дусей Филь, несколькими санитарами и шофером санитарного фургона первая в медсанбате оказала помощь раненым, находясь под огнем противника. Это. случилось еще в июне: вражеская авиация совершила налет на станцию Волово, где задержались несколько воинских эшелонов, по тревоге туда направили одну из наших машин, а дежурила Веремеева.

Работала бригада Ксении Григорьевны под бомбами, под огнем крупнокалиберных пулеметов фашистских истребителей, в пламени занявшегося на железнодорожном узле пожара. Рискуя жизнью, пробирались наши медицинские работники к разбитым вагонам, вытаскивали пострадавших в безопасные места, перевязывали, делали обезболивающие уколы.

Сейчас Ксения Григорьевна чаще других хирургов приходит в госпитальный взвод посмотреть, как чувствуют себя оперированные ею воины, с одним беседует ласково, как мать, с другим, молоденьким, - словно любящая женщина или невеста.

Признаться, завидую ей. Сама я по-прежнему ощущаю себя военным врачом только по званию. Во мне еще крепко сидят штатские привычки, я нет-нет да и погрешу против буквы того или иного устава, чего никогда не сделает Веремеева. Кроме того, постоянно тревожит мысль: смогу ли в тяжелых условиях действовать так же решительно и самостоятельно, как она...

Случая проверить себя пока не представилось. Новоаксайскую фашисты бомбили только два раза, а передовая далеко. Конечно, персоналу госпитального взвода достается. Я уже писала, что к

нам помещают только тех раненых, чье тяжелое состояние не позволяет немедленно оперировать их или отправить в полевые госпитали.

Это воины, получившие обширные ранения тела, потерявшие много крови, перенесшие сложные полостные операции. Нужно внимательно следить за состоянием каждого, своевременно переливать им кровь, давать лекарства, поддерживающие деятельность сердца, болеутоляющие.

Мы делаем все, что в наших силах, и небезуспешно. Пока не удалось спасти только троих тяжелораненых, помещенных в госпитальный взвод. Остальные - одни раньше, другие позже - отправлены в эвакогоспиталь.

Хорошо помогает нашему немногочисленному персоналу команда выздоравливающих, созданная при медсанбате. В ней долечиваются легкораненые, которых нецелесообразно отправлять в далекий тыл. Их помощь по уходу за людьми становится просто неоценимой, когда поток тяжелораненых нарастает.

Памятны дни отправки подлеченных людей в эвакогоспиталь: радуешься не нарадуешься, что еще несколько бойцов вырваны из лап смерти, что твои труды не пропали даром и ты оказался нужен армии!

Отправляли в эвакогоспиталь военфельдшер Толупенко и его помощница медицинская сестра Елена Монастырская - люди энергичные, научившиеся выбивать транспорт для раненых в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. Передавая людей Толупенко и Монастырской, можно было не сомневаться, что всех доставят по назначению в хорошем состоянии и в кратчайшие сроки.

Глава третья.

На Аксае

В последние дни июля раненые командиры рассказывали, что против нас сосредоточены две вражеские дивизии. Гитлеровцы яростно атакуют на левом фланге, сильно достается 106-му стрелковому полку и 154-й бригаде морской пехоты.

Потом командир батальона и комиссар сообщили, что наша дивизия отошла с правого берега Дона, обороняется по левобережью. А 4 августа после ожесточенных боев части 29-й стрелковой получили приказ отойти к реке Аксай, занять оборону по ее северному берегу и не допустить прорыва врага к Сталинграду.

Количество контуженых и раненых, рассказы легкораненых не оставляли сомнений - обстановка сложная, тяжелая, бои ведутся беспощадные. Приведу лишь одну цифру: за сутки с 4 по

5 августа к нам поступили почти четыреста раненых и контуженых!

* * *

В восьмом часу вечера 5 августа медсанбату приказали покинуть станицу Новоаксайскую и развернуться к утру 6 августа в станице Нижнекумской. Задача была труднейшая: мы не успели к тому времени эвакуировать даже половину раненых, а среди оставшихся было много нетранспортабельных.

Следует отдать должное командиру медсанбата военврачу II ранга Б. П. Орлову. Он распоряжался разумно, хладнокровно, твердо. Суматоха не возникла. В машины, предназначенные для тяжелораненых, набили столько сена, сколько вмещалось, сеном обложили и борта машин, обеспечивая максимум покоя при перевозке. Аккуратно, бережно уложили все имущество.

Машины начали отбывать в Нижнекумскую около 24 часов 5 августа, а кончили во втором часу 6 августа.

Мне полагалось сопровождать раненых, перенесших тяжелые операции. Наши машины выехали первыми и добрались до Нижнекумской перед рассветом довольно спокойно. А вот товарищи, отправившиеся позже, попали под бомбежку. При этом повторные ранения получили пять или шесть бойцов. Один человек был убит.

Из Нижнекумской уже отчетливо слышался рев орудий в стороне Аксая. Говорили, что противник упредил нас, сумел переправиться через реку, захватил плацдарм возле хутора Антонов, наводит переправы для танков.

Первые раненые прибыли из 128-Го стрелкового полка капитана А. А. Татуркина, а также из 3-го артдивизиона капитана И. Н. Ляпунова.

Раненые командиры рассказали, что по приказу комдива 128-й стрелковый полк с марша развернулся и, поддержанный артиллеристами Ляпунова, после короткого, но ожесточенного боя овладел хутором Антонов, уничтожил находившихся на вражеском плацдарме фашистов и вражеские переправы...

Совсем не помню, как выглядела в августе сорок второго станица Нижнекумская. Приехала я туда затемно, от палаток не отлучалась и уехала глухой ночью. В памяти запечатлелись только пыльная дорога к домам и хатам, серые от пыли плетни и тополя, запыленная кукуруза на ближних участках. Может, из-за этого вся станица вспоминается затянутой пылью? И еще: создалось впечатление, что жителей в Нижнекумской к началу боев на Аксае оставалось совсем немного. Видимо, население эвакуировали.

В отличие от Новоаксайской станица Нижнекумская

подвергалась постоянным бомбардировкам, и бомбардировкам жестоким, хотя никаких строевых частей тут не стояло. Это не просто осложняло работу, это вело к потерям среди раненых. Кстати сказать, раненых в Нижнекумскую стали привозить еще до прибытия медсанбата.

Приехав, мы увидели лежащих на земле возле плетней и хат людей с перевязанными головами, руками и ногами, терпеливо ожидающих помощи. Палатки ставили как могли быстро. Не только санитары и медсестры, но и врачи бегали с носилками, перенося кого в приемно-сортировочный взвод, а кого прямо в операционный.

В Нижнекумской персонал госпитального взвода не отлучался от раненых, число которых росло. Мы даже отдыхали в палатках для раненых, постелив шинели на землю между койками, чтобы не опоздать, если больному понадобится срочная помощь. Все медсестры и санитары трудились на совесть, но с особенным теплом вспоминаю медсестру сержанта Александру Ивановну Бабикову, которую раненые называли просто Шурочкой.

Всюду-то она поспевала: и пульс у бойцов пощупать, и термометры вовремя поставить, и повязку подбинтовать, если нужно, и грелку своевременно подать потерявшему много крови, умела каждому улыбнуться, каждому сказать доброе, ободряющее слово.

Благодаря Шурочке чистота в палатках госпитального взвода была идеальная, на окнах висели занавесочки из марли, когда белой, когда подсиненной йодом, а возле коек стояли банки с букетиками полевых цветов.

В разгар боев на Аксае медсанбат посетил комиссар дивизии старший батальонный комиссар Иван Васильевич Шурша. Зашел и в госпитальный взвод. Выслушал доклад, огляделся:

- А красоту кто наводит?

Я указала на Шурочку Бабикову. Та покраснела. Шурша мягко улыбнулся, протянул девушке руку:

- Молодец, товарищ сержант! Благодарю вас от имени командования дивизии!

Шурочка, боясь потревожить забывшихся тяжелораненых, уставное "Служу советскому народу!" произнесла шепотом, еле слышно.

Сопровождал комиссара дивизии, как полагается, командир медико-санитарного батальона Борис Петрович Орлов. Помню разговор Шурши и Орлова, состоявшийся после обхода госпитального взвода. Шурша поинтересовался, нужна ли медсанбату помощь, и если нужна, то какая именно.

Орлов правды не скрыл: мы испытывали постоянную нехватку

перевязочных материалов и крови для переливания, поскольку в медсанбат поступало много раненых из других частей. Орлов сказал также, что 'армейский госпиталь не обеспечивает своевременный вывоз раненых, что мы вынуждены эвакуировать людей в тыл на своем транспорте, а это мешает вывозу раненых с передовой.

Шурша, помрачнев, делая пометки в блокноте, обещал помочь немедленно.

Результат посещения медсанбата комиссаром дивизии сказался на следующий же день: нам подвезли большое количество бинтов, ваты, индивидуальных перевязочных пакетов, стерильных салфеток, асептических повязок, ампул с кровью. Машины из армейского госпиталя стали приходить чаще.

Персонал медико-санитарных батальонов непосредственного участия в боевых действиях - за исключением редчайших случаев, когда нужно было спасать раненых от прорвавшихся фашистских бандитов, - во время Великой Отечественной войны не принимал. О накале боев, небывалой выдержке, великом мужестве командиров и бойцов дивизии мы знали понаслышке.

Имен всех героев, бойцов и командиров, проявивших себя в жестоких боях на Аксае, я тоже, конечно, не помню и назвать не в силах. Но помню, что в медсанбате все радовались, когда вечером 8 августа стало известно, что враг сброшен с северного берега Аксая, а днем 9 августа сообщили, что дивизия не только отстояла указанный командованием Сталинградского фронта рубеж, но и овладела хуторами Чиков, Шестаков и Ромашкин, отбросила гитлеровцев к станции Жутово-1 и Каменке.

В истории Великой Отечественной войны названия этих хуторов не прогремели. Но воинам дивизии они говорили о многом! Говорили, что можем и умеем наступать, что способны разгромить даже превосходящего по силе противника. Названия этих хуторов сделались для нас синонимами слов Мужество, Слава, Победа. И не отстоять бы нам Сталинград, не будь кровавым летом сорок второго года у каждой дивизии своих безвестных хуторов...

Нелегко давался успех. Нанеся врагу серьезный урон, сорвав его замыслы, дивизия наша понесла потери. В период боев на Аксае медсанбат принял, обработал и отправил на лечение в тыл 900 раненых. А сколько бойцов погибло? Сколько легкораненых осталось в строю? Этого теперь не вспомнишь. Помню главное: враг не прошел, враг был отброшен.

* * *

В ночь на 12 августа дивизия получила приказ оставить позиции на реке Аксай и сосредоточиться в районе поселка Зеты:

нас выводили в резерв 64-й армии. Медико-санитарный батальон передислоцировался из Нижнекумской в район балки Царица Донская.

Во время сборов - неожиданный вызов к командиру батальона Орлову. Борис Петрович приказывает немедленно отбыть в штаб дивизии. Объясняет: марш придется совершать не только ночью, но и днем, открытой степью, враг будет бомбить, работникам штаба и воинам штабных подразделений может понадобиться помощь врача.

- Поторопитесь! - предупреждает Орлов. - Времени мало.

До балки Кумекая, где находился штаб дивизии, я добралась на попутном грузовике. В балке шли последние приготовления к отходу. Из кузова политотдельского ГАЗа меня окликнула машинистка политотдела, моя тезка, шутливо прозванная за большой рост "Галей-гвардейцем": мы были знакомы с Акмолинска.

- До Зеты полсотни верст. Забирайтесь к нам!

- Не могу. Скажите лучше, где найти начштаба?

Подсказали.

Начштаба я не нашла, зато буквально через десяток шагов натолкнулась на комиссара штаба В. Г. Бахолдина. Он объяснил, что основная масса штабных работников и подразделения штаба совершают пеший марш.

- Пойдете в общей колонне, доктор.

Тронулись в путь в десятом часу ночи. Разбитая тысячами ног и колес степная дорога сразу запылила мелкой, удушливой пылью. Соблюдая приказ, люди не курили, команды отдавали вполголоса, старались не бренчать оружием и котелками: скрытность - залог успеха.

Но не прошло и часа, как в стороне Аксая заворочался орудийный гром, небо посветлело, застучали пулеметы.

- Обнаружили отход, сволочи! - Шагавший рядом командир из оперативного отделения зло выругался. - Теперь туго придется Пархоменко!

Я спросила, кто это - Пархоменко.

- Комбат-два из 299-го, - ответил сосед. - Прикрывает дивизию.

Я представила себе, как один батальон ведет бой с врагом там, где недавно сражались три полка, и ощутила сосущую пустоту под ложечкой.

Скажу честно, думала, что незнакомый мне Пархоменко и его бойцы долго не продержатся: враг ударит превосходящими силами, а человеческим возможностям, увы, есть предел. Может, так же, как я, думали многие. Во всяком случае, шагая степной

дорогой, люди часто оборачивались, с тревогой прислушиваясь к звукам идущего на Аксае боя.

Но странно: бой не прекращался! Мы уходили все дальше и дальше в степь, а орудийные сполохи над рекой не гасли, гул орудий и стрекот пулеметов не затихали, только делались глуше, отдалялись. Через три часа они стали едва различимы...

Позднее из дивизионной газеты, из рассказов участников событий я узнала: батальон Пархоменко держался на северном берегу Аксая почти четыре часа. Не сумев сломить волю наших солдат и командиров, не сумев уничтожить их лобовыми атаками, противник через четыре часа окружил батальон.

Тогда комбат собрал коммунистов и комсомольцев, сказал, что поведет батальон на прорыв, на соединение с дивизией, и призвал их идти во главе атакующих.

Первую группу повел на врага сам. Отход прикрывала пятая рота под командованием лейтенанта М. В. Кузьменко. Фашистов смяли, в пробитую брешь вышли все и вынесли раненых. В ночном бою батальон уничтожил до 300 солдат и офицеров врага, захватил немало вражеского стрелкового оружия. Главное же - блестяще выполнил приказ командования, обеспечив отрыв главных сил дивизии от противника.

Вскоре старший лейтенант А. И. Пархоменко был награжден - первым на Сталинградском фронте! - орденом Александра Невского. А командир пятой роты лейтенант Кузьменко - орденом боевого Красного Знамени.

Едва рассвело, к урчанию автомобильных моторов, храпу лошадей, скрипу колес, людским голосам и далекому гулу орудий присоединился поначалу слабый, но неотвратимо усиливающийся прерывистый звук: к нам приближались фашистские самолеты. И вот они здесь. Но никто не кричит: "Воздух!", никто не бросается прочь с дороги, люди лишь приподнимают головы, кося воспаленными от недосыпа глазами на золотящуюся синеву: если первый удар фашистских бомбардировщиков придется по соседней колонне, мы движения не замедлим.

Я шагала налегке: шинель оставила в медсанбате, все снаряжение санитарная сумка да наган. Однако и они с каждым шагом прибавляли в весе. К тому же с пяти утра печет! Рядом брели бойцы комендантской роты. Люди в основном пожилые, с седой щетиной на щеках, они сутулились под скатками, вещмешками и винтовками, по темным от загара, морщинистым лицам стекал, засыхая, и снова тек пот. Я подумала: каково же сейчас тем, кто тащит на плечах длинные ружья ПТР, минометные стволы и плиты, станковые пулеметы?..

Вой самолетных сирен, визг бомб, первые близкие разрывы... Бросаемся ничком на вздрагивающую беззащитную землю. Лежим, пока бомбардировщики не отваливают, и тогда снова встаем, и снова шагаем по пыльной дороге. А степь уже горит, подожженная взрывами, и в горле першит от чада обугленных трав.

Потери от вражеских бомбардировок и от обстрела с воздуха в войсках, конечно, имелись, но не столь большие, как можно было ожидать при множестве "юнкерсов", "фоккеров", "хейнкелей" и "мессершмиттов", бороздивших степное небо.

Днем 12 августа довелось оказывать помощь немногим, хотя колонну бомбили часто и подолгу. Серьезнее оказались потери на следующий день - при первой же бомбардировке ранения получили сразу девять человек. Сильно пострадал начальник 5-го отделения штаба дивизии Ф. И. Коробко: большим осколком ему перебило бедренную кость.

Сделав обезболивающий укол, я накладываю на раненое бедро повязку, жгут, шинирую ногу. Подбегает начальник политотдела дивизии батальонный комиссар А. С. Киселев, просит поскорее осмотреть раненного в бок и плечо инструктора политотдела. Пока оказываю помощь инструктору, Киселев останавливает проезжающий мимо грузовик, приказывает уложить тяжелораненых в кузов и отвезти в медсанбат или в армейский госпиталь.

- Будете сопровождать раненых, - говорит Киселев.

- Слушаюсь. Но я не имею представления, где искать медсанбат или госпиталь!

- Должны найти, значит, найдете, - отрезает Киселев. И добавляет: Госпиталь вчера был в Абганерове.

И вот колонна идущих пешком работников штаба дивизии далеко позади, а я сижу в кузове тряского грузовика, поддерживаю раненую ногу Коробко и слежу за фашистскими самолетами, чтобы успеть забарабанить кулаком по кабине водителя, если на нас спикируют. Воняет бензином, дергает, раненые стонут...

Обгоняем одну группу солдат, другую, обходим артиллерийский дивизион. Едем в неизвестность: медсанбат наверняка снялся с места одновременно с остальными частями. Куда он направился - мне никто не сообщал. Где же его искать и, главное, надо ли искать? Не проще ли доставить раненых прямо в армейский госпиталь?

В пути нахожу интенданта, советующего ехать к Светлому Яру. По его словам, армейский госпиталь двинулся в том направлении. К вечеру действительно догоняем госпиталь. Мои

раненые, слава богу, живы. Сдаю их, и словно камень с души сваливается. Но где теперь штаб нашей 29-й дивизии?

- А чего думать-то? - спрашивает шофер. - Приказано было ехать в Зеты, туда и поедем!

Снова степь, но теперь нет вражеских самолетов и нет раненых, которых шофер боялся потревожить. Поэтому грузовичок мчит во все свои "лошадиные силы" и к полуночи прибывает в Зеты. Поселок, насколько можно различить впотьмах, разрушен несильно, по улочке движутся люди, повозки, кое-где из распахнувшейся двери, из плохо замаскированного окна пробиваются полоски света.

Прощаюсь с шофером, иду искать штаб, возле ближайшего дома наталкиваюсь на группу людей.

- Кто вы? Кого ищете? - строго спрашивает молодой звонкий голос с грузинским акцентом. По голосу и акценту узнаю лейтенанта В. П. Телия, юного адъютанта нашего комдива.

- Вас ищу! - радостно отвечаю я.

- Товарищ военврач, дорогая, откуда вы? Живы?

Адъютант ведет в дом. Там, в прокуренной комнате, возле стола с керосиновой лампой сидят над картой командир дивизии Анатолий Иванович Колобутин, начальник штаба дивизии Дионисий Семенович Цалай, начальник артиллерии Николай Николаевич Павлов, дивизионный инженер, начальник связи дивизии и другие штабные командиры. То ли от слабого света, то ли от дыма, то ли просто от усталости лица людей кажутся серыми. Увидев меня, начсандив Власов встает со стула, подходит, крепко сжимает плечо:

- Добрались? А сюда-то зачем? Отдыхайте, голубушка, отдыхайте! Тут через дом обосновались связистки, идите к ним, поспите. Понадобитесь найду.

Власов угадал: единственное, чего мне хочется, это спать. Добираюсь до связисток. Дают напиться. Отыскиваю свободный угол, ложусь на затоптанный пол, санитарную сумку - под голову, и через мгновенье окружающее перестает существовать. Перестает существовать на целых десять долгих, счастливых, целительных часов!

Глава четвертая.

Не числом, а уменьем

Выведенная в армейский резерв, 29-я стрелковая дивизия на всякий случай окапывалась юго-западнее поселка Зеты. Но драться здесь не пришлось. Утром 17 августа враг начал наступление на левом фланге 64-й армия. Гитлеровцы ввели в бой три пехотные дивизии, поддержанные большими силами танков, авиации, и сумели, несмотря на упорное сопротивление

советских воинов, достичь к исходу 17 августа центральной усадьбы совхоза имени Юркина, расположенной в 10 километрах севернее станции Абганерово. Дальнейшее продвижение противника грозило войскам армии расчленением...

Военный совет Сталинградского фронта приказал командующему 64-й армией ликвидировать прорвавшегося врага и разрешил ввести в бой все армейские резервы - побывавшие в тяжелых боях 138-ю стрелковую дивизию, 154-ю бригаду морской пехоты и нашу 29-ю стрелковую дивизию.

Нам приказали к трем часам 18 августа выдвинуться в район станции Тингута - Тингутинское лесничество, в 6 часов совместно с 6-й и 13-й танковыми бригадами атаковать и уничтожить вклинившегося в оборону армии врага, а затем выйти на северо-западную окраину станции Абганерово.

Приказ поступил в штадив вечером, на долгие сборы времени не оставалось. Разыскав начсандива, спросила, следует ли мне оставаться при штабе дивизии или нужно возвратиться в медсанбат.

- О каком возвращении речь? - рассердился начсандив. - Разве не понимаете, что предстоит? Будьте при штабе.

К новому командному пункту дивизии - где-то в степи за станцией Тингута - я шла ночью вместе с телефонистами. Как умудрился командир роты связи не заблудиться в кромешной тьме, каким образом точно вывел нас к будущему КП - не знаю. Видимо, был опытен.

Поступила команда окапываться. Побродив по густой полыни и бурьяну, я услышала знакомые голоса командиров оперативного отделения. Приблизилась: саперы сооружали для отделения землянку, выравнивая стены большой воронки, подтаскивая невесть где добытые доски. Я стала рыть щель шагов за сто от этой землянки, облюбовав местечко в глухом бурьяне. Почва оказалась довольно мягкой. В ночи вокруг слышались негромкие разговоры, торопливые шаги, постукивали лопаты, шуршала и шлепалась выброшенная из стрелковых ячеек и щелей земля...

Вражеская авиация появилась, едва взошло солнце. Фашистские бомбардировщики, хорошо видные с КП дивизии, закружились над позициями изготовившихся для атаки полков. Взрывы бомб слились в единый гул.

Я пробралась в землянку оперативного отделения. Из разговоров штабных командиров поняла, что полки, не успевшие за короткий срок отрыть надежные укрытия, несут потери от бомбардировки и артобстрела врага. А тут его самолеты и на КП дивизии обрушились...

После бомбежки, стряхнув пыль с плечей и пилотки, я обошла окопчики и щели КП. Раненых не было. Пошла в разведроту, потом в саперный батальон, окопавшиеся метрах в пятистах-шестистах. Сделала перевязки нескольким легкораненым, осмотрела и отправила в медсанбат контуженого сапера. Пока возилась, огонь и дым на переднем крае забушевали сильнее.

Не стану описывать ход боевых действий, как он видится по архивным документам. Расскажу только о том, что помню сама. На КП дивизии я нередко заходила в землянку оперативного отделения, говорила с политотдельской машинисткой и в общих чертах знала, как разворачиваются события.

* * *

Вечером 18 августа во всех разговорах упоминалась высота 158,0. За эту важную в тактическом отношении высотку упорно бились стрелки 128-го полка, танкисты 13-й танковой бригады и наши артиллеристы: на КП произносились имена младшего лейтенанта Савченко, капитана Лернера, старшего лейтенанта Секачева...

В ночь на 19 августа полковник Колобутин ввел в бой большую часть своего резерва - два батальона 299-го стрелкового полка. В оперативном отделении напряженно ожидали донесений. И облегченно вздохнули, узнав, что батальоны 299-го совместно со стрелками 128-го полка и уцелевшими танками сломили сопротивление гитлеровцев, полностью овладели высотой 158,0.

Но это оказалось лишь началом еще более жестоких боев, развернувшихся и за упомянутую высоту, и за балку Вершинская, и за проходившую вблизи нее насыпь железной дороги.

Получил тяжелую контузию командир 299-го стрелкового полка полковник А. М. Переманов. Остановил дрогнувшую роту, повел ее в контратаку комиссар полка, ветеран гражданской войны Е. С. Кутузов. При этом был ранен. Двое суток отважно командовал 1-м батальоном 299-го полка лейтенант Б. В. Самойлов. Когда его ранило, командование принял комиссар батальона старший политрук Н. Д. Семидочный. Отбивая контратаку гитлеровцев, он бросился к станковому пулемету, заменил погибшего бойца расчета и был убит. Вступивший в командование батальоном адъютант старший лейтенант К. Бычков вскоре был ранен, но идти на медпункт наотрез отказался. Преодолевая боль, слабость, продолжал руководить боем.

Не уступали в мужестве командирам и рядовые бойцы. В тогдашних политдонесениях отмечались имена бронебойщиков С. Пахомова и Г. Чекаева, наводчика И. Милаева, младшего

сержанта Н. Сараева, красноармейца Н. Воронина, многих других воинов. Бессмертный подвиг совершил 20 августа красноармеец-телефонист 8-й батареи 77-го артиллерийского полка Г. Азаров: окруженный гитлеровцами, вызвал на себя артиллерийский огонь. Сначала о подвиге Азарова рассказала Галя-гвардеец, потом я прочитала о нем в дивизионной многотиражке.

Отличились в боях под Абганеровом и медицинские работники дивизии. Военфельдшер 128-го стрелкового полка Зайцев, санинструктор Савин и повозочный Митрохин вынесли с поля боя и под огнем доставили на медпункт полка более ста раненых. Командир санитарного взвода 2-го батальона 106-го стрелкового полка Сабодаж вынес с поля боя 75 раненых, оказав им необходимую первую помощь. Санинструктор 1-й батареи 77-го артполка Пинаев спас жизнь тридцати раненым.

Ожесточенные бои в районе совхоза имени Юркина продолжались восемь дней и ночей. Выйти на северозападную окраину станции Абганерово дивизии не удалось. Но она сковала вражескую группировку, не дала ей прорваться к Сталинграду, обеспечила другим соединениям 64-й армии возможность занять выгодные рубежи.

Ветераны 29-й стрелковой дивизии с волнением и гордостью за боевое прошлое читают сейчас в книге генерал-полковника Ф. И. Голикова "Сталинградская эпопея": "В жестоких многодневных боях с 17 по 26 августа части 64-й армии отразили очень сильные удары 4-й танковой армии Гота и 4-го воздушного флота...' Введенные в бой из резерва в районе 74 км, станция Тингута, Тингутинское лесничество 29 сд, 154 бригада морской пехоты и 138 сд полностью оправдали наши надежды".

Находясь на КП дивизии, я не была перегружена работой. От бомбардировок, артиллерийского и минометного обстрела противника (кстати, регулярных!) за восемь суток получили ранения и легкие контузии всего одиннадцать-двенадцать человек. Чаще приходилось оказывать помощь раненым, пробиравшимся в медсанбат мимо КП своим ходом: я подбинтовывала, а порой меняла наспех наложенные, сбившиеся повязки, поила людей водой.

Случались и неожиданности. Помню, подходит к медпункту начальник штаба артиллерии дивизии майор Сергей Иванович Крупин с незнакомым подполковником:

- Товарищ военврач, нужна помощь.

Встревоженно оглядываю Крупина и подполковника, но никаких следов ранений или признаков контузии не вижу, хотя подполковник морщится.

- Да скажите прямо, Сергей Иванович, что нужен анальгин

или пирамидон! - вырывается у него. Крупин поясняет:

- Это заместитель командира 13-й танковой бригады Владимир Иванович Жданов. Врача у них нет, а у Владимира Ивановича разболелись зубы. Выручите!

Порылась в санитарной сумке, нашла пачку анальгина.

- Если всю заберу, не обездолю? - спросил подполковник.

- Берите, берите, пожалуйста.

- Ну, спасибо, доктор...

Жданов проглотил сразу две таблетки, запил водой.

- Не много? - забеспокоилась я.

- Ничего, надежней будет, - ответил подполковник. - Еще раз спасибо вам, доктор, и вам, Сергей Иванович. Теперь к своим орлам!

Так я познакомилась с будущим генерал-полковником Владимиром Ивановичем Ждановым, одним из героев Сталинградской битвы. Эта встреча оказалась не последней. Вторая произошла вскоре же и сыграла в моей судьбе большую роль...

Должна сказать, что в те дни я все-таки сильно нервничала. Даже теряться случалось! Например, утром 19 августа, когда гитлеровцы предприняли атаку, пытаясь вернуть высоту 158,0, Противник впервые применил тогда против нас шестиствольные минометы. Обстреливал из них и КП дивизии. Одна мина разорвалась на бруствере моего окопчика. Я ощутила незнакомый, едкий, раздирающий носоглотку запах.

На политзанятиях доводилось слышать, а в газетах читать, что противник готовит химическую войну. С перепугу вырвала из сумки противогаз, завопила: "Газы!" - и тут же натянула резиновую, скользкую от талька маску. Минуту спустя высунулась из окопчика, чтобы оглядеться. Лежащие неподалеку связисты пялили на меня глаза и хохотали. Стоя неподалеку, недоуменно смотрел начальник штаба дивизии подполковник Цалай. Короче, опростоволосилась, да еще как.

Долго потом бойцы при встрече со мной шутили:

- Товарищ военврач, газ! Надевайте противогаз!

Впору было со стыда сгореть.

Однако промашка с противогазом оказалась единственной. Больше я труса не праздновала, держалась. А если очень тошно становилось, говорила себе, что товарищам на передовой во сто тысяч раз тяжелей, и справлялась с нервами.

Глава пятая.

В окружении

После долгих кровопролитных боев внезапно наступило затишье. К вечеру 26 августа передний край обороны дивизии

перестал клокотать огнем и дымом, погрузился в безмолвие.

Галя-гвардеец сказала, что все атаки гитлеровцев отражены с большими для них потерями, называла количество подбитых и сожженных вражеских танков, покалеченных орудий, убитых фашистов. Данные она, видимо, брала из политдонесения, которое только что печатала. Разумеется, цифр этих я не запомнила, но они были внушительны.

С наблюдательного пункта дивизии возвратились на КП полковник Колобутин, командующий артиллерией дивизии подполковник Павлов, другие старшие командиры. Выглядели они усталыми, были небриты, обмундирование их пропылилось и перепачкалось, но голоса звучали бодро, пожалуй, даже весело. Помню, никто из них не отправился отсыпаться. Сначала умывались, брились, завтракали...

Двое суток - 27 и 28 августа - противник по-прежнему не проявлял особой активности перед фронтом 29-й стрелковой дивизии. Над нами проходили в сторону Сталинграда десятки вражеских бомбардировщиков, некоторые эскадрильи "юнкерсов" обрушивали бомбы на наши боевые порядки, в небе постоянно крутились фашистские самолеты-разведчики, артиллерия врага вела беспокоящий огонь, но и только. Решительных действий противник не предпринимал. Сами же мы, как теперь понимаю, приводили войска в порядок, спешили, пользуясь паузой в боях, укреплять оборону.

Сейчас известно, что вражескому командованию удалось 27 и 28 августа произвести скрытую перегруппировку войск, подготовить сильные удары по защитникам Сталинграда. Уже 28 августа враг прорвался на северо-западную окраину города, утром 29-го нанес удар по обескровленной 126-й стрелковой дивизии и нашей 29-й, чтобы выйти к Сталинграду с юга...

Вечером 28 августа я ходила в разведроту и саперный батальон, оказала помощь нескольким раненым и больным, возвратилась на КП дивизии в полной темени, прошла мимо блиндажа оперативного отделения, сориентировалась по нему и, посвечивая фонариком, отыскала в глухом бурьяне свою щель. Вдали, над передним краем, поднимали змеиные шеи ракеты. Было тепло. Пахло пылью и прокаленной на солнце полынью. Я спустилась в щель, положила голову на санитарную сумку, смежила веки и провалилась в забытье...

Проснулась не от обычной стрельбы, а от стрельбы слишком близкой: к гулу переднего края я давно привыкла - этот гул стал как бы нормой бытия. Но сейчас стреляли рядом!

Солнце стояло уже довольно высоко, но все же прошло не так много времени, как я вернулась от разведчиков. Что же могло

случиться за такой короткий промежуток? Почему строчат автоматы, рычат танковые моторы? Откуда вообще взялись танки?..

Я встала на коленки, прислушалась, пытаясь понять происходящее, потом высунулась из щели и тотчас присела: по бурьяну рядом с щелью вжикнула невидимая коса, срезала растения, выбила из земли белесые фонтанчики пыли. Неужели это по мне?!

Гул моторов и стрекот автоматов не прекращались. Растерянная, озадаченная, снова, на этот раз осторожно, выглянула из щели. И увидела ползущего мимо светловолосого человека без пилотки, с волочащейся за ним черной кирзовой полевой сумкой. Я узнала его - топограф штаба дивизии, техник-лейтенант. Топограф тоже меня увидел, узнал, отер с лица пыль и пот:

- Доктор, поаккуратнее... Кругом фрицы. На танках!

Его прервал близкий разрыв снаряда.

Переждав, пока опадут вскинутые взрывом комья земли и куски известняка, опять высунулась из щели: узнать поподробнее, расспросить... Техник-лейтенант лежал на боку, согнув ноги в коленях, держась руками за живот. Между грязными пальцами сочилась алая кровь. Боли топограф, видимо, еще не испытывал и не понимал, что случилось.

Автоматные очереди, срезавшие полынь, заставили меня присесть. Что делать? Как помочь раненому? Прижимаясь к земле, все же выползла наверх, дотянулась до техника-лейтенанта, поволокла к цели. Новые автоматные очереди вынудили сделать неверное движение: я не втащила топографа в щель, а упала вместе с ним в укрытие. Падая, тот закричал. Крик перешел в стоны.

Осматривая раненого, увидела, что его живот изрешечен множеством осколков. Топограф быстро бледнел. Подняв его грязную гимнастерку, стала бинтовать раны. Один индивидуальный пакет, второй, третий... Бинты пропитывались кровью. Разорвала большую асептическую повязку, когда тело техника-лейтенанта резко дернулось и стоны прекратились. Нагнулась. Дыхание неощутимо. Зрачок неподвижен. Конец.

Соблюдая предельную осторожность, я медленно приподняла голову над краем щели и первое, что заметила, - серо-зеленый фашистский танк с черно-белым крестом. Хоботок танковой пушки выплюнул огонь и дым, дернулся. По барабанным перепонкам ударил звонкий звук выстрела. До танка от моего убежища было не более пятидесяти-шестидесяти метров. Упав ничком на дно щели, я распласталась рядом с телом погибшего

топографа...

Разумеется, ни утром 29 августа, ни в последовавшие затем часы я не могла, подобно большинству воинов дивизии, выяснить, каким образом вражеские части оказались вдруг в тылу наших продолжавших обороняться полков, прорвались к командному пункту 29-й стрелковой дивизии и сумели продвинуться, как выяснилось позднее, до поселка Зеты, даже до Верхнецарицынской, где стоял штаб 64-й армии, который был вынужден срочно отойти к Сталинграду.

Это сейчас, спустя годы, известно, что утром 29 августа противнику удалось прорвать боевые порядки сильно обескровленной в предыдущих боях 126-й стрелковой дивизии, выйти в тылы нашей 29-й и устремиться к штабу 64-й армии. Повторяю, это известно сейчас. Знойным же утром 29 августа сорок второго я ничего не могла понять, лишь догадывалась, что произошла катастрофа, что вокруг враги и, возможно, какой-нибудь танк или бронетранспортер через минуту-другую раздавит мою щель или меня заметят автоматчики противника.

Иллюзий насчет того, что произойдет, не испытывала. Сердце сдавила тупая, перехватившая дыхание боль, все существо пронзила жалость к оставляемому навсегда сыну, к родителям, к прекрасному, огромному, до конца не узнанному миру.

Но неужели только одно и осталось: лежать и ждать того, что произойдет? Я нащупала кобуру, вытащила наган. Наган против автоматов и пушек - нелепость. И тем не менее, сжав рукоятку оружия, я перестала чувствовать себя беспомощной. С наганом можно действовать, совершить хоть что-то и, значит, остаться человеком...

Несколько раз, когда вражеские танки удалялись и возгласы на немецком языке стихали, я выглядывала из щели. Один раз показалось, что грузный фашистский танк ползет по блиндажу, где вечером находились командир дивизии и его ближайшие помощники...

* * *

Перипетии развернувшегося вокруг боя я знаю по воспоминаниям оставшихся в живых сослуживцев более или менее подробно.

После прорыва фашистских танков связь со штабом армии, с продолжавшими обороняться полками, в том числе и с артиллерийским, была нарушена, ситуация возникла критическая. Однако враг не сумел обнаружить командный пункт дивизии и разгромить его.

Командир дивизии, размещая КП в открытой степи, приказал, во-первых, свести до минимума число находящихся там штабных

работников и, во-вторых, тщательно замаскировать отрытые щели и сооруженные блиндажи. Расположенною в густых зарослях верблюжьей колючки и полыни, блиндажи и щели были незаметны даже с близкого расстояния. Фашистские танкисты, утюжившие степь в поисках нашего КП, подходили к нему вплотную, но ничего не разглядели. Один танк прошел в двух метрах от блиндажа командира дивизии, а экипаж танка даже не заподозрил, как близка его цель!

Выручили штаб, отвлекли внимание противника разведчики, саперы и комендантская рота: они завязали с гитлеровцами неравный бой. А тут и дивизионная артиллерия сказала веское слово: батареи открыли по прорвавшимся танкам мощный огонь. Артиллеристы понесли очень большие потери, но и танков противника подбили много, принудили вражеских танкистов вести огневой бой.

Сражались артиллеристы 77-го артполка буквально до последнего орудия, до последнего снаряда. Позволю себе рассказать только об одном эпизоде.

Воины 7-й батареи вели бой с врагом уже четыре часа. Ранило командира батареи младшего политрука П. М. Коздакова. Погибли или получили ранения почти все командиры орудий. Вышли из строя многие номера расчетов. Огонь батареи ослабел. А тут и телефонная связь с ней прервалась, а рация Коздакова молчит.

По приказу майора Северского выяснять положение дел на батарее отправился парторг артполка Б. В. Изюмский, в прошлом школьный учитель из Ростова. На позициях батареи к приходу Изюмского оставалось целым одно-единственное орудие, а возле орудия - единственный способный вести огонь легко раненный боец.

Изюмский не смог наладить рацию, да и времени не было: на орудие шел танк. Парторг побежал за снарядом и выполнял обязанности подносчика до той самой минуты, пока вражеский снаряд не разорвался рядом с орудием. Осколками боец-наводчик был убит, а Изюмский тяжело ранен.

Возможно, читателю будет интересно узнать, что Б. В. Изюмский, отважно сражавшийся днем 29 августа 1942 года с танками гитлеровцев, и писатель Борис Изюмский, автор вышедших после войны широко известных книг "Алые погоны", "Полковник Ковалев", "Плавенские редуты", "Небо остается", - одно и то же лицо.

* * *

Темнело... Решила пробираться к землянкам КП: если появятся фашистские автоматчики, что я смогу одна?

Поблизости тянулась неглубокая ложбинка. Она вела, загибаясь, до самого КП. Выскочила из щели, метнулась туда. Щелкнуло несколько пуль. Мимо!

Ложбинкой ползла долго. Раненых на КП не было, но в щели рядом с блиндажом Колобутина лежало прикрытое плащ-палаткой тело начальника штаба артиллерии дивизии майора Крупина. Сказали, что осколком... Сидя в этой щели, я слышала, как радист упорно вызывает штаб армии. Слышала и прозвучавшую в его возгласе "Ответили!" радость.

Командующий 64-й армией генерал-майор М. С. Шумилов приказал полковнику Колобутину начать немедленный отход за реку Червленую, в район деревни Ивановка. Приказ командарма тотчас стали передавать в полки по рациям. Послали и связных. А находившихся на КП работников штаба, пробившихся к нам разведчиков, саперов и бойцов комендантской роты командир дивизии приказал построить вблизи своего блиндажа, возле неглубокого ровика.

Подали команду выбросить все лишнее, оставить при себе только документы, оружие и запас патронов. И вот мы стоим в полной тьме, раздвигаемой вспышками редких вражеских ракет, и, пока брезжит белесый, выморочный свет, я вижу, как летит в ровик содержимое вещевых мешков, противогазные сумки, скатки...

Свой вещевой мешок я давно потеряла, остается закинуть в ровик сумку с противогазом. Остаюсь с наганом и туго набитой индивидуальными перевязочными пакетами санитарной сумкой. Пакеты взяла у погибших: мертвым они не нужны, а живым понадобятся. Комсомольский билет, удостоверение личности, книжка денежно-вещевого довольствия, фотокарточка сына - все на месте. Накидываю на плечи плащ-палатку, натягиваю поглубже каску. Готова!

Минут через двадцать ровик доверху заполнен землей, замаскирован полынью. Первыми уходят в зловещую тьму разведчики лейтенанта Вознесенского и политрука Татаринова. Спустя четверть часа трогается вся колонна. Стараемся ступать тихо, не шуметь. Шагаем в обход мест, где изредка продолжают взлетать ракеты. Чувства обострены, тело напряжено в ожидании внезапного вражеского огня.

Но враг не стреляет: или не видит нас, или уверен, что далеко не уйдем...

Глава шестая.

Поправ смерть

Светало. Из сплошной тьмы справа и слева выступали очертания пологих холмов, а на холмах - .смутные пятна то ли

строений, то ли скирд. Позади осталось около двенадцати километров. Неужели выбрались из вражеского кольца и приближаемся к реке Червленой?

Вдруг показалось, что скирды на холмах движутся. Остановились.

- Да это танки!

- Не разводить панику! Прекратить крик! - послышалось с разных сторон.

Но многие уже заметили, что "скирды" пришли в движение. А тут еще они опоясались огоньками, до нас донеслись звуки пушечных выстрелов, раздался заунывный вой снарядов...

'Сомнений не осталось: на холмах находился враг, замыкавший кольцо окружения. Но снаряды до нас пока не долетали. Позднее выяснилось - фашисты сначала стреляли по группе дивизионной разведки.

Только что в колонне считали, что худшее позади. Оказалось, нет. Вот оно, худшее: вокруг открытая степь, у нас только личное оружие, а враг многочислен, защищен броней танков и бронетранспортеров, вооружен до зубов и может, если понадобится, вызвать авиацию.

Признаюсь, я растерялась. Слышала, кто-то кричит, требуя отходить, а кто-то бранится, приказывая залечь, окапываться. Стояла, не зная, как быть, догадываясь, что и отход и окапывание сейчас бессмысленны: отходящих быстро догонят, а надежного окопа в голой степи за считанные минуты не выкопаешь. Да и личное стрелковое оружие - плохой помощник в борьбе с танками!

Спасло в тот критический момент мужество и хладнокровие командира дивизии. Трезво оценив ситуацию, Колобутин отдал приказ разбиться на мелкие группы, рассредоточиться и продолжать движение к реке Червленой, как бы ни складывались обстоятельства. И колонна стала расползаться по степи, растекаться по ней...

Это оказалось своевременным: вражеские танки и бронетранспортеры уже накатывались на нас. Теперь враг был озадачен - не знал, куда же направить главный удар.

Гитлеровцы приняли не лучшее решение. Их машины тоже стали расползаться по степи, оказались между отдельными нашими группами, пытаясь преградить путь отходящим. Однако танков и бронетранспортеров было не так много, чтобы вытянуться в сплошную цепочку и окружить нас. Между машинами возникали бреши, в эти бреши мы и устремлялись.

Память обладает свойством иногда щадить нас, и, возможно, я помню далеко не все из того, что видела. События того раннего

утра возникают перед мысленным взором почему-то в виде отдельных, не связанных друг с другом эпизодов, и крайне трудно сейчас восстанавливать их последовательность. Твердо могу сказать одно - выполняя приказ, мы продолжали идти к Червленой.

Помню: из фашистских танков и бронетранспортеров, подходивших вплотную к группам наших командиров и бойцов, слышались команды: "Поднять руки!", "Бросить оружие!", "Сдаваться в плен!", и если люди не выполняли эти команды, по ним открывали огонь. Обессилевших раненых фашисты добивали, иных затаскивали в машины.

Но, несмотря на полное превосходство и в численности, и в вооружении, враг не мог подавить волю бойцов дивизии к сопротивлению, всюду получал отпор. А многие командиры и красноармейцы жертвовали собой, чтобы выручить, спасти товарищей.

...Я видела, как в фашистский танк, приблизившийся к одной группе прорывавшихся воинов, полетела граната. Раздался взрыв. Из танка повалил дым. Наш солдат упал, сраженный пулеметной очередью. Кто это был? Может, один из героев боев на реке Аксай и под Абганеровом младший сержант Н. Г. Сараев?

Сейчас известно, что Сараев шел с группой командиров и бойцов, среди которых, между прочим, находился М. Н. Алексеев, тогда политрук минометной роты 106-го полка, а ныне известный писатель. Так вот, когда фашистский танк приблизился к группе и гитлеровский офицер, высунувшийся из башни, скомандовал: "Хенде хох!", Сараев молча рванулся вперед и метнул гранату. Он погиб, но товарищей спас. Может быть, именно подвиг младшего сержанта Сараева навсегда запечатлелся в моей памяти?

Отдавая приказ продолжать движение, пробиваться сквозь вражеское кольцо мелкими группами, полковник Колобутин беспредельно верил в людей, понимал, что другого выхода нет. И в седьмом часу утра множество групп сумели либо пробиться, либо просочиться сквозь заслон из вражеских танков и бронетранспортеров, пройдя сквозь стену из стали и огня.

Сообразив, что задержать и пленить всех уходящих не удастся, фашистские танкисты перестали курсировать по степи, выстроили машины за нашей спиной в линию и открыли огонь из пушек. Почти одновременно появилась вражеская авиация.

Вести огонь по уходившим и бомбить их гитлеровцам было легко: в ровной степи каждый человек как на ладони! Нам же оставалось только одно - делать перебежки, залегая при особенно близких разрывах. Так приблизились мы к приметному издалека, выжженному полю. Оно буквально кипело взрывами мин и

снарядов. Люди, пересекавшие поле, часто падали и не вставали. Но иного пути к своим не существовало.

Группа полковника Колобутина при перебежках и лавировании отделилась от нашей, которую вели комиссар штаба дивизии батальонный комиссар Владимир Георгиевич Бахолдин и начальник штаба дивизии подполковник Дионисий Семенович Цалай.

Образованный, широко эрудированный человек, Бахолдин был умелым политработником, отличался большим мужеством. Я старалась держаться рядом с Владимиром Георгиевичем. На его загорелом, с крупными чертами лице даже в самые, казалось бы, критические минуты нельзя было заметить и тени колебания или сомнения.

Крепко сжат рот, прищурены глаза, в наклоне головы, во всей фигуре упорство, убежденность, что враг своего не добьется. Одно присутствие Бахолдина ободряло людей, придавало им силы, вселяло уверенность в благополучном исходе прорыва!

Перед броском через горелое поле Бахолдин, лежа, оглянулся, немного отдышался и первым поднялся с земли, вскинув руку с пистолетом:

- Вперед! За мной!

Я бежала за батальонным комиссаром. Раза три падала, чтобы не угодить под осколки разрывавшихся вблизи снарядов. Очередной рванул совсем рядом. Меня осыпало землей и пылью. Выждав с десяток секунд, приподнялась, огляделась. Бахолдин лежал на расстоянии вытянутой руки. Пилотки на нем не было. По темным волосам обильно текла кровь.

Бросилась к комиссару, перевернула на спину, и перехватило дыхание: мертв...

Вскоре на моих глазах тяжело ранило молоденького лейтенанта: крупный осколок снаряда попал ему в грудь. Лейтенант не потерял сознание, хорошо понимал, что произошло. Пока я пыталась большим перевязочным пакетом закрыть рану, еле слышно просил:

- Не надо... Застрелите... Все зря, доктор... Застрелите...

Не хватало сил смотреть в печальные, медленно угасающие глаза. Твердя слова утешения, я отвела взгляд. А когда рискнула вновь посмотреть на лейтенанта, он уже ничего и никого не видел.

Оказывая помощь лейтенанту, я вынужденно задержалась, отстала от своих. Дальше двигалась с незнакомыми людьми. На ходу узнала - многие из 126-й стрелковой дивизии.

Из этой же дивизии оказалась и молодая женщина-врач, с которой мы прошли бок о бок метров четыреста. Ее ранило в обе

ноги осколками при очередной перебежке. Я перевязала раны. Пробегавший мимо боец крикнул, что впереди лощина, нужно туда. Но как дотащить до нее коллегу?

Метров тридцать я проволокла ее на себе, но выбилась из сил. Тут мы заметили, что к горелому полю движутся вражеские танки.

- Бросайте меня, доктор! - твердо сказала раненая. - Вдвоем все равно не спастись, а так хоть вы... Не теряйте времени, уходите. Только оставьте пистолет. Оставьте мне пистолет!

Она испытывала боль, теряла кровь, но голос звучал твердо. Волевая женщина - я поняла это - предпочитала застрелиться, но не попасть в плен.

Мимо широко шагал капитан-связист огромного роста. Заметил нас, остановился:

- Ранены?

Я указала на коллегу:

- Она!

Капитан нагнулся, бережно поднял женщину, понес. Я пошла следом за ними, потрясенная тем презрением, какое выказывал гигант капитан к рвущимся вокруг снарядам.

Раненая обхватила капитана за шею, он на ходу что-то отрывисто говорил ей, подбадривал. И немного уже оставалось до спасительной лощинки, когда рядом с ними встал столб огня и дыма.

А я до лощинки добралась, отдышалась, сумела бегом достичь края выжженного поля, как и многие другие. Казалось, спасены! Но, стремясь покончить с нами, гитлеровцы снова вызвали авиацию. Нас принялись жестоко бомбить, обстреливали из крупнокалиберных пулеметов и самолетных пушек. А позади и на флангах опять показались вражеские танки, подтянутые, возможно, из Тингуты и Верхнецарицынской. И оставалось-то всего ничего: какие-нибудь километр-полтора...

В этот тяжкий момент, когда спасти штаб и штабные подразделения могло, пожалуй, только чудо, это чудо и произошло: на высотках за хутором начала разворачиваться артиллерийская батарея. Никто не знал, что это за батарея, кто ее командир. Но не было среди нас ни одного человека, который не смотрел бы на смельчаков артиллеристов с последней отчаянной надеждой если кто и выручит, так только они!

Батарея развернулась быстро, все четыре орудия открыли огонь по фашистским танкам. И какой огонь! Ближние к выжженному полю машины сразу замедлили ход, один бронетранспортер распался на куски, задымил один из танков, а остальные остановились.

Ободренные, мы бежали под защиту батареи. Скорее, скорее...

Было видно: враг попытался обрушить на героических артиллеристов бомбовый удар. Но первый же выходивший из пике "юнкерс" вдруг вспыхнул и развалился, а остальные поспешили отойти, бросив бомбы куда попало.

Тогда гитлеровцы сосредоточили на смельчаках артиллеристах огонь танков. Снарядов враг не жалел. Но из двадцати наползавших на батарею машин одна за другой остановились еще шесть, зачадили три бронетранспортера. И вражеские автоматчики начали разбегаться, а уцелевшие фашистские танки отошли.

К Червленой я добиралась из последних сил. Отстала от всех, брела, еле передвигая ноги, в одиночку. На плотине через реку не застала ни одной живой души. Перешла на восточный берег, сделала несколько шагов и рухнула в придорожный бурьян...

Послышался рокот танковых моторов. Полагая, что никаких танков, кроме вражеских, поблизости быть не может, вытащила из кобуры пистолет, вставила запал в гранату Ф-1, подобранную при отходе. В мозгу, как пламя, билась и гудела только одна мысль: не даться живой.

Всмотрелась в несущиеся к плотине танки и ослабела: это были наши. Точно наши... Шесть наших танков и "виллис"! Правда, вдали, за тучами пыли, двигались и другие танки, явно вражеские, но первыми должны были подойти к реке наши.

Прогремев по плотине, танки один за другим взбирались на скаты восточного берега, разворачивались, занимая огневые позиции. Мчавшийся вместе с ними "виллис" притормозил около меня.

- Чего разлегся? Фрицев ждешь? - гневно закричал сидевший рядом с шофером командир.

Поднялась на ноги:

- Я врач из 29-й стрелковой...

И узнала гневного командира. Им оказался тот самый подполковник В. И. Жданов, которого я снабдила под Абганеровом анальгином. Жданов тоже узнал меня:

- Вы? Почему одна?.. Впрочем, что толковать, фашисты рядом. Садитесь, поехали!

Самостоятельно взобраться в машину я не смогла. Меня затащили в "виллис", и шофер рванул вперед. Танкисты, не исключая Жданова, были небриты, у всех землистый цвет лица, воспаленные веки.

- Вот мы и квиты, доктор, - обернувшись, пошутил Жданов. - Ничего! Еще повоюем?

Говорил, а смотрел уже в сторону отдаляющейся плотины, на

свои танки...

* * *

В годы войны, да и позже, я не раз слышала и читала о В. И. Жданове. Однако с памятного дня 30 августа 1942 года никогда Владимира Ивановича не встречала. А спустя двадцать лет после окончания войны узнала горькую весть: при авиационной катастрофе в Югославии вместе с другими членами советской военной делегации погиб генерал-полковник В. И. Жданов..ю

* * *

В ночь на 1 сентября грузовик танковой бригады довез меня до окраины Бекетовки. Шофер сказал, что здесь я наверняка найду своих. Я осталась на ночной дороге одна, прислушалась: за кустами - русская речь. Похоже, свои, но лучше дождаться утра. Прилегла тихонько в канавку, уснула, а едва забрезжил рассвет, очнулась и побрела искать родную дивизию.

Не помню, как долго шла, никого не встречая, не помню и названия овражка, куда спустилась к светлому ручейку напиться. Черпая ладонями воду, услышала позвякивание ведер, легкие шаги. Подняла голову: к ручью сбегала по тропочке Аня - высокая светловолосая девушка, служившая когда-то в штабе нашей дивизии машинисткой и переведенная в штаб армии. Она тоже меня увидела, вскинула брови:

- Товарищ военврач, вы?! А ведь вас в списки убитых...

Ведра покатились к ручью, мы обнялись. Через несколько минут выяснилось: я вышла к штабу 64-й армии, недалеко и штаб 29-й стрелковой дивизии.

- Ваш комдив Колобутин и комиссар Шурша должны вот-вот прийти, сказала Аня. - Вызваны на совещание к командующему.

Действительно, добравшись со старой знакомой до штаба армии, я увидела приближающихся Колобутина и Шуршу. Оба были в касках, в пропыленных плащ-палатках, шагали, опустив головы. Черты лица обострены, губы черные, словно их обожгло.

На мое приветствие Колобутин поднес руку к каске, но не сказал ни слова, а Шурша замедлил шаг:

- Подождите, после совещания пойдете с нами.

Совещание длилось недолго, час с небольшим. Возвращаясь с Колобутиным и Шуршой в район Бекетовки, где, как оказалось, временно обосновался штадив, узнала: передышки не будет, дивизии приказано наличными силами сегодня же выдвигаться под хутор Елхи, занять оборону, прикрыть подступы к юго-западной окраине Сталинграда. Сказали мне также, что потери у нас немалые...

Я рассказала о том, как погиб комиссар штаба дивизии батальонный комиссар Бахолдин. Колобутин и Шурша сняли

каски.

- Вы действительно видели, что Бахолдин умер? - взволнованно переспросил Шурша. - Не ошиблись? Я ответила, что ошибиться было невозможно.

- Напишите об этом по всей форме, - потребовал Шурша. - Сегодня же!

Я исполнила это требование, как только представилась возможность достать лист бумаги и карандаш.

Вблизи Бекетовки, в так называемом "саду Лапшина", собрались все, кто с боями вышел из вражеского кольца. Из восьми тысяч человек, .сражавшихся в дивизии 29 августа, тут находилось всего около тысячи. Боевые знамена частей люди вынесли и сохранили.

По решению полковника Колобутина оставшиеся в строю командиры и солдаты 128-го стрелкового полка и Отдельного учебного стрелкового батальона, понесших наибольшие потери, были переданы в 106-й и 299-й стрелковые полки, которым Колобутин и приказал занять оборону под Елхами. Приказано было встать в оборону и 77-му артиллерийскому полку, имевшему тогда лишь пять орудий...

Частям, отправлявшимся под Елхи, снова зачитывали приказ No 227. Суровый приказ требовал не отступать ни на шаг, оборонять каждый рубеж до последней капли крови. Воины слушали молча, лица их были исполнены решимости.

К вечеру штаб дивизии перебрался ближе к позициям полков - в балку Глубокая. По пути попали под чудовищную бомбежку. Но в тот раз никто из старших командиров дивизии не пострадал.

Глава седьмая.

Новое назначение

День 1 сентября прошел спокойно. На переднем крае дивизии дело ограничивалось ружейно-пулеметной перестрелкой, балку Глубокая бомбили только раз, утром. Часам к двенадцати принесли газеты: армейскую и нашу, дивизионную. В них писали: за мужество и умелое руководство войсками командир 29-й стрелковой дивизии А. И. Колобутин награжден орденом боевого Красного Знамени, многие командиры и солдаты - медалями.

Галя-гвардеец сказала, что командир 2-й батареи 77-го артполка младший лейтенант Н. И. Савченко представлен командованием к ордену Ленина, а командир Отдельного 78-го саперного батальона старший лейтенант В. И. Быстров - к ордену Красной Звезды.

Ордена в сорок втором году давали нечасто. Про подвиг Быстрова я знала: отвлек на себя удар гитлеровцев, предназначавшийся штабу дивизии. А что совершил Савченко?

- Вот тебе раз! - удивилась, даже обиделась Галя. - Савченко и на Аксае, и под Абганеровом... А когда к Червленой прорывались, кто выручил? Савченко! Это ж его батарея по фашистам огонь с холмов вела!

От Гали я узнала, что Савченко - кадровый командир. Рядовым красноармейцем сражался еще на Халхин-Голе и у озера Хасан. Потом артиллерийское училище. С первых дней Великой Отечественной бил гитлеровцев на Западном фронте, был тяжело ранен, направление в 77-й артполк получил после излечения.

- А вам говорили, кто у Червленой самолет из пушки сбил? - спросила Галя. - Нет? Один из бойцов Савченко, наводчик младший сержант Дмитриев. Его к ордену Отечественной войны представляют.

Узнать, что эти подвиги высоко оценены командованием, было радостно. Но с горечью думалось о тех, кто совершил подвиги, а наград не дождался...

Увидев меня у землянки политотдела, полковник Колобутин приподнял брови:

- Вы еще здесь? Напрасно. Собирайтесь - и в медсанбат, за Волгу!

Ответила как положено: "Есть в медсанбат!" - и отправилась за шинелью, за санитарной сумкой. Но тут фашистские бомбардировщики волна за волной пошли на переправы, отбомбившись только к вечеру. Я побоялась в темноте заблудиться и отложила уход до утра. А утром все переменилось...

* * *

Только-только брезжил рассвет, а небо уже набухало небывалым гулом. Выбравшись из земляной норы, облюбованной в качестве укрытия и места для ночлега, я увидела, что с запада наползают на нас, на город сплошные тучи вражеской авиации. Наблюдать такое еще не приходилось! И глаза не обманывали: действительно утром 2 сентября начинался самый сильный после 23 августа воздушный налет противника на город.

С гребня балки Глубокая было видно, как армады фашистских бомбардировщиков, сменяя одна другую, наваливаются на районы заводов "Баррикады", "Красный Октябрь", Тракторного, на жилые кварталы и на переправы. Весь Сталинград заволокло черным дымом. А тут фашистские самолеты обрушились и на передний край дивизии, и на балку Глубокая...

Появились раненые, я должна была оказать им помощь. И вопрос об отправлении в медсанбат сам собою отпал. Несколько раз сталкивалась я с Колобутиным, но он ни разу не напомнил о вчерашнем приказе.

Вскоре в штаб пришло сообщение, что враг атакует по всему фронту армии на рубежах Старо-Дубровка - Елхи - Ивановка. Малочисленные части дивизии, получившей за ночь всего 500 человек пополнения, были атакованы силами пехотного полка полного состава, поддержанного танками. Мы же танков не имели, а артиллерия по-прежнему располагала единственной батареей полковых пушек - все той же батареей Савченко.

И все же 2 сентября дивизия выстояла, не позволила гитлеровцам овладеть хутором Елхи.

Готовя раненых к отправке в медсанбат, узнали от шоферов, что он переброшен из Бекетовки не на левый берег Волги, а на один из волжских островов - остров Сарпинский.

- Это что! - говорили шоферы медсанбата. - На остров перебраться ночью ничего не стоило. А вот когда из балки Донская Царица пробивались, тогда досталось. По машинам раза три из пулеметов садили!

Я поинтересовалась, не пострадал ли кто-нибудь из моих товарищей, и обрадовалась, услышав, что жертв среди врачей, фельдшеров и остального медперсонала нет.

Двое суток, с 3 по 5 сентября, дивизия продолжала неравный бой за Елхи. Хутор дважды переходил из рук в руки. Утро 5 сентября тоже началось атаками фашистов, и к 14 часам положение резко ухудшилось. Полковник Колобутин попросил комиссара дивизии И. В. Шуршу и начальника политотдела дивизии А. С. Киселева воодушевить бойцов, добиться перелома в ходе боя. Те ушли на передний край.

Через три часа в штаб дивизии сообщили, что успешной контратакой враг выбит из хутора. Позднее стало известно, что в решительную контратаку вели командиров и солдат именно Шурша и Киселев. Оба погибли, но перелома в ходе боя добились.

К исходу 5 сентября бои под Елхами затихли. Теперь противник яростно атаковал на других участках. На девятые сутки непрерывного сражения, 12 сентября, враг сумел прорваться к Волге в районе села Купоросного, отрезав 64-ю армию от 62-й. Но ценой каких потерь добился враг этого успеха, последнего своего успеха на юго-западном участке обороны Сталинграда! Десятки танков, догорев, остались в степи, десятки бронетранспортеров, сотни автомашин и многие, многие тысячи фашистских солдат...

Смещение боев в район Купоросного позволило дивизии и приданной ей 65-й морской стрелковой бригаде улучшить позиции и пополниться. В дивизию влился сводный курсантский полк. На его основе возродили 128-й стрелковый полк дивизии. Поступало в большом количестве новое вооружение. Прибывали

новые командиры батальонов и рот. На должности командиров взводов выдвигались хорошо показавшие себя в бою младшие командиры и даже рядовые красноармейцы... Но в те же дни сменилось руководство дивизии. Анатолия Ивановича Колобутина отозвали в Москву. Говорили, ему предстоит принять командование другой, недавно сформированной дивизией. В штаб армии был отозван и стал там работать начальник штаба дивизии Д. С. Цалай. А Колобутина сменил подполковник А. И. Лосев, прежде командовавший бригадой морской пехоты. Начальником штаба у Лосева стал майор Г. К. Володкин.

Перед отъездом полковник Колобутин собрал находившихся на КП товарищей, поблагодарил за службу, пожелал успешных боев. Уехал, а точнее говоря, ушел Колобутин из дивизии уже к вечеру: разъезжать по степи на машине, пока не стемнеет, не приходилось из-за висевших в воздухе истребителей и бомбардировщиков врага.

* * *

Недолго оставалась на КП дивизии и я. День, когда получила новое назначение, помню очень ясно. Утром, ранним и холодным, разбудил голос штабного почтальона:

- Товарищ военврач, письмо!

Приподняв край плащ-палатки, заменявший в землянке дверь, почтальон подал измятый конверт. Это была первая весточка из дому, полученная после летних боев. Я обрадовалась, но увидела, что номер полевой почты и фамилия выведены каллиграфическим почерком отца, и забеспокоилась: прежде все подписывала мама. Поспешно разорвала конверт, вытащила сложенный вчетверо тетрадочный лист, натолкнулась взглядом на слова "...схоронил вчера".

Почему я сразу поняла, что отец сообщает о смерти мамы? Ведь она никогда прежде не жаловалась на недомогание и если беспокоилась о чьем-то здоровье, так это о моем! Отец писал, что у мамы случился внезапный приступ аппендицита, вызванный врач ошибся в диагнозе, а, когда наконец спохватились и положили больную на операционный стол, было уже поздно.

Уткнувшись лицом в санитарную сумку, служившую подушкой, я рыдала от сознания чудовищной нелепости случившегося, от невозможности что-либо изменить.

...Мама моя! Она росла без отца, кроме нее, у бабушки было еще одиннадцать детей, все с малолетства занимались тяжелым, изнуряющим трудом. Не принесло маме избавления от нищеты и замужество: хатенка в витебской деревушке Киреево кособочила, ветер трепал соломенную крышу, заваливал хилый плетень...

Жуткий пожар, спаливший Киреево дотла, вынудил

родителей перебраться в город. Тут отец устроился было на завод, но стал часто болеть, и вся забота о семье окончательно легла на плечи матери: нанималась убирать и стирать, по ночам шила на людей. Как выдерживала, откуда брала силы?

Теперь знаю - из бездонной криницы женской, материнской любви. Даже спустя годы, когда я уже училась в Москве, в очень голодное время, мама ухитрялась каждый месяц присылать то сухари, то кусочек сала...

Брезент санитарной сумки царапал лицо, но я все крепче стискивала ее. Сердце сжимала боль. Нет, не спешила я воздать маме добром за все, что она делала: считала - успею... Даже тревоги за малолетнего сына, оставшегося на руках у немощного отца, в тот момент не возникло, так остра была боль, таким неизбывным было чувство вины перед умершей.

К действительности вернул оклик адъютанта нового командира дивизии:

- Товарищ военврач, вы у себя?

Адъютант явился сообщить, что я назначена врачом в Отдельный учебный стрелковый батальон, где плохо с медицинской помощью, и передал записку комдива с указанием немедленно отправиться в распоряжение командира учебного батальона.

Дождавшись, пока адъютант уйдет, я встала с топчана, вытерла слезы, спрятала письмо отца и записку комдива в нагрудный карман гимнастерки. Заполнявшая меня боль не проходила, но отступила куда-то вглубь, словно не хотела мешать делать то, что полагалось. Теперь я часто думаю, что внезапное назначение на новую должность, необходимость подчиниться приказу и немедленно выполнить его были для меня в ту минуту великим благом.

* * *

Отдельный учебный стрелковый батальон нашей дивизии, подобно многим другим учебным стрелковым батальонам, входившим в состав действующих воинских соединений, сражался против гитлеровцев наравне с остальными стрелковыми и артиллерийскими частями. Батальон занимал оборону на левом фланге дивизии, юго-восточнее хутора Елхи, временно захваченного врагом. Командный пункт учбата располагался в балке Безымянная. Младших командиров в батальоне готовили, попеременно выводя в тыл то один, то другой взвод.

Одолев склон балки Глубокая, где размещался штаб дивизии, я огляделась. Рассвело, облака истончились, всходило огромное, по-осеннему желтое солнце. В ласковых лучах восхода особенно густо чернели окутанные дымом и неоседающей пылью

развалины Сталинграда. Кое-где между ними, отливая жидким золотом, кипела от разрывов снарядов и бомб Волга. Ближе к Глубокой и южнее чернели домики Бекетовки. А на западе, всего в четырех-пяти километрах от Глубокой, изгибалась дымной, грохочущей, подсвеченной солнцем дугой линия переднего края дивизии.

Со стороны этой дуги, на иссеченную холмами и оврагами степь, на Глубокую и Бекетовку уже наплывали хорошо видные в желтых отблесках солнца фашисте-кие самолеты. Гул их моторов на время заглушил рев орудий и минометов. Кое-где вражеские бомбардировщики отделялись от общего строя, включали сирены, пикировали, сбрасывали бомбы на невидимые для меня цели. Степь вздрагивала, уходила из-под ног. А туча фашистской авиации продолжала двигаться прямиком на Сталинград.

Преодолев невольное желание лечь, переждать, пока пронесет эту тучу, я вцепилась в лямки вещмешка и зашагала своей дорогой.

Твердая словно камень земля. Голубоватые кустики полыни, комки перекати-поля, опаленные края бесчисленных воронок, осколки, и среди полыни, шаров перекати-поля, воронок множество разноцветных бумажных лоскутьев с одноглавым черным орлом. Это фашистские листовки. Гитлеровцы не жалеют бумаги, пытаясь поколебать стойкость наших воинов: пишут, будто советские армии под Сталинградом окружены, что нас ожидает неминуемая гибель, призывают убивать комиссаров, сдаваться в плен... Сволочи. Были бы уверены в победе - не стали бы ни пугать, ни зазывать в плен!

Позади осталась широкая, пологая балка, позади уже два холма. Передовая приближается, а мысли не о ней: после того, как притупилось ощущение опасности, с новой силой потрясло сознание невосполнимой утраты, понесенной нынче, возникло ощущение полного одиночества. Так, в слезах, и вышла я к маскировочным сетям, забросанным пожухлой травой и полынью, скрывающим орудия, орудийные ровики и щели личного состава. Торопливо вытерла слезы рукавом шинели: незачем людям видеть мое отчаяние.

Из ближнего окопчика поднялся светловолосый лейтенант с обветренным лицом и яркими голубыми глазами. На широкой груди полевой бинокль:

- Здравия желаю, товарищ военврач! Далеко собрались?

- Здравствуйте. Вы не из двадцать девятой стрелковой? Не подскажете, как добраться до учебного батальона?

Артиллерист развел руками:

- Ну и ну... Своих не узнают. Прикрывай вас после этого!

Оказалось, вышла я на позиции 1-й батареи 1-го дивизиона 77-го артиллерийского полка, а мой собеседник, этот молодой лейтенант, - командир дивизиона, тот самый Николай Иванович Савченко, про которого столько читала и слышала.

Узнав, зачем я направляюсь в Отдельный учебный, Савченко выделил сопровождающего - степенного немолодого солдата:

- Довести врача до самого командного пункта! Ясно?

Мой провожатый дорогу знал хорошо, пулям в отличие от меня не кланялся, но чем дальше мы отходили от батарей, тем чаще и он стал бросаться на землю: снаряды рвались все ближе, пули посвистывали все громче. Я запыхалась, глаза заливал пот. В очередной раз догнав провожатого, упав рядом с ним и не успев отдышаться, услышала:

- Прийшлы!.. Бачите вон ту балочку? На укосе? З кустами? Ось там.

До балочки, наискосок врезавшейся в пологий склон длинного высокого холма, вблизи вершины которого все клокотало от взрывов, оставалось не более ста метров.

- Спасибо, - сказала солдату. - Теперь я сама.

- А как же я доложу товарищу лейтенанту?..

- Доложите как есть. Что довели до самого КП. Боец колебался.

- Счастливо, - сказала я и поползла к поросшей низкими кустами балочке.

- Бувайте, товарищ доктор! - донеслось вслед. До Безымянной оставалось всего ничего, когда вблизи, одна за другой, стремительно разорвались мины. Осколки, казалось, снесут пилотку... Я не стала дожидаться нового налета, вскочила, промчалась пулей до кустов и бросилась "рыбкой" в их спасительную щетину.

Глава восьмая.

"Врач нужен живой!"

Неподалеку от места, где я лежала, торчали из склона балки торцы бревен. Приглядевшись, поняла: это накат перекрытия, хорошо замаскированный дерном и кустиками полыни. Может, тут находится КП? Подошла, толкнула дверь из неошкуренных горбылей.

...В тесном помещении, слабо освещенном "катюшей" - нехитрым светильником, сооруженным из сплющенной снарядной гильзы и обрывка телефонного провода вместо фитиля, едко пахло гарью. У дощатого шаткого столика коренастый сержант торопливо снаряжал пулеметные диски.

Назвалась, сказала, что хочу видеть командира батальона. Сержант, не выпуская из рук очередной диск и патрон, на миг

вытянулся:

- Писарь штаба сержант Батырев! Товарищ комбат наверху, на наблюдательном, ведут разведку боем... А вы надолго, товарищ военврач?

- Насовсем. Далеко наблюдательный?

- Рукой подать! Ступайте вверх по балочке, возле третьей большой воронки - тропочка. Там поаккуратней... Да вы обождите маленько, я провожу.

- Не беспокойтесь, доберусь. А где медпункт, где ваш фельдшер?

- Какой там медпункт! - сказал Батырев. - Да и фельдшер в госпитале... Лучше обождите меня, товарищ военврач третьего ранга. Там же ползком надо! Если что случится, мне ни комбат, ни ребята нипочем не простят. Три диска всего осталось...

Но я не стала ждать писаря: во взводах и ротах, несомненно, имелись раненые.

Третью большую воронку и ведущую наверх тропочку отыскала без труда. Балка в этом месте была достаточно глубокая, но грохот боя приблизился вплотную. Когда поднялась по тропинке, то увидела, как стремительно вдруг облетели веточки с ближнего куста. Мгновенье спустя догадалась: срезало пулеметной очередью.

Метров сто ползла, изредка поднимая голову, чтобы убедиться: с направления не сбилась, приближаюсь к бугорку, который является, по всей видимости, наблюдательным пунктом комбата.

Не ошиблась. Бугорок - нашлепка из тонкого накатника и слоя земли прикрывает расширенную стрелковую ячейку. У входа в этот "блиндаж", подтянув колени к подбородку, примостился связист с катушкой черного телефонного провода. Он курит, часто и жадно затягиваясь, а из блиндажа доносится яростный мужской голос: бранит на чем свет стоит какого-то Косарева. Я разобрала, что Косареву приказывают занять первую траншею противника и не возвращаться, если этого не сделает.

Проползла еще несколько метров, залегла в редких кустиках полыни вблизи "блиндажа". Приподняла голову. Выше по склону, всего в сотне метров от наблюдательного пункта батальона, клубилась подвижная, то опадающая в одном месте, то вздымающаяся в другом стена дыма, огня и пыли. Земля вибрировала. Если ослабевал гул орудий и минометов, слышалось остервенелое рыканье пулеметов. Среди разрывов, в серых провалах дымной стены виднелись фигурки людей. Они вставали с земли, бежали, падали, снова вставали, а иные ползли обратно к балке.

- А это кто еще?! Чего вы тут?!

Обернувшись на резкий окрик, я увидела широкоплечего старшего лейтенанта с воспаленными серыми глазами, попыталась подняться на ноги:

- Я врач. Назначена...

- В блиндаж! Убьют же!

Следом за старшим лейтенантом втиснулась в крохотный блиндажик наблюдательного пункта. Там, спиной ко мне, прильнув к смотровой щели, прижимая к уху телефонную трубку, срывая голос командами, сидел человек в шинели с капитанскими погонами. Я видела только его спину, перекрещенную ремнями походного снаряжения, и коротко стриженный, узкий мальчишеский затылок.

Старший лейтенант смотрел вопросительно и требовательно. Я прокричала свое звание и фамилию, прокричала о своем назначении. Человек в шинели с капитанскими погонами на миг обернулся. У него было молодое, худощавое лицо с немигающими глазами, с острым взглядом. Впрочем, через мгновение он снова прильнул к смотровой щели, к телефону.

- Выбрали в штадиве времечко послать вас! - крикнул старший лейтенант и протянул широченную ручищу: - Макагон. Замполит. Комбату не до вас. Ждите!

Ждать пришлось больше часа, пока атакующие роты не начали по приказу комбата отход. А время ожидания, время бездействия - самое тяжелое время...

Наконец командир батальона оторвался от смотровой щели, обернулся, выслушал мой доклад, закурил. Фамилия комбата была Юрков, имя-отчество Борис Павлович. Выяснилось, он и сам-то в батальоне третий день, прибыл из госпиталя, а ранен под Сталинградом, где командовал ротой курсантов Краснодарского пехотного училища.

- Капитан принял командование во время боя, - добавил старший лейтенант Макагон.

Командир батальона и замполит выглядели очень молодыми, но сильно разнились внешностью: комбат худощав, быстр, резок в словах и движениях, замполит плотен, нетороплив, даже медлителен.

Меня, естественно, интересовало медицинское обеспечение батальона. Юрков махнул рукой: во всех ротах, кроме третьей, санинструкторы выбыли из строя. Надо бы хуже, да некуда...

- Поутихнет - организуйте эвакуацию раненых, - приказал Юрков. - В помощь санитарам каждая рота выделит носильщиков.

Макагон подсказал: медпункт можно организовать в соседней балочке, там никого нет, обстреливают балочку редко.

- Только в ничейную зону не суйтесь, - грубовато предупредил Юрков. Нам врач нужен живой!

Конец его фразы заглушил близкий разрыв снаряда.

При разведке боем понесла большие потери 1-я рота старшего лейтенанта Н. М. Ивченко. В сопровождении выделенного бойца я и направилась в эту роту. Вернее, поползла.

Ивченко, русый, светлоглазый, с темным, в пыли и копоти лицом, оборудовал командный пункт в воронке от авиабомбы. В обращенном к противнику скате воронки - укрытие, рядом "лисьи норы" для связистов. Командир роты сказал, что многих раненых вытащили, уложили в траншеи и щели.

Пошла по траншеям. Продвигаться приходилось с осторожностью, чтобы не потревожить тяжелораненых. У иных забинтованы головы, у других - грудь, у третьих - руки и ноги. Некоторые повязки пропитались кровью... Люди стонут... А легкораненые возбуждены: смертельная опасность пережита, осталась позади, скоро лечение в медсанбате. И сладок им сейчас горький табачок!

Перевязки, уже сделанные большинству раненых, оказались вполне сносными, хотя делали их не профессионалы, а свои же товарищи. Я лишь подбинтовала раненного в живот да нескольким бойцам наложила шины на руки и ноги, поскольку у них были ранения с повреждением костей. Находившиеся в сознании тяжелораненые глядели на меня с надеждой, спрашивали, когда их эвакуируют.

- Скоро, миленькие, скоро! - обещала я, указывая сопровождавшим санитарам и носильщикам, кого эвакуировать с переднего края в первую очередь.

После обхода траншей и щелей поползла с ординарцем Ивченко в "ничейную зону": убедиться, что раненых там не осталось. Скажу честно, ползать по "ничейной зоне" было жутковато - гитлеровцы вели пулеметный и автоматный огонь, пошвыривали мины. Однако о своем решении я не пожалела, потому что мы обнаружили двух тяжелораненых, оказали им первую помощь и вытащили на командный пункт роты.

Выслушав меня, Ивченко помрачнел, добрые глаза его стали суровыми, он немедленно потребовал от командиров взводов эвакуировать с поля боя всех раненых до единого и доставить их на батальонный медпункт.

Я перебралась во 2-ю роту. Там успокоили: раненых на поле боя не осталось, всех вынесли, перевязали и уложили в укрытиях.

Приказав санитарам переносить людей в балочку, указанную старшим лейтенантом Макагоном, отправилась в 3-ю роту. Опять под огнем, кое-где ползком... Санинструктор роты Колбасенко,

скорый на ногу человек лет тридцати, оказался жив и невредим. Он помог подбинтовать нескольких раненых, наложить шины. Убедившись, что Колбасенко сам справится с делом, решила поспешить с оборудованием батальонного медпункта.

В балочке, намеченной для него, действительно хорошо укрытой от вражеского наблюдения густым кустарником, уже скопилось около сорока раненых бойцов и командиров.

Побежала на КП батальона к Юркову:

- Товарищ капитан, скоро придут машины из медсанбата?

Юрков хмыкнул:

- Машины медсанбата сюда не ходят. Слишком опасно.

- Как же эвакуировать раненых?!

- Как обычно, товарищ военврач. Стемнеет, вытащите их на носилках к складам боеприпасов. Тут недалеко, километра полтора... Придут грузовики с боеприпасами, разгрузятся, потом заберут раненых.

- Но пока наступит ночь, пока придут грузовики, одни могут погибнуть, а другие будут невыносимо страдать!

Я с надеждой посмотрела на замполита. Макагон пожал плечами:

- Нужно ждать темноты и грузовиков.

Все во мне, однако, протестовало против пассивного ожидания. Комбата и замполита я ни в чем не винила - они не врачи, им трудно понять, как опасны те или иные раны. Но я-то это знаю, значит, должна, обязана что-то предпринять!

- Разрешите, товарищ капитан, связаться со штабом дивизии? - попросила я.

- С кем именно хотите говорить? - осведомился Юрков.

- С начальником штаба! - выпалила я, мгновенно перебрав в памяти все командование дивизии и решив, что никто меня не поймет так, как давно знакомый майор Г. К. Володкин.

- Ладно, вызовем начштаба...

С Володкиным соединили минут через пять. Волнуясь, я сообщила, что в медпункте Отдельного учебного батальона скопилось немало раненых, есть тяжелые, нуждающиеся в немедленной эвакуации. А машин нет.

Просила дать указание подразделениям автобата, доставляющим боеприпасы, заезжать на медицинский пункт Отдельного учебного батальона и вывозить раненых в течение всего дня.

- Это невозможно, - сухо ответил Володкин. - Автомашин недокомплект, рисковать ими нельзя.

Не знаю, откуда взялись у меня в тот момент упорство и настойчивость, вообще-то не слишком уместные в разговоре со

старшим командиром. Видимо, сказался день, проведенный на передовой, сказалась острая тревога за жизнь раненых. И я разразилась тирадой о том, что машины не могут быть дороже людей. Начальник штаба перебил коротким: "Остыньте!" - и прервал телефонный разговор.

Взяв из моих рук умолкшую трубку, Юрков покачал головой:

- Знал бы, что так получится... Я расстроилась:

- Но как же быть?!

- Успокойтесь, - пробасил Макагон. - Все уладится! Придумаем что-нибудь.

Возвратясь на медпункт, снова обошла раненых. Поила их водой, поправляла повязки, делала уколы самым тяжелым, старалась бодрым голосом сказать каждому ласковое слово.

- Доктор, скоро нас увезут? - спрашивали те, кто был в силах говорить.

- Скоро, - отвечала я. - Еще немного потерпите, родные, еще немного!

А сердце сжимала боль. Ведь звонок Володкину результата не дал, а Юрков и Макагон, конечно, ничего придумать не смогут.

* * *

На юге ночь наступает быстро. В восьмом часу в октябре хоть глаз коли. И тут послышался слабый гул автомобильных моторов, он приближался. Я боялась поверить ушам. Раненые тоже услышали гул, приподнимали головы, спрашивали, что это.

- Лежите тихо! Успокойтесь! - уговаривали санитары.

Рокот моторов делался все отчетливее, пока не придвинулся вплотную, чтобы тут же стихнуть. А в балочку нашу, помаргивая ручным фонариком, уже опускался какой-то человек, негромко, но весело спрашивал, где тут военврач.

Я отозвалась. Человек с фонариком так же весело представился:

- Заместитель комбата по снабжению лейтенант Адамов! Можно просто Гриша. Со мной пять ЗИСов. Давайте раненых!

Я готова была обнять и расцеловать этого веселого Гришу. А заодно и Юркова с Макагоном, и майора Володкина, все же отдавшего приказ автобату вывозить раненых с медпункта. И еще мне было стыдно за давешнюю горячность.

Шоферы грузовиков, беспокоясь за машины, сноровисто помогали санитарам. Не прошло и получаса, как все были уложены в кузовы. Снова зарокотали моторы. Не зажигая фар, ЗИСы медленно пошли в тыл.

- Товарищ военврач, пора бы на КП, - сказал кто-то из санитаров. Небось кухни уже там...

Да, пора было на КП. Следовало доложить, что раненые

эвакуированы.

Мы шагали в кромешной тьме. В расположении командного пункта при мерцании вражеских осветительных ракет увидели полевую кухню и сбегающихся к ней посыльных из взводов и рот. На спинах посыльных горбами темнели термосы. Тени людей и предметов, внезапно возникая, стремительно вытягивались, чтобы вновь слиться с темью до следующей ракеты. Мои санитары, едва передвигавшие ноги, оживились, перестали ворчать, заспешили на запах борща и каши.

Я добралась до блиндажа комбата. Юрков и Макагон сидели на нарах рядом и дружно орудовали ложками. Потеснились:

- Давайте с нами, доктор! Тут и обед и ужин сразу.

Находился в блиндаже и третий офицер - высокий, курносый, обветренный. Юрков назвал офицера: заместитель комбата по строевой лейтенант Косарев. Я вспомнила - это Косареву капитан предлагал не возвращаться, если не займет первой вражеской траншеи. Выходит, Косарев ее занял...

Доложила об успешной эвакуации раненых, присела на нары рядом с Косаревым. Но кусок в горло не шел: слишком устала. Вышла из блиндажа, нашла неподалеку свободную щель, залезла в нее, легла на холодную землю, опустила отвороты пилотки, подняла воротник шинели, закрыла глаза. Уснуть! Уснуть!

Но сон тоже не шел. Картины прошедшего боя, лица и раны людей вставали перед мысленным взором. Да и трескотня пулеметов, редкие, но очень близкие разрывы снарядов и мин, непрестанные вспышки фашистских ракет не давали забыться.

Так началась моя служба в Отдельном учебном стрелковом батальоне.

Часто думаю: в тот день известие о смерти мамы, мое огромное личное горе оглушили, притупили во мне чувство опасности, словно мама даже после смерти продолжала ограждать единственную дочь от тяжких переживаний.

А потом зрелище жестокого боя, вид нечеловеческих страданий, тревога за раненых, необходимость действовать притупили мою боль. Да, жизнь сурово внушала: не одной тебе суждено познать беду и нельзя замыкаться в страданиях. Если хочешь остаться человеком - выполни свой долг, облегчи страдания других.

Всю жизнь стараюсь не забывать об этом!

Глава девятая.

В непрерывных боях

Утренники были в сентябре. В первой декаде октября по утрам все опушал иней. Но потом отпускало, и днем ходили без шинелей.

Все соединения и части 64-й армии, удерживая расположенные южнее Сталинграда высоты, вели кровопролитные бои, оттягивая на себя силы гитлеровцев, стараясь облегчить положение 62-й армии, сражавшейся против основной группировки врага.

Взаимодействуя со 106-м стрелковым полком, бился и наш Отдельный учебный стрелковый батальон. Если везло, вырывали у фашистов двести-триста метров родной земли. Не везло - откатывались от занятых было рубежей, чтобы через несколько часов предпринять новую атаку.

На день позже меня пришла в батальон медицинская сестра Маша Егорова. Невысокая, тоненькая, на вид совсем девочка, не по возрасту спокойная под огнем и очень сноровистая, она сначала удивила умением делать повязки любой сложности, а позже - ловкостью и силой, необходимыми при выносе раненых с поля боя.

Немногословная, застенчивая, добрая, самоотверженная, Маша пользовалась всеобщей любовью. Пожилые солдаты иначе как дочкой ее не называли, а молодые звали сестренкой. И не в том, обычном для армии смысле, в каком называют медсестер, а, пожалуй, в родственном, видя в ней действительно младшую сестренку, которую нужно поберечь.

Не помню, откуда Маша прибыла в батальон. Она была новенькой, ни в медсанбате, ни в штабе дивизии никого не знала, на расспросы о врачах и фельдшерах медсанбата, естественно, ответить не могла.

Жили мы с ней в щели, вырытой на медпункте. Дно выстлали травой, поверху набросали полыни. От осколков щель защищала надежно, от холода и дождя не защищала совсем. Но другого укрытия не существовало, а заниматься оборудованием благоустроенной землянки мы не могли: все время и все силы отнимали раненые.

В тогдашних тяжких боях санитары и санинструкторы постоянно выбывали из строя. Приходилось не только заниматься ранеными на медпункте, но и ползать в роты, вытаскивать бойцов и офицеров, получивших ранения, из-под огня, оказывать им первую помощь, а потом доставлять на батальонный медпункт.

Капитан Юрков постоянно предупреждал:

- Вы там не очень-то вперед лезьте!

Но предупреждал скорее для очистки совести, понимая, что, кроме нас, все равно эту работу делать некому.

Хватили мы тогда с Машей лиха... Научились питаться один раз в сутки, по ночам, да и то при условии, что не разбомбят кухню, что осколками не пробьет заплечные термосы солдат, ползущих с кухни в роты, что горячий суп, о котором мечтают во взводах, не вытечет на стылую землю.

Научились экономно расходовать сухой паек. Поняли, что такое на передовой ложка. Я, к слову сказать, заявилась в батальон без ложки и первое время выпрашивала ее у бойцов. Просьбы мои, разумеется, удовлетворяли, но только похлебав собственный суп или доев кашу. Мне же предоставлялось право выбора: либо пить суп через край котелка, либо есть его остывшим. Суп я предпочитала пить. Однако кашу не выпьешь, и ела я ее холодной, пока мне не подарил ложку раненый солдат, отправлявшийся в тыл:

- Пользуйтесь, доктор, я теперь новую раздобуду.

Признаюсь: только в окопах и траншеях Отдельного учебного стрелкового батальона я в полной мере испытала ту физическую, а главное - ту моральную нагрузку, какую на фронте доводится испытать непосредственным участникам боев. До прихода в батальон я считала себя обстрелянной, повидавшей виды. Но чего стоило пережитое в сравнении с тем постоянным напряжением, каким живут люди на передовой, даже привыкая не думать об этом напряжении?!

Сознание, что ты и твои товарищи - это и есть передний край фронта, что ближе вас к врагу нет никого, входит в плоть и кровь каждого, делает людей одновременно и необычайно внимательными, и предельно требовательными друг к другу, настороженными, готовыми в любую секунду вступить в схватку с противником.

Это не значит, что в минуты затишья не слышно в окопах и землянках шуток. Напротив! Как раз тут, на передовой, шутка ценится чрезвычайно и воспринимается крайне живо. Даже не слишком удачная. Но остается в людях в минуты передышки тоже - та собранность, та нацеленность на главное, которые и сейчас, сорок лет спустя после Победы, я вижу в глазах фронтовиков...

Шла третья неделя моего пребывания в Отдельном учебном стрелковом батальоне. Я уже знала все тропки на КП батальона, все низинки и воронки в расположениях рот, где можно отлежаться при минометном обстреле или бомбежке, знала имена-отчества всех старших офицеров батальона и командиров рот.

Вот отчеств командиров взводов не знала: тогдашних комвзводов, девятнадцатилетних или двадцатилетних юношей, старшие командиры и товарищи обычно называли просто по

имени, что выходило душевней и доверительней, а солдаты - по званию, что выходило солидней и уважительней.

В моей памяти большинство командиров взводов так и остались навсегда Володями или Сережами, в лучшем случае - "младшим лейтенантом Сережей", "лейтенантом Володей"... Да и как могло быть иначе? Взводные в ротах долго не задерживались: находясь в пекле боя, получали ранения и выбывали из батальона или погибали и ложились в братские могилы рядом со своими бойцами.

Через наши с Машей руки прошло в октябре и начале ноября 1942 года немало солдат и офицеров, которых не удалось вырвать из лап смерти. Это горькая правда, от нее не уйдешь. Конечно, я всех не запомнила. Это тоже горькая правда. Но обстоятельства ранения и гибели в те дни одного офицера, имя этого офицера я запомнила хорошо и буду помнить всегда.

* * *

...Как-то в ноябре из расположения 106-го стрелкового полка вышла в тыл противника для захвата "языка" группа дивизионных разведчиков. Вел ее сам командир разведроты, старший политрук, в сентябре переаттестованный на старшего лейтенанта, Михаил Васильевич Татаринов. Разведчики хорошо изучили передний край обороны противника, все были опытными, физически сильными, не теряющимися в сложной обстановке людьми.

Группа выбралась из окопов 106-го стрелкового полка в двенадцатом часу ночи. Предполагалось, она возвратится не позднее пяти-шести часов утра, и не исключалось, что выходить станет на участке обороны Отдельного учебного стрелкового батальона. Капитан Юрков предупредил об этом командиров рот, потребовал быть предельно внимательными и оказать разведчикам, если понадобится, помощь.

Ночь стояла темнющая. Захолодало, с невидимого неба посыпалась крупка, поднялся ветерок: он сек лица и шею. Мы с Машей Егоровой, поеживаясь, сунув руки в рукава шинелей, сидели в щели, толковали про то, про се, настороженно вслушиваясь в привычные .звуки: шипенье взлетевшей неподалеку ракеты, внезапную пулеметную очередь где-то на правом фланге, неожиданный разрыв выпущенных противником для острастки мин. Нет. Ничего. Тихо. Похоже, разведчикам сопутствует удача...

В третьем часу ночи я не выдержала - пошла в штабную землянку. Там тоже не спали. При мне Юркову позвонили из штаба дивизии: спрашивали, как ведет себя противник, не дают ли знать о себе разведчики Татаринова? Юрков ответил, что

противник спокоен, от разведчиков сведений пока нет.

- Не беспокойтесь, для встречи Татаринова все готово, никто глаз не сомкнул, товарищ "Седьмой"! - сказал под конец разговора капитан, и я поняла, что его собеседником был начальник разведки дивизии.

Меня Юрков спросил, все ли имеется на медпункте, чтобы оказать помощь разведчикам и "языку", если тот, на беду, окажется ранен или помят в схватке. Я успокоила комбата: всего хватит.

- Надо, чтобы притащенный жив остался, - ответил Юрков. - Сейчас "языки" на вес золота. А пожалуй, и дороже!

Выпив горячего чая и налив флягу для Маши, я возвратилась в щель медпункта. И снова - тьма, приглушенный разговор, ожидание...

Уже дрогнуло что-то в непроглядном мраке, он становился словно жиже, рыхлее, и крупка сыпаться перестала, лишь ветер потянул сильней, когда раздались выстрелы - один, другой, третий, и разом наперебой застучали пулеметы.

Выскочив из щели, мы увидели, что в небе над "ничейной землей" лопаются пузыри вражеских ракет, услышали, как начали бить фашистские минометы и орудия, как засвистели мины и снаряды. А ракеты все взлетали и взлетали. Стало светать, лишь тени судорожно метались, напоминая, что день еще не настал. И тут взревели орудия дивизии, вступили в дело пулеметы по всей линии нашей обороны.

Мы догадались; разведчики выходят на участке батальона, враг их обнаружил, пытается отрезать, артиллерия дивизии подавляет огневые средства противника, а роты прикрывают отход Татаринова.

- Миленькие, скорей! Родненькие, быстрей! - приговаривала, сжимая кулачки, Маша Егорова.

Гул выстрелов, грохот разрывов вражеских мин и снарядов стали затихать примерно полчаса спустя. Только наши орудия все еще били да пулеметы не умолкали ни свои, ни чужие.

И тут мы различили топот ног, приглушенные, возбужденные голоса.

- Тихо, славяне, тихо. Здесь... - услышала я. - Доктор, где вы? Сестричка!

Мы с Машей кинулись на голоса. Навстречу, неся на плащ-палатке раненого, спешили пятеро разведчиков.

- Сюда, сюда! - звала я.

Бойцы подтащили раненого, бережно опустили плащ-палатку с неподвижным телом на землю. Дюжий старшина перевел дыхание:

- Доктор, что хотите делайте, только спасите!

- Да кто ранен?

- Наш командир. Старший лейтенант.

- Татаринов?!

- Он. Знали?

Я не ответила на вопрос: некогда было, уже стояла на коленях, осматривая командира разведроты. По крови на гимнастерке и брюках можно было предположить, что у Татаринова не одно ранение.

- Светите!

При свете карманных фонариков расстегнула поясной ремень старшего лейтенанта, приподняла гимнастерку и увидела обширное осколочное ранение живота. Распорола голенища сапог, бриджи. На левой голени множество кровоточащих ран с повреждением костей. На правом бедре - открытый перелом со смещением обломков кости.

Старшина отрывисто бормотал:

- "Языка", сволочь эту, целым доставили. А товарищ старший лейтенант с двумя ребятами последним отползал, прикрывал нас. И немного ведь оставалось!..

- Снаряд, мина?

- Мина... Будет он жив, доктор?

Пока Маша делала обезболивающий укол, инъекции камфоры и кофеина, я быстро наложила на раны Татаринова асептические повязки, а затем вместе с Машей шинировала перебитые ноги командира разведроты.

Татаринов лежал неподвижный, бледный, с осунувшимся лицом. Ступни его обернули фланелевыми портянками, распоротые брюки вместе с сетчатыми шинами прибинтовали к ногам, но укрыть старшего лейтенанта было нечем: плащ-палатка-то греет плохо! Пока оттащат поглубже в тыл, пока дождутся машины, пока отвезут в медсанбат - замерзнет.

Не раздумывая, я сняла шинель, укутала Татаринова, а старшине приказала срочно найти какую-нибудь машину.

Тут пришлось отлучиться к другим раненым. Осмотрела, перевязала их, а когда вернулась к месту, где оставила командира разведроты, там ни носилок, ни старшины, ни его товарищей. Куда исчезли, когда? Поди узнай! Исчезла вместе с носилками и моя шинель.

Позднее рассказали: разведчики не стали ждать прихода машин. Подхватив носилки, отнесли раненого командира в тыл, рассчитывая найти транспорт по дороге, выиграть время.

Рассчитали они правильно: отойдя с километр, остановили грузовик, привозивший снаряды на батарею 76-миллиметровых

пушек, на нем доставили старшего лейтенанта в медсанбат. Но, увы, поздно. Уже немного оставалось ехать, когда сопровождавшие командира роты бойцы почувствовали - конец. И все же верили, что врачи совершат чудо: сами тащили носилки в операционную палатку, просили прооперировать, спасти...

В памяти знавших его бывший танкист, потом - старший политрук, затем строевой командир старший лейтенант Михаил Ефимович Татаринов остался смелым, волевым человеком, чье лицо с твердыми чертами неожиданно озарялось вдруг детски-застенчивой улыбкой. Погиб он двадцатисемилетним. В самом начале пути.

Смерть Татаринова отозвалась в сердце особой болью: ведь он был из числа ветеранов дивизии, я знала его еще по Акмолинску...

* * *

Часа через два после отправки в тыл всех раненых я почувствовала, что замерзаю: осталась-то без шинели, в одной гимнастерке! А холод усиливался. Пришлось снять ватник с убитого.

В этот ватник можно было уместить двух таких, как я. Капитан Юрков и старший лейтенант Макагон, увидев меня утром на КП батальона, дружно расхохотались. Но разом перестали смеяться, когда я сказала, что дело не в пропавшей шинели, дело в том, что я носила в ней, в зашпиленном кармане, карточку кандидата в члены ВКП(б), и теперь, естественно, карточки у меня нет.

Макагон вызвал секретаря партбюро батальона старшего лейтенанта Ш. И. Каца. Тот принялся названивать в медсанбат. Оттуда ответили, что мою кандидатскую карточку в шинели обнаружили и передали в политотдел дивизии.

- Вы что, не поняли, при каких обстоятельствах она отдала раненому шинель?! - вспылил Кац. В медсанбате положили трубку.

- Будут неприятности... - сказал секретарь партбюро.

И верно, минуты не прошло, как зазуммерил полевой телефон, командира батальона вызвал кто-то из инструкторов политотдела дивизии, потребовал, чтобы меня срочно направили для объяснений в политотдел.

- А работать за нее вы будете, товарищ? - резко спросил Юрков. - Ах, у вас свои обязанности? Я считаю, вы их плохо знаете!

Он прервал разговор и сам вызвал начальника политотдела дивизии. Пока ожидал разговора, приказал мне идти на медпункт:

- Без вас разберусь.

Не знаю, как и о чем говорил Борис Павлович Юрков с начальником политотдела дивизии, но на следующий день в батальон пробрался заместитель начальника подива по комсомолу старший лейтенант Александр Крупецков и принес мою кандидатскую карточку.

- Произошло недоразумение, - передавая ее, сказал Саша. - Разобрались. Персональное дело никто заводить не собирается, не волнуйтесь!

От сердца отлегло. А спустя несколько дней в дивизионной многотиражке появилась заметка о военврача третьего ранга, работающем непосредственно на переднем крае. Мне сказали: напечатана по прямому указанию начальника подива.

Еще до появления заметки в многотиражке лейтенант Адамов, выполняя приказ комбата, привез мне шинель. Совсем новую, подогнанную на мой рост! Шинель пришлась кстати, потому что мороз усиливался. И в тот же день, как привезли новую шинель, погибла Маша Егорова. Наша Машенька.

* * *

...Батальон атаковал позиции врага. В очередной раз заменив убитого санинструктора, Маша продвигалась вперед с ротой старшего лейтенанта П. Н. Бородина, который малой кровью вышиб фашистов из овражка, превращенного ими в опорный пункт. Близился вечер, мороз крепчал. Маша обрадовалась, увидев блиндаж с жестяной трубой над накатом: вот где можно на время разместить раненых, обогреть их, напоить горячим.

Вместе с командиром стрелкового взвода А. В. Левченко Маша побежала по ходу сообщения к вражескому блиндажу. Не остереглась, сразу распахнула дверь и тут же упала. Сначала на колени, потом лицом вниз: ее сразили автоматной очередью в упор.

Левченко и набежавшие бойцы забросали проклятый блиндаж гранатами, уничтожили засевших в нем гитлеровцев, но помочь самой Маше было уже нельзя.

Поздно- вечером тело убитой девочки вынесли в расположение КП батальона. Сняв шапки, стояли над ней капитан Юрков, замполит Макагон, заместитель Юркова по строевой Косарев, другие офицеры и оказавшиеся поблизости бойцы. Трижды выстрелили в воздух из винтовок и пистолетов. А потом подняли легонькие носилки и понесли к братской могиле.

Глава десятая.

С наступлением холодов

Еще до гибели Маши Егоровой, во время очередной попытки овладеть хутором Елхи, подразделения батальона продвинулись

метров на пятьсот-шестьсот вперед и окопались на новом рубеже. Доставка раненых на медпункт батальона стала опаснее, занимала больше времени, потери в людях могли возрасти.

Мы с Машей обрадовались, обнаружив на правом фланге батальона, на стыке со 106-м стрелковым полком, всего в двухстах метрах от рот, глубокий противотанковый ров. Наблюдать за происходящим во рву противник не мог, пули сюда не долетали, снаряды угодить не могли. Разве что случайная мина шлепнется... Но что значит случайная мина?

Капитан Юрков и старший лейтенант Макагон одобрили решение разместить медпункт в противотанковом рву. Мы с Машей взялись за дело: натаскали туда полыни, застелили ее плащ-палатками, из других плащ-палаток соорудили навесы над импровизированными "лежачими местами", лейтенант Адамов добыл для нас небольшую жестяную печурку, чтоб было на чем вскипятить воду. И медпункт заработал.

Тогдашние бои носили крайне ожесточенный характер, раненые поступали непрерывно. И не только свои, батальонные, но и из соседнего 106-го стрелкового полка: в нем прослышали, что в противотанковом рву появился военврач, и, заботясь о людях, переносили туда тяжелораненых. Нагрузка для нас с Машей становилась непосильной. Но ведь не откажешь в помощи истекающему кровью, не крикнешь санитарам, чтоб тащили человека обратно!

Честно скажу, были минуты, когда хотелось упасть ничком, забыться хоть на час. Не из железа же мы, не можем работать без передышки, как роботы! Но кому скажешь об этом? Войне? Или тем несчастным, у которых одна лишь надежда и осталась - надежда на тебя, на санитаров?

Дубели на морозе пальцы, не поддавалось ножам и скальпелям пропитанное кровью, заледеневшее обмундирование, стыли на ресницах слезы отчаяния, когда умирал во время перевязки или укола настрадавшийся боец. Но, наспех глотнув кипятка, кое-как согрев пальцы во рту или возле печурки, мы вновь и вновь перевязывали, шинировали, наполняли шприцы камфорой, кофеином или обезболивающим средством.

После гибели Маши я двое суток работала одна и не знаю, как выдержала. Потом пришла новая помощница - медицинская сестра Евдокия Рябцева. Она приползла в противотанковый ров рано утром. Поднялась, отряхнула шинель, поправила, чуть сбив на правый бок, шапку-ушанку, красиво вскинула к виску руку, представилась.

Была она высока, дуги бровей, по тогдашней моде, аккуратно выщипаны, губы слегка тронуты помадой. Я еще подумала: откуда

взялась такая франтиха и надолго ли ее хватит? Но Дуся Рябцева оказалась достойна своей предшественницы, и хватило ее надолго - на всю войну.

Дуся сразу взялась за дело. Быстро разобралась, кем из раненых надо заняться немедля, а кем - во вторую очередь, сбросила варежки и неторопливо, но умело принялась накладывать повязки. Движения у Дуси были не просто ловкие, а изящные, радостные для глаза. Да и вся она выглядела празднично!

Забегая вперед, скажу, что в Дусе меня особенно поражала постоянная, в тогдашних условиях порой даже раздражающая забота о внешности. Что говорить, женщинам на фронте не всегда удавалось даже личную гигиену соблюдать, особенно во время тяжелых боев. А уж наводить красоту, да еще на передовой...

Бывало, батальон весь день отражает атаки врага, отбивающего какую-нибудь высотку, ночью атакует сам, мы же с Дусей сутки напролет перевязываем, накладываем шины, отправляем раненых в медсанбат, случается, ползем в роты. А на следующий день я вижу, что Дуся не только умылась, но и темные бровки свои подправила, и припудрилась, и губки подкрасила.

- Как ты умудряешься?

- Что же, если война, чумичкой ходить?

Рассказывали, что девушки-санитарки и фельдшеры из нашего медсанбата, располагавшиеся в балке Донская Царица, приводили в отчаянье хирурга военврача III ранга А. Г. Васильева: в промежутках между операциями, забравшись в темные укрытия, девушки при свете карманных фонариков выщипывали брови, подкрашивали ресницы, губы.

- Ненормальные! Тут бомбежка за бомбежкой, вражеские танки прорвались, кому нужны ваши накрашенные губы? - хватался за голову Васильев.

И все же там, в балке Донская Царица, девчата находились далеко от передовой, им не грозила ежеминутная гибель. Так что военврач Васильев, с моей точки зрения, за голову хватался зря. Что бы он, интересно, стал делать, понаблюдав за Дусей?

Порою Дусино охорашивание вводило мужской пол в заблуждение. Случалось, кто-нибудь из прибывших с пополнением сержантов или офицеров пытался ухаживать за моей помощницей. И получал от ворот поворот. Как-то я оказалась невольным свидетелем разговора медсестры с молодым лейтенантом, вздремнув в блиндажике роты, где мы находились во время ночного боя. Разбудил голос Дуси:

- Идите, идите, товарищ лейтенант. Нельзя.

- Э-эх! К тебе со всей душой... - жарко вырвалось у Дусиного

собеседника. - А зачем тогда красоту наводишь?

- Красоту обязательно наводить надо. Чтоб вам, к примеру, не боязно было. Чтоб скорей к войне привыкали, - по-матерински мягко объяснила Дуся. - Посмотрите и увидите: даже мы, женщины, не трусим... Иди, миленький, иди. Тебя бойцы заждались!

Несомненно, стремление Дуси выглядеть собранной, привлекательной было своеобразной формой самоутверждения, способом сохранить свое человеческое достоинство в тех бесчеловечных обстоятельствах, какими является война. Ветераны батальона понимали это. А остальных аккуратная, прихорошенная Дуся, пожалуй, и впрямь учила верить, что передний край - тот самый черт, который не столь страшен, как его малюют.

Приход Дуси Рябцевой в батальон совпал с усилением холодов. Бывая в ротах, мы при первой же возможности старались забраться в любую землянку, над которой вился дымок. И солдаты, нередко только-только вышедшие из боя, тоже намерзшиеся, дорожившие каждым мгновеньем, проведенным в тепле, расступались, пропускали нас ближе к жестяной печке, а то и патронной цинке, в которой разводился огонек:

- Проходи, медицина. Грейся!

Что тут было? Внимание к женщинам, делящим с ними все военные тяготы? Сочувствие к физически более слабым? А может, сознание, что наши окоченевшие руки не смогут никому помочь, случись беда? Не знаю. Видно, все вместе.

Серьезное похолодание усиливало тревогу за раненых: потеря человеком крови при общем охлаждении тела может стать роковой... Что именно нужно делать для спасения жизни раненых в зимних условиях - общеизвестно. Следует позаботиться о теплых укрытиях, о горячем чае или, на худой конец, о крутом кипятке для пострадавших: даже два-три глотка горячего могут поддержать человека.

Однако где взять теплые укрытия, где раздобыть кипяток, когда батальон ведет наступательный бой, когда роты покинули обжитые окопы, продвинулись вперед, а кругом лишь открытая, пронизанная огнем, ветром и поземкой степь?

Не без труда, но одно утепленное укрытие для тяжелораненых мы в противотанковом рву соорудили. Удавалось правдами и неправдами и топливо для крохотной печки добывать. В ход шло все: дощечки от снарядных ящиков, сухая трава, ветошь. Но котел для кипячения воды раздобыть не сумели, кипятили ее перед боем в котелках. По приказу капитана Юркова каждый санинструктор и санитар, идя в бой, должен был

иметь флягу с горячей водой или горячим чаем. Взяв вражеские позиции, раненых по приказу командиров рот временно размещали во вражеских блиндажах.

Но захватывать позиции гитлеровцев удавалось не всегда, а бои затягивались на несколько часов. Вытащить же всех раненых с поля боя своевременно очень трудно, и кипяток во флягах, защищенных от мороза лишь тканью чехла, остывает слишком быстро. А тут еще перебои со снабжением начались, кончались даже индивидуальные перевязочные пакеты первой помощи...

Однажды вечером мы с Дусей отправились к заместителю комбата по снабжению лейтенанту Адамову. Он привез новую партию грузов. Бойцы снимали с машины и перетаскивали к землянке цинки с патронами, ящики с гранатами.

- Удалось что-нибудь достать в медсанбате, товарищ лейтенант? окликнула я Адамова.

Он обернулся, развел руками:

- Увы, доктор: сало!

На миг я утратила дар речи. Что за глупейшая шутка? Люди без перевязочных средств и медикаментов погибнут, а весельчаку Адамову все хаханьки.

- Сало можете оставить себе, - как можно жестче заявила я. - Вообще вы мне за эти шуточки ответите!

Сначала Адамов выпучил глаза, потом затрясся от смеха. И солдаты захохотали. Я ничего не понимала:

- Прекратите! Что за безобразие?

Адамов вытирал слезы:

- Доктор, дорогая, да вы о каком сале-то? Я же о волжском!

- Какая разница, о каком? Не нужно мне сала!

- Да и никому не нужно! Вы знаете хоть, что салом на реке называют?

Я смутно чувствовала, что попала впросак. Заместитель комбата объяснил: сало - это шуга, ледяная кашица, идущая по реке перед ледоставом. В такую пору переправа - на паромах ли, на лодках ли - чрезвычайно затруднена.

- Короче, не могу я за это сало ответственность нести! - пошутил напоследок Адамов, но тут же посерьезнел: - А вообще-то сейчас не до смеха, доктор. В первую очередь переправляют боепитание, оружие и пополнение в живой силе. Даже продукты задерживают - суточный паек на время будет уменьшен. Такой приказ поступил.

- Но перевязочный материал и медикаменты необходимы так же, как патроны и снаряды! - разволновалась я.

- Ничем не могу помочь, - вздохнул Адамов. - Хотите верьте, хотите нет, но и в медсанбате дела обстоят неважно. Они там

окровавленные бинты простирывают и в дело пускают, а потом опять стирают, пока марля не расползется.

Я пошла к командиру батальона, стала жаловаться: еще день-другой, и медпункт останется без бинтов, без самых необходимых раненым вещей. В медсанбате имеется хотя бы возможность постирать старые бинты, а у нас и такой нет: мы же только делаем, а не меняем перевязки!

- Расходуйте медикаменты экономнее, - посоветовал Юрков.

- Мы и так экономим, товарищ капитан. А с бинтами что делать?

Юрков ответил вопросом на вопрос:

- А что действительно делать, если нет бинтов?

- Не знаю. Пришлось бы, наверное, чистое нательное белье использовать... - неуверенно ответила я.

- Вот и проявляйте солдатскую смекалку, - ответил командир батальона.

- Может быть, я схожу на КП дивизии или в медсанбат?

- Нечего вам там делать, - решил Юрков. - Раз подвоза нет, то и глаза начальству мозолить незачем: все равно ничего не получите. Выполняйте свои обязанности, доктор. Без вас голова болит!

Болеть голове комбата было от чего: пополнения поступали скудные, боеприпасы подвозили с перебоями, в недостаточном количестве, с продуктами просто плохо было, а "сверху" требовали наступать.

Помню тяжелый день 15 ноября. Бой начался перед рассветом и длился до вечера. Роты несли большие потери. Одним из первых среди командиров на медпункт принесли тяжело раненного лейтенанта Косарева - заместителя комбата по строевой части. Потом тело убитого командира взвода из роты Ивченко лейтенанта Плаксина. Чуть позже командира пулеметной роты. Еще трех командиров взводов...

Много было помощников командиров взводов, командиров отделений, рядовых бойцов. Доставляли офицеров, сержантов и рядовых из 106-го стрелкового полка.

Благодаря разыгравшейся к полудню метели удалось дважды подогнать грузовики для раненых достаточно близко к нашему медпункту и отправить часть людей в медсанбат своевременно. Но все же к вечеру в противотанковом рву оставалось еще около семидесяти человек, нуждавшихся в квалифицированной медицинской помощи, и десятка два легкораненых, не способных самостоятельно уйти в тыл.

Мы с Дусей Рябцевой буквально с ног сбились, подбинтовывая людям кровоточащие повязки, делая

дополнительно обезболивающие уколы, отпаивая кого кипятком, а кого и спиртом.

Я подправляла повязку раненому, когда из сумерек и снега возникла фигура посыльного:

- Товарищ военврач, комбат вызывает.

- Скажите, вот управлюсь...

Посыльный перебил:

- Товарищ капитан приказали, чтоб немедленно. Срочное дело! Чтоб со мной шли!

Не понимая, что могло приключиться, встревоженная, я окликнула Дусю, сказала, что ухожу на КП, и отправилась с посыльным к Юркову.

До блиндажа командного пункта батальона от противотанкового рва метров триста. Но это триста метров по открытому месту. А гитлеровцы непрерывно бросают ракеты и мины, ведут беспокоящий ружейно-пулеметный огонь, и нити трассирующих пуль, словно щупальца невидимого спрута, тянутся к нам то с одной, то с другой стороны.

До КП оставалось метров пятьдесят, когда совсем рядом шлепнулась и рванула мина крупного калибра. Предугадав ее взрыв, мы с посыльным успели укрыться в воронке от бомбы. Нас только припорошило мерзлой землей и обдало гарью тола.

В блиндаже командного пункта, возле узкого стола, тесно прижавшись друг к другу, плохо различимые при свете коптилки, сидели Юрков, Макагон, командиры рот. Втиснувшись в блиндаж, доложила о прибытии. Юрков огорошил: батальон снимается с занимаемых позиций, приказано занять участок обороны на два километра южнее.

- Нас сменит морская пехота, - простуженным, осевшим голосом сообщил Юрков. - Моряки подойдут с минуты на минуту. А машины за ранеными прибудут через два часа. Так что придется вам, доктор, догонять нас, как эвакуируете раненых. Ничего, это будет несложно! Пойдете по телефонному кабелю. Все поняли?

Что тут было не понять...

Минут через пятнадцать я вновь спустилась в противотанковый ров. Навстречу редкой цепочкой уже тянулись бойцы, покидавшие передний край. Люди шли молча, пригибались, чтобы не слишком выделяться на местности. Но вражеские наблюдатели наверняка могли видеть их.

- Что случилось? - спросила Дуся.

Я объяснила причину вызова.

- Ничего, если надо, подождем, - вздохнула Дуся. - Людей бы успокоить! Узнали, что наши отходят, тревожатся.

Мы принялись за свое обычное дело: обходили раненых, оказывали помощь тем, кто в ней нуждался, объясняли, что ничего особенного не происходит, просто батальон сменяют, переходим на другой участок.

Наши слова, уверенный тон, а главное - отсутствие со стороны врага какой-либо активности успокоили раненых.

Между тем тревога овладевала мною: обещанной с минуты на минуту морской пехоты не было. Значит, в окопах переднего края, в двухстах метрах от нашего рва, оставались сейчас только малочисленные группы автоматчиков и два-три пулеметных расчета, которым приказали вести огонь, переходя с места на место, чтобы противник не почувствовал ослабления нашей обороны. Невольно закралась мысль о том, что же произойдет, если моряки задержатся, а противник догадается, как ничтожны сейчас наши силы, и предпримет атаку. Фашисты раненых не пощадят!

Прошло полчаса, прошел час, миновали полтора часа... Морская пехота не появлялась. Я позвала Дусю, приказала раздать легкораненым отобранные раньше винтовки, автоматы и попросить тех, кто может передвигаться, занять оборону возле спусков в ров. Обошли людей, способных держать оружие, объяснили ситуацию.

- О чем речь, доктор? - ответил за всех молодой сержант, раненный в ногу и опиравшийся на винтовку, как на костыль. - Чем попусту лежать да мерзнуть, лучше с оружием. Если помирать, так с музыкой!

- Помирать никто не собирается, - торопливо ответила я. - Но на всякий случай...

- Не волнуйтесь, - утешил сержант. - Добровольцев на тот свет не имеется.

Тягостная, мучительная, морозная ночь. Кажется, время и то замерзло, перестало двигаться! А моряков нет и нет...

Никто из нас ни на минуту не сомкнул глаз. Вслушивались в перестрелку на переднем крае, с надеждой ловили каждый новый звук, доносящийся со стороны тыла: смена?

* * *

Уже брезжил рассвет, когда сквозь шум ветра и шуршание снега послышались шаги большого числа людей, приглушенное постукивание оружия. В ров спустилась группа моряков в бушлатах. Один направился ко мне:

- Чего тут кукуешь, брат славянин? Забыли тебя, что ли?

- Вы разговариваете с военврачом третьего ранга, товарищ, и находитесь в расположении медпункта учебного стрелкового батальона, который обязаны были сменить четыре часа назад!

Моряк оторопело окинул взглядом меня, Дусю, заметил лежащих поблизости раненых, быстро вскинул руку к шапке-ушанке:

- Виноват, товарищ военврач! Задержались.

И тут же широко улыбнулся, покачал головой:

- Надо же... Я вас за солдатика принял.

- Скажите, вам известно, когда прибудут машины за ранеными?

- Нет, этого не знаю.

Моряк огорчился, что ничем не может помочь, но напрасно: пока мы разговаривали, и грузовики для эвакуации раненых прибыли. Да еще в сопровождении фельдшера из медсанбата!

Обрадованная, я распорядилась начать погрузку, моряки нам помогли, фельдшер принял всех людей по списку и уехал. А мы с Дусей Рябцевой, попрощавшись с моряками, пошли по линии телефонного кабеля в ту сторону, где снова гремело, где набирал силу новый бой, где опять поднимались в атаку наши товарищи по батальону, где, наверное, нас уже бранили за долгое отсутствие...

Глава одиннадцатая.

На острове Сарпинском

Отдельный учебный стрелковый батальон передвинули на два километра южнее в соответствии с новой задачей, поставленной всей 64-й армии. Заканчивалась подготовка к полному разгрому гитлеровцев под Сталинградом, и 64-я армия включалась в состав ударной группировки Сталинградского фронта{1}. Первой должна была прорвать оборону врага южнее хутора Елхи 204-я стрелковая дивизия, усиленная за счет армейского резерва.

Перед началом наступления боевые порядки 204-й стрелковой дивизии уплотнялись, участок ее прорыва сужался на пятьсот метров. Вот эти-то пятьсот метров и принял накануне решающих боев наш батальон...

Никто и никогда не сообщает солдатам и офицерам передовых частей точную дату наступления. До последнего момента не знают эту дату в штабах дивизий. Но морально, психологически людей к предстоящей битве готовят заранее.

Готовили и у нас. Заместитель комбата по политической части старший лейтенант Макагон, собирая политруков, требовал разъяснять бойцам, что часть дела сделана - враг измотан, выдохся, держится на пределе сил, дни его сочтены. То же самое говорил парторг батальона старший лейтенант Ш. И. Кац. Это было новое.

До сих пор перед бойцами дивизии ставилась только одна

задача непрерывными атаками и контратаками сдерживать рвущегося к Сталинграду противника. Сдерживать любой ценой! А теперь - "дни врага сочтены". Да и центральные газеты пишут о возросшей боевой мощи Красной Армии, о накопленном ею опыте ведения больших сражений, о срыве всех планов фашистского командования по захвату Кавказа и отсечению центра страны от южной нефти.

Кроме того, работает "солдатский телеграф": прибывающие с пополнением офицеры и бойцы говорят о сосредоточении в тылах больших сил артиллерии, танков и авиации, о непрерывном передвижении войск по рокадным дорогам фронта...

У каждого участника боевой страды всегда имеются свои цели и задачи. У меня главной оставалась задача обеспечения батальонного медпункта перевязочными средствами и медикаментами. К слову сказать, на новый рубеж обороны батальона мы с Рябцевой пришли в разгар очередного боя, нас уже ожидали десятки раненых, а бинтов просто не нашлось.

В тот раз я добыла в землянке лейтенанта Адамова несколько комплектов чистого белья и пустила его, нарвав полосами, на перевязки. За самоуправство капитан Юрков меня жестоко отчитал, зато той же ночью приказал отправляться хоть к черту на рога, но добыть настоящий перевязочный материал и медикаменты.

Командный пункт дивизии оставался в балке Глубокая. Дорога туда была хорошо известна. Я добралась до КП затемно, назвала часовому пароль, спросила, где землянка начсандива. Этого часовой не знал или не хотел сообщить, а указал, как добраться до землянки дежурного фельдшера. Там я увидела девушку, умывавшую лицо снегом. Что-то знакомое почудилось... Девушка выпрямилась, встряхнула рассыпавшимися золотыми волосами. Я невольно вскрикнула:

- Клава!

Девушка обернулась.

Это действительно была хорошо знакомая мне по медсанбату военфельдшер, помощник командира химвзвода Клава Шевченко. Побежали навстречу друг другу, обнялись.

- Что же ты в одной гимнастерке, Клава? Замерзнешь!

- Да пустяки, ничего! Вы-то как? Откуда? С передовой?

В землянке Клава разбудила помощницу, тоже знакомую мне по медсанбату санитарку Матрену Иванову, молодую, веселую, острую на язычок девчонку.

Я хотела сразу пойти к начсандиву подписать заявку на медикаменты, но подруги категорически заявили, что без чая не отпустят:

- Согреетесь с дороги, тогда и пойдете.

Клава и Мотя расспрашивали о жизни на переднем крае, а я забрасывала их вопросами об общих знакомых в медсанбате, в штабе дивизии, о них самих.

О себе девушки рассказывали скуповато, больше про то, какого страха поначалу на КП натерпелись.

Рассказали и про медсанбат. Я узнала, что, добравшись до Бекетовки, он там не разворачивался, а уже 5 сентября был переправлен на остров Сарпинский (примерно на полпути к левому берегу Волги), обосновался возле тамошнего колхозного поселка и начал по приказу командования 64-й армии принимать раненых от медсанбатов других соединений, оставшихся на правобережье.

- Ой, что было, Галиночка Даниловна! - прикрыла глаза Клава Шевченко. - Раненых и на пароходах, и на катерах, и на паромах, и просто на лодках везли... А фрицы на "юнкерсах" и "мессерах" так и висят над Волгой, гады! И бомбят, и из пулеметов... Мы на берегу только что богу не молимся, чтобы пароход или паром доплыл.

А доплывут - весь персонал медсанбата, даже хирурги, на разгрузку раненых выходили. Выносили людей на берег, тащили в укрытия. И это снова под бомбами, под пулеметами, Галиночка Даниловна!.. Сначала-то всех раненых принимали, а потом стали к нам направлять только тяжелых, с ранениями в грудь, живот и череп. Но все равно в одном нашем госпитальном взводе по сотне человек лечилось. Верите, по суткам не спали!

- Ты и в балке Донская Царица сутками не спала, не случайно тебя хоронить собрались, - сказала Мотя.

- Ну, так и хоронить... Типун тебе на язык! - от досады небесно-голубые глаза Клавы потемнели. - Кто виноват, что в похоронной команде дураки собрались?

...Оказалось, в период жестоких боев под Абганеровом Клаве Шевченко, помощнику командира санхимвзвода, пришлось работать в качестве наркотизатора. Клаве вообще везло - ее всегда посылали туда, где трудно. А работа наркотизатора особенно тяжела: хирурги в операционной палате сменяют один другого, а наркотизаторов не хватает, их сменять некому. Вот и приходится стоять у операционных столов по шестнадцать-восемнадцать часов подряд, вдыхая эфир, который даешь из капельницы тяжелораненым, запахи других лекарств, крови, йода...

Словом, в один из жарких августовских дней Клава простояла в душной палатке с утра до вечера. Головная боль стала невыносимой, перед глазами плыло, девушка чувствовала, что вот-вот упадет. Вышла она подышать чистым воздухом, но прийти

в себя не успела: из сортировочного взвода принесли очередного тяжелораненого, раздался голос хирурга Милова: "Где Шевченко?! Немедленно наркоз!"

Ноги у Клавы подкашивались, она через силу заняла привычное место в изголовье раненого, начала отсчитывать капли эфира. Иван Сергеевич Милов заметил - военфельдшеру плохо, приказал санитарке облить голову Шевченко холодной водой. Это, однако, не помогло. Через минуту-другую Клава потеряла сознание. Упавшую девушку вытащили на воздух, прикрыли шинелью и оставили отдыхать. Клава впала в тяжелый, беспробудный сон.

Пришла ночь. Хирурги продолжали работу. Одних раненых, спасенных, уносили в госпитальный взвод, других, которым помочь не удалось, выносили и укладывали за операционной палаткой: там, где лежала Клава.

Под утро пришли бойцы из так называемой "похоронной команды", чтобы совершить обряд погребения павших. Стали перетаскивать тела погибших. Дошла очередь до Клавы. Она заворочалась, что-то пробормотала. Пожилой солдат, ухвативший было "покойницу" за ногу, от неожиданности завопил благим матом. Сбежавшимся на крик объяснили: "Этот еще жив! Жив!" Клава же продолжала спать.

Милов, выйдя на шум, запретил тревожить девушку, приказав дать ей выспаться. И ни словом не упоминать потом при Клаве о том, что произошло.

- Ей только на острове Сарпинском рассказали, как дело было, сообщила Мотя.

Клава Шевченко проводила меня к землянке начсандива. Того в штабе не оказалось: сказали, что вызван в штаб армии, а когда возвратится неизвестно. Я решила добраться до медсанбата, откуда получала все нужное для батальонного медпункта.

* * *

День стоял серый, с низкими, темными облаками, то и дело порошила колючая крупка, вражеская авиация в воздухе не висела, грузовики и повозки двигались по дорогам без особой опаски: артобстрел тогда в счет не шел! Меня подбросил на полуторке до Волги, а там и на остров Сарпинский переправил какой-то старшина из ДОПа{2}, приезжавший в балку Глубокая.

Странное ощущение испытываешь, выбираясь неожиданно с передовой и оказываясь в таком "глубоком тылу", каким представляется местность, находящаяся в десяти километрах позади твоего батальона. Пули тут не свистят, снаряды и мины не рвутся, существование этого "рая" представляется в первые

минуты неправдоподобным, чуть ли не оскорбительным для тех, кто остался в обледенелых окопах, где снег изрыт воронками и испятнан кровью.

Но вот глаза замечают здешние воронки - огромные, от тяжелых авиабомб, нередко совсем свежие, видят отрытые тут и там щели-укрытия, земляные горбы над накатами землянок. И начинаешь понимать, что "рай" если и существует где-то, то наверняка много дальше, километров за тридцать отсюда, не меньше. А здесь своя страда...

Мне нужен был начальник медснабжения дивизии лейтенант Игорь Рафаилович Обольников, или попросту Игорь Обольников, как мы его тогда звали. Но первым знакомым человеком, попавшимся на острове, оказался не Обольников, а медицинская сестра Оля Кононенко. Та самая полненькая хохотушка Оля, которая на тактических учениях в Акмолинске, бывало, не могла встать со снега, барахтаясь в толстенных ватных брюках и полушубке. Оля быстро шла куда-то с кипой белья. Я окликнула ее. Девушка заулыбалась:

- Ой, здравствуйте! Вернулись? Насовсем?! Ой, извините, руки дать не могу...

Я сказала, что приехала ненадолго, ищу Обольникова, спросила, где его землянка. Оля подсказала, как найти начальника медснабжения, но расстроилась:

- Ой, это, значит, вы к девочкам даже не зайдете?! Ну как же так? Мы вас всегда вспоминаем: и Женечка Капустянская, и Галка Довгуша, и Верочка Городчанина... Вы нас совсем забыли, значит?

Я заверила Олю, что никого не забыла, что непременно зайду к девушкам, как только договорюсь о получении медикаментов и перевязочных средств.

- Кстати, - спросила я, - как у вас сейчас с мед-снабжением?

- Сейчас-то хорошо, а было плохо, ой как плохо! Подвоза из-за сала никакого, старые бинты стирали-перестирывали. Когда ничего не осталось, пустили на перевязки простыни...

- А не наказывали за это?

- Так само же начальство приказало! А что делать-то, если ничего не везут? Ой, а с Обольниковым-то что случилось!

И словоохотливая Оля тут же рассказала, как Обольников, отправившись в один из труднейших дней обороны Сталинграда за Волгу для получения медикаментов и перевязочного материала, показался коменданту переправы подозрительной личностью, чуть ли не дезертиром, с трудом доказал свои полномочия, в знак особой милости не угодил под арест, а был поставлен на разгрузку-погрузку катеров, паромов и перебрался на левобережье лишь три дня спустя.

На левом берегу Обольникову повезло: ему, первой ласточке с правого берега, на радостях выдали целый товарный вагон всевозможного медицинского добра для всех медсанбатов 64-й армии, и, конечно, свой родной медсанбат Обольников не обездолил. Правда, комендант переправы и на обратном пути заставил нашего начальника медснабжения почти неделю провести на берегу, поработать на погрузке боеприпасов, зимнего обмундирования и продовольствия. Зато спустя неделю бесценный для медиков груз был переправлен через Волгу без потерь.

- Все так радовались, так радовались! - восклицала Оля.

Она убежала по делам, взяв с меня обещание непременно прийти к своим, а я отправилась к Обольникову.

В землянке начальника медснабжения в тот момент находились сам Обольников, девятнадцатилетний, сероглазый, пышноволосый веселый юноша, и начпрод медсанбата С. М. Итин, сутуловатый, лет сорока пяти мужчина, неизменно приветливый и доброжелательный к людям. До войны Итин преподавал в институте, выделялся среди остального комсостава начитанностью и красивой, хотя несколько книжной речью. Итин знал на память много стихотворений классиков и советских поэтов, любил их цитировать.

Меня усадили на топчан, забренчали кружками, "сооружая чаек". Я спросила у Обольникова, что он может дать Отдельному учебному. Он задорно ответил, что даст всего, чего моя душа пожелает. И теперь уже сам поведал о командировке за Волгу. В изложении Обольникова рассказ выиграл в живости, но юмористическую окраску изложения Оли Кононенко утратил.

- Впрочем, нечего жаловаться! - подвел черту под своей одиссеей Обольников. - На войне главное, что жив остался. Вы-то как? Все на передовой?

- На передовой. У вас тут без перемен?

- Ну, как сказать... Андрея Михайловича Ската в армейский госпиталь перевели, он и Персианову с собой забрал.

- Кто же теперь у вас гипс накладывает? - спросила я, памятуя, что Персиановой не было равных в гипсовании.

- Теперь все справляются: Ираида Моисеевна научила. А знаете, кого еще от нас забрали, в эвакогоспиталь перевели? Рубина.

- Да ну?!

- Вместо него ваша подруга, Антонина Степановна Кузьменко. Вы, кажется, не слишком огорчились, что Рубина в медсанбате нету?

- Не слишком. Человек свой долг командира в одном видел -

следить за подчиненными. Вы же прекрасно знаете, как его прозвали: игуменом женского монастыря.

- Он и вам, говорят, взыскание дал?

- Было. На формировке сходила в деревню за молоком без спросу. Ну, и сразу пять суток ареста! А уж если кто из девушек или женщин наедине с мужчиной оказывался...

Обольников смутился, а Итин возразил:

- Однако, Галина Даниловна, Рубин о вас же, женщинах, тревожился.

- Думаю, Рубин больше за себя опасался, чем за других, безапелляционно высказалась я.

И тут увидела, как может помрачнеть, каким сухим тоном может заговорить Итин.

- Полагаю, вы ошибаетесь, - отстраненно, глядя мимо, сказал начпрод. Рубин - человек очень доброй души. Всем вам он в отцы годился и, поверьте, переживал за вас, как за родных дочерей. Вот именно! Как за родных!

Озадаченная отповедью, я молчала. Итин увидел, какое впечатление произвели его слова, и гораздо мягче продолжил:

- Что греха таить? Разве вы сами не знаете мужчин и женщин, которые легко смотрят сейчас на близкие отношения? Мол, война все спишет... А ведь за этим не всегда легкомыслие таится. Иногда за этим безотчетный страх прячется, неуверенность в будущем. Отсюда и мыслишка: хоть час, да мой! Я, знаете ли, подобным мотылькам не доверяю. В трудную минуту дрогнуть могут.

С этим я была полностью согласна. Вообще скоропалительные связи вызывали у меня отвращение.

- Ну вот, два ригориста сошлись, - неожиданно возмутился Обольников. Вас послушать, так война накладывает запрет на чувства: пока не победим - и любить нельзя.

- Пошлая связь и любовь - понятия разные! - вспыхнула я.

- А вы возьметесь с уверенностью сказать, где искренняя любовь, а где военно-полевая страстишка?! Итин мягко возразил:

- Игорь, не ломитесь в открытую дверь. Там, где нет подлинного уважения к женщине, где близость с ней стараются скрыть, там и любви нету. Вот же ухаживает хирург Милов за медсестрой Коньковой? Или наш друг Вася Толупенко - за Машенькой Коциной? Так разве кто-либо осмелится их осудить? Или осудить этих девушек, отвечающих Милову и Толупенко взаимностью? Конечно, нет! Все видят - это настоящее, неподвластное даже войне. А вот когда иначе...

* * *

Помолчали.

- Ну, пора, - поднялась я. - Спасибо за чай, хочу еще к подругам забежать. Может, ты выдашь медикаменты и перевязочный материал прямо сейчас, Игорь?

Обольников повел меня в аптеку медсанбата. Землянка аптеки, где распоряжалась младший лейтенант медицинской службы Клава Архипова, горбилась среди голых редких кустов всего в каких-нибудь тридцати-сорока метрах от землянки Обольникова.

Клава, светловолосая, кареглазая, полная, двигалась неспешно. Приняла подписанную Обольниковым заявку, внимательно прочитала, подколола в нужную папку и стала выносить из своих "тайников" все перечисленное в документе, каждый раз заново проверяя, то ли принесли, в указанном ли количестве. Процедура получения медикаментов и перевязочных средств заняла не менее часа. Зато я стала обладательницей двух туго набитых вещевых мешков!

- Дотащите? - засомневался Обольников. - Может, возьмете один мешок, а за вторым пришлете? Но я уже не выпускала лямок:

- Нет, нет, Игорь. Все в порядке. Довезу!

Так, с вещмешками, и заявилась в санитарную роту, к старой своей знакомой Антонине Степановне Кузьменко. Та за что-то выговаривала девушке-санитарке. Увидев меня, округлила глаза:

- Вы?

Санитарка с любопытством наблюдала за нами.

- Иди, и чтоб это больше не повторялось, - на минуту став строгой, сказала девушке Кузьменко и, едва та вышла из землянки, стала упрекать:

- Ну, что же вы? Неужели ни разу не могли выбраться? Да вы садитесь, сейчас погреемся...

Я сказала, что больше пить чай не буду, не в силах - только что выпила две кружки у Обольникова, - и попросила Кузьменко сесть саму, дать посмотреть на себя, а то, пожалуй, опять месяца два не свидимся, если не больше: похоже, начинается что-то!

- Да, да, видимо, что-то готовится, - кивнула Кузьменко. - Нас пополнили. Девчушка, что здесь была, как раз из пополнения. Ну, и вообще... Через остров Сарпинский идет переброска частей, мы видим. Вы-то как? Вы-то?

Я повторила то, что говорила Итину и Обольникову: живу нормально, только со снабжением плохо. Спросила про общих знакомых. Выяснилось: все на своих местах, здоровы, работают не покладая рук.

- Ведь помимо прямых медицинских обязанностей мы и другие несли, говорила Кузьменко. - Операции операциями, уход

за ранеными уходом, а пришлось и землянки строить, и траншеи рыть, и паромы с плотами разгружать. Поверите, сутки напролет глаз не смыкали! Спину ломит, руки болят, пальцы от лопат и кирок не гнутся, ладони в кровавых мозолях... А нужно опять к больным. Да и за оружие брались. Вы на КП дивизии были?

- Была.

- Клаву Шевченко видели?

- Видела.

- Она ничего не рассказывала?

- Нет, почему же? Рассказывала, как их на КП дивизии бомбили.

- А как фашистских разведчиков в плен брала, говорила?

- Клава?

- Да, да, Клава.

И Кузьменко поведала, что в октябре, доставив на остров грузовик с ранеными, Клава Шевченко услышала от подбежавших гражданских обитателей острова (тогда еще не всех успели эвакуировать на левый берег), что неподалеку, в лесочке, прячутся два человека в красноармейской форме. Они сторонятся других бойцов и вообще подозрительны...

Во главе пяти легкораненых Клава побежала к указанному месту, но раненых опередила и вышла к подозрительным людям одна. Их оказалось не двое, а четверо. Форма на них действительно была советская, но вот сапоги короткие, с широкими голенищами, типично немецкие сапоги!

Клава не дрогнула. Крикнула: "Стой, руки вверх!", а для убедительности еще и полоснула из автомата над головами незнакомцев. Те растерялись, вскинули руки. Тут и Клавины раненые подоспели...

Схваченных отвели к коменданту переправы. Тот под конвоем отправил всех четверых куда-то дальше. Позже из разведотдела дивизии сообщили: военфельдшер Шевченко задержала фашистских лазутчиков.

- Постойте, ведь об этом была заметка в дивизионной многотиражке! сказала Кузьменко. - Не читали?

Я призналась, что не читала: не всегда есть возможность почитать хотя бы многотиражку. А Клава меня поразила. Надо же, ни словом не обмолвилась! Да и Мотя...

- Знаете, чудесные у нас девчонки все-таки! - сказала Кузьменко. - Нет слов, чтоб каждой отдать должное. Ну, Женечку Капустянскую вы в деле видели. И Лизу Невпрягу, и Фросю Коломиец, и Дусю Шумилину... Хотя нет, Дусю вы не можете знать, она у нас недавно: Персианову заменила. Специалистка высшего класса! У других девочек подготовка послабее, но все

равно. Кстати, большинство из них - сталинградки.

И Кузьменко рассказала о мужестве и самоотверженности этих девушек, добровольно пришедших в медсанбат: о студентке Сталинградского педагогического института Маше Приходько, о Лизе Погореловой, Ане Куровской...

- Лиза пришла в медсанбат с отцом, - рассказывала Кузьменко. - Их дом гитлеровцы разбомбили, а отец у нее хоть и старый, но тоже хотел чем-нибудь помочь Родине. Вот и служат: отец в приемно-сортировочном взводе, а Лиза в хирургическом. Девочка внешне слабая, такая же, как Маша Приходько, но обе стойкие. Вы же знаете, каково в операционной! И кровь, и гной, и стоны, и ампутированные конечности... С непривычки ох как несладко! А девчонки держатся. И никто не просится на другую работу. Твердо знают слово "надо".

Рассказала Кузьменко и про нового ведущего хирурга, заменившего А. М. Ската, про военврача III ранга Русакова:

- Молод, не в меру резок бывает. Но руки золотые!

Повидать в медсанбате всех, кого хотела, не удалось: времени не было. На прощанье заглянули с Кузьменко лишь в бывший наш госпитальный взвод, где я повидалась со знакомыми медсестрами и санитарками.

А потом опять была переправа через Волгу, и фонтаны воды из-подо льда, разбитого снарядами, и спасительный высокий правый берег, и попутка на КП дивизии...

Сойдя с машины вблизи передовой, я огляделась. Странно, тут ничего не изменилось! Умом понимала: ничего и не могло измениться, прошло каких-то семь-восемь часов. Но казалось, что прошло чуть ли не десять лет. Что вернулась я из какого-то другого времени.

Справа, метров за триста, стали рваться мины. Начинался очередной огневой налет.

Глава двенадцатая.

Прикрывая товарищей

Ранним утром 19 ноября с севера донесся небывало мощный гул орудий. Тут же открыла огонь артиллерия нашей армии.

Бегу на КП. Юрков, Макагон, прикомандированный к батальону командир саперного взвода, телефонисты - все стоят возле землянки с возбужденно-счастливыми лицами.

- Что это? - кричу на бегу.

- Началось! - отвечает Макагон. - Наши пошли, товарищ доктор!

В тот день пошли войска Юго-Западного и Донского фронтов. Уже в 7 часов 30 минут оборона противника под Сталинградом была одновременно прорвана на двух участках Юго-Западного

фронта.

Из политотдела дивизии по телефону весь день сообщали о новых и новых успехах советских войск. Эти известия немедленно передавались в роты, доводились до каждого бойца.

Мы отходили к Сталинграду с такими тяжелыми боями, столько пришлось вынести, выстрадать на ближних подступах к городу и в самом городе, мы так долго, так страстно верили, что принесенные жертвы не напрасны, так долго ждали торжества справедливости, что не ликование, а умиротворение, покой овладели людьми: наконец произошло то, чего враг не мог, не должен был избежать.

Ощущение мощи, силы наступающих армий всегда становится у солдат ощущением собственной мощи и силы. У людей повеселели лица, заблестели глаза, (Вот пишу об этом сорок один год спустя и чувствую себя помолодевшей, испытываю прилив бодрости, как тогда, в ноябре сорок второго...)

Наш Сталинградский фронт перешел в наступление 20 ноября. День рождался хмурый, тяжелые, серые облака висели низко, иногда порошил снег. Но плохая погода, мешая вражеской авиации, была нашей союзницей, и мы радовались ей.

После мощной артподготовки ударная группировка 64-й армии в 14 часов 20 минут перешла в наступление. Вступили в бой и другие армии фронта. Оборона противника была прорвана на нескольких участках, командование ввело в прорыв танковые и механизированные части, и они устремились на северо-запад, навстречу войскам Юго-Западного и Донского фронтов.

Мы в бой пока не вступали - готовились. С утра до ночи общевойсковые командиры всех рангов проводили рекогносцировку местности, уточняли полученные задания, договаривались о взаимодействии во время наступления. Артиллеристы вели разведку и пристрелку целей. Саперы по ночам уползали в нейтральную зону, делали проходы в минных полях.

По утрам во взводы и роты доставляли свежие газеты и размноженные политотделом дивизии последние сводки Совинформбюро, принятые по радио. Командиры, их заместители по политчасти, агитаторы дополняли сведения, содержащиеся в сводках, устной информацией об успехах наших войск, полученной по телефону штабом батальона. Капитан Юрков почти все время проводил на переднем крае, в окопах.

Приближение часа атаки волнует людей всегда. Сильнее других нервничают необстрелянные новички. Но и ветераны не остаются бесчувственными, хотя держат себя в руках: ведь пуля или шальной осколок с заслугами не считаются! В это время

опасно оставлять людей один на один с тревогой за жизнь, надо направить их мысли на то, как разумнее действовать в будущем бою, как быстрее достичь победы.

И Юрков делал это, не только разъясняя бойцам роль дивизии и нашего батальона в предстоящем сражении, но и показывая, как лучше двигаться в начале атаки, где ни в коем случае нельзя залегать, чтоб не попасть под убийственный огонь вражеских минометов или пулеметов, а где, напротив, лучше собраться, сосредоточиться, преодолев первую фашистскую траншею. В то же время Юрков требовал, чтобы бойцы непрерывно улучшали исходный рубеж атаки, глубже зарывались в землю.

Разумеется, комбат не хотел преждевременных потерь от вражеского артогня. Однако, думаю, прежде всего он хотел сохранить высоким боевой дух командиров и солдат: ведь безделье - враг победы, оно способно разъесть человеческую душу. Не зря бывалые солдаты пошучивают, что от безделья тоска, а от тоски - вошка заводится...

Днем 22 ноября заглянул комбат и на медпункт: проверил, готовы ли к наступлению медики.

Вечером я пошла на КП за ужином. Возвращаясь с кухни, встретила парторга батальона Каца. Он спросил, когда я подавала заявление о приеме в партию. Огорчился, услышав, что еще весной.

- Моя недоработка... При первой возможности схожу в политотдел дивизии, переговорю. Вам пора быть в партии.

В ту ночь мы с Дусей долго не могли уснуть. Прикорнули друг возле друга только в третьем часу. Разбудил нас артиллерийский залп. Вскочили с нар, откинули заменявшую дверь плащ-палатку. В лицо - холод, снег, нарастающий грозный рев орудий.

* * *

...Перед мысленным взором - заснеженное, в черных пятнах воронок и толовой гари, полого уходящее на северо-запад, к хутору Елхи, поле.

В однообразный гул артиллерии то и дело вплетается звук, похожий на внезапное завывание сотен безумных сирен, воздух над головой будто разрывают, и сначала видны стремительно взлетающие над позициями врага черные столбы разрывов, мечущееся среди этих столбов пламя, а потом кажется, что начинает с бешеной скоростью бить в гигантский барабан сумасшедший барабанщик: "катюши".

С шуршанием проносятся над головой - вот-вот заденут! - тяжелые мины, выпущенные из установок, прозванных "Иванами

Грозными". Земля гудит, дрожит, уши ломит от неутихающей канонады. В редкие промежутки между залпами и взрывами слышно, как тоненько, печально, словно жалуясь на что-то, посвистывают пули.

Разглядеть панораму боя невозможно: подниматься рискованно, а, приподняв голову, видишь только небольшое пространство, где залегли цепи рот, где торчат серые, как волдыри, вздутия вражеских дотов и бронеколпаков, остервенело извергающие огонь пулеметов.

Полдень 25 ноября. Вторые сутки непрерывного боя. Несмотря на мощную артподготовку, части дивизии ворваться в Елхи не смогли. Противник контратакует. Отбив контратаку, роты Отдельного учебного стрелкового батальона поднимаются, но, добегая до бетонированных колпаков, до мощных дотов, падают, как трава под косой.

Четыре танка, брошенные уничтожить бетонные колпаки, попали под огонь вражеской противотанковой артиллерии. Три остались гореть на поле боя. Четвертый вырвался к своим.

Приказано подползти к вражеским огневым точкам как можно ближе. Двигаюсь за стрелками. Держусь борозды, проложенной теми, кто впереди. Перед глазами подметки грубых солдатских ботинок. Бойцы попеременно подтягивают то одну, то другую ногу. И пока подтягивают - хорошо, значит, живы. А перестали подтягивать - надо спешить к людям: может, не убиты, а только ранены.

Ракета - сигнал к атаке - при дневном свете выглядит ненастоящей. А солдаты уже встают, и уже слышно набирающее силу "ура!"...

Выполняя приказ комбата оборудовать в случае успеха медпункт ближе к Елхам, то ползу, то бегу от воронки к воронке на стыке рот старшего лейтенанта Н. М. Ивченко и лейтенанта Ф. П. Стрелкова. Иногда подолгу лежу на одном месте - так часты и близки разрывы вражеских снарядов и мин. Ощущение холода пропало: передвижение по глубокому снегу согревает, да и нервы напряжены.

Появились раненые. Набухающие кровью ватники и брюки на морозе быстро превращаются в красноватый лед. Чтобы добраться до пораженного участка тела, разрезаю задубевшее обмундирование кривым ножом, похожим на садовый. Такие ножи имеются в каждой санитарной сумке, без них совсем худо пришлось бы.

Прежде чем перевязать раненых, надо снять варежки. Вот тут мороз берет реванш. На ветру, на холоде пальцы начинает ломить так, что слеза пробивает. А потом их вовсе перестаешь

чувствовать. Но и двигаться они не могут - торчат окаменевшими сучками. Приходится растирать их полами шинели, совать в рот. И снова за нож, за индивидуальные перевязочные пакеты...

Первой достигла бронеколпаков, ворвалась во вражеские траншеи рота старшего лейтенанта Ивченко. Но сам Ивченко получил тяжелое ранение, а командир соседней роты лейтенант Стрелков, поднимая бойцов на захват второй линии фашистских окопов, был сражен наповал осколком мины.

Меня разыскал связной капитана Юркова, передал приказ не пробираться дальше к Елхам, а наладить доставку раненых на прежний медпункт. Выбираясь из-под огня, я вытащила с поля боя младшего лейтенанта Н. В. Прокофьева и пулеметчика Панасенко, перевязала обоих. Только вернулась на медпункт принесли старшего лейтенанта Ивченко.

Командир роты тяжело переживал гибель многих бойцов, с которыми воевал не первый месяц. Особенно сокрушался о сержанте Петре Шеенко. По словам Ивченко, отделение Шеенко первым ворвалось во вражеские окопы, сержант уничтожил трех фашистов, а потом упал. Убили!

Старший лейтенант ошибся, Шеенко не погиб, был только ранен, позже его доставили на медпункт. Помня отзыв о нем Ивченко, мы с Дусей обходились с сержантом особенно ласково.

В тот день батальон продвинулся на триста метров, ночь передышки не принесла. Больше ничего не помню. Не помню и подробности боев в последующие два дня. Лишь сражения 28 ноября видятся более отчетливо. Наверное, потому, что дивизия предприняла попытку обойти хутор Елхи, и наш батальон совместно со 106-м стрелковым полком наносил удар южнее хутора. А еще потому, что 28 ноября погиб парторг батальона старший лейтенант Ш. И. Кац.

* * *

...Требовалось отвлечь на себя как можно больше сил противника, обеспечить действия ударной группировки армии, надежно прикрыть ее с юга. После тридцатиминутной артподготовки цепи 106-го стрелкового полка и Отдельного учебного стрелкового батальона поднялись в очередную атаку.

Они миновали примерно половину расстояния до фашистских траншей и бронеколпаков, когда враг поставил заградительный огонь артиллерии и минометов, стал косить наступающих из пулеметов, открыл огонь из автоматов. Продвинувшись еще немного - где на пятьдесят, где на шестьдесят метров, цепи залегли, и бойцы стали зарываться в снег. Атака захлебывалась.

Тогда поднялся со снега парторг. Обернувшись к бойцам, что-

то крича, он сделал несколько шагов, пятясь, потом повернулся и пошел на стену огня и дыма, все убыстряя шаги, пока не перешел на бег.

В гуле боя никто не слышал, да и не мог услышать, что кричал Кац. Но все видели - человек осмелился презреть смерть, поднялся, бежит... Значит, можно подняться, можно бежать? Больше того - нужно! Ведь впереди в одиночестве партийный вожак. Не поддержать его, не пойти за ним сейчас все равно что предать партию, Родину.

И цепи поднялись. На этот раз их порыв был неукротим. Падали убитые и раненые, но живые не останавливались и не ложились.

Метрах в тридцати от фашистских траншей парторг словно споткнулся: очередь из автомата. Бойцы забросали траншеи гранатами, ворвались в окопы, стреляли, били прикладами, пускали в ход штыки и ножи. Тело Каца вынесли с поля боя, доставили на медпункт. Но только для того, чтобы навсегда проститься с верным товарищем.

* * *

К этому дню многие санинструкторы рот вышли из строя. Да и вышедшим из строя санитарам мы счет потеряли... Целым и невредимым оставался один Колбасенко, хотя кому-кому, а уж ему-то пришлось хватить лиха! Только в бою 28 ноября санинструктор уничтожил в рукопашной двух вражеских солдат, застрелил фашистского ефрейтора, занесшего штык над кем-то из наших ребят, а позже подобрался к немецкой огневой точке и гранатами прикончил засевших в ней пулеметчиков.

С трудом верится, но факты - вещь упрямая: в том же бою Кробасенко оказал помощь десяти раненым, а девятерых вынес с поля боя. Среди спасенных им был и новый командир роты старший лейтенант В. Н. Болонкин, заменивший Стрелкова.

Ни богатырским сложением, ни большой физической силой Колбасенко не отличался. В мирное время занимался сугубо канцелярской работой. Но солдатским мастерством овладел в совершенстве, волю воспитал в себе неколебимую. Не случайно капитан Юрков, представляя участников боев к награждению, внес в списки и фамилию Колбасенко.

Из врачей дивизии в те дни получил тяжелое ранение старший врач 229-го стрелкового полка военврач III ранга Григорий Павлович Ситало. Энергичный, обладающий высоким чувством ответственности человек, он пострадал, проверяя работу батальонных медпунктов: делал перебежку, наступил на мину, и взрывом ему раздробило стопу.

Сменил Григория Павловича совсем еще молодой военврач III

ранга Василий Иванович Агапонов. Прибыл он из армейского резерва. Мы познакомились попозже, в двадцатых числах декабря, когда медпункт 229-го стрелкового полка и наш какое-то время находились рядом.

Ожесточенные бои под Елхами продолжались до 6 декабря. Продвинуться не удавалось. Мы с Дусей Рябцевой работали на старом медпункте и постоянно следили, нет ли у другой признаков обморожения. Дуся красила губы ярче обычного, уверяя, что помада защищает их от холода.

Спать нам удавалось по два-три часа в сутки, не больше. Отогревались в землянке для тяжелораненых, где топили печку брикетами тола. Тол разгорается быстро, дает очень высокую температуру, и, хотя это опасно жечь тол, мы жгли: холод стоял убийственный.

Как сейчас вижу тогдашнюю Дусю: в серой зимней шапке с туго завязанными "ушами", в заиндевевшем подшлемнике, толстенном ватнике и толстенных ватных брюках, стоит она на коленях возле раненого, бережно поддерживает голову солдата, ласково уговаривает выпить глоточек горячего чая.

Фигура Дуси в зимнем обмундировании кажется бесформенной, в овале подшлемника видны только усталые глаза, опушенные белыми от инея ресницами. Но Дуся прекрасна, как только может быть прекрасна женщина, исполненная сострадания и готовая к самопожертвованию.

Глава тринадцатая.

В канун Нового года

Лютым, беспощадным для раненых был декабрь сорок второго года. Солнце вставало по утрам в морозной дымке маленькое, светлое, как куриный желток, а к вечеру опускалось за горизонт все в той же дымке крохотным алым кружком. Пока оно, словно съежившееся от стужи, совершало зимний короткий путь, под голубоватым, как лед, небом продолжались бои.

Задача у дивизии оставалась прежняя: сковать противника, прикрыть наступающую группировку армии. Роты каждый день ходили в атаки: захватить отдельный окоп, овладеть траншеей, зацепиться за невидимую глазом "высоту", выбить противника из овражка.

Нет ничего более тяжкого, безрадостного, неблагодарного, чем такой ратный труд. Большой успех исключен, чувства превосходства над врагом не возникает, потери кажутся несоразмерными результатам боя, руководство попрекает нерасторопностью. В такие времена командиры и солдаты должны обладать высокой сознательностью, моральной стойкостью и неколебимым мужеством.

Армейское медицинское начальство, учитывая характер наших боевых действий и суровые погодные условия, требовало обеспечить стабильность расположения батальонных и полковых медицинских пунктов: для постоянного медпункта и место можно подобрать удобное, и оборудовать лучше. Кроме того, эвакуировать раненых из таких пунктов проще и легче: шоферы и повозочные, зная их расположение, не блуждают по степи, а используют скрытые пути подъезда, не подвергая раненых лишним опасностям.

В декабре штабы полков, батальонов и санитарные роты полков получили в пользование брезентовые четырех-шестиместные палатки. Эти палатки сравнительно быстро устанавливались и, обложенные снегом, "вооруженные" жестяными печками, становились прекрасными местами работы и отдыха.

К сожалению, нашему медпункту палатка не досталась. Мы с Дусей по-прежнему обходились самыми примитивными укрытиями, вырытыми в глубоком снегу и накрытыми плащ-палатками. Но даже эти укрытия сохранили жизнь не одному бойцу! Доставленные к нам раненые нуждались не только в медицинской помощи, но и в обогреве. Печки же или цинковые ящики из-под патронов, служившие печками, тепла давали достаточно. Кроме того, людям, находившимся в шоковом состоянии или сильно замерзшим, мы вливали в рот спирт. Средство древнее, тоже примитивное и тоже надежное.

Обрабатывать раненых в укрытиях стало полегче: мы не так мерзли, послушнее становились пальцы рук, быстрее поддавалось ножам оттаявшее обмундирование.

Ох, как памятны тогдашние холода! Ох, как памятен тогдашний пронизывающий ветер! Бойцы старались без крайней необходимости не высовываться из окопов, в землянки набивалось народа - не продохнуть, оставленные в стрелковых ячейках наблюдатели сменялись каждый час, а то и каждые полчаса.

Меня мороз донимал люто. Ни полушубка, ни ватника, ни валенок небольших размеров на складах не нашлось. Я вынуждена была ходить в шинели и кирзовых сапогах. Спасаясь от холода, обертывала тело под гимнастеркой и ноги поверх портянок газетной бумагой, старалась непрерывно шевелить пальцами. Но они все равно мерзли ужасно, и, находясь в укрытии, я при первом же удобном случае снимала сапоги, растирала ступни спиртом, грела их у огня.

В середине декабря улыбнулась удача: лейтенант Адамов раздобыл ватные брюки сорок шестого размера. Я укоротила их,

ушила в поясе и, надев обнову, почувствовала себя наверху блаженства.

В те холода, в разгар боев, произошли в моей жизни два знаменательных события. В десятых числах декабря капитан Юрков вручил мне от имени командования орден Красной Звезды, к которому я была представлена за октябрьские бои. А 20 декабря утром пришел замерзший связной от заместителя комбата по политчасти и объявил, что к 17 часам следует прибыть на КП батальона: будут вручать партийные билеты.

- Табачку не найдется, доктор? - спросил связной. - Погреться! Все роты обошел, к вам напоследок. Да, товарищ старший лейтенант наказывали почиститься, подшить чистый подворотничок и побриться.

Дуся прыснула, связной спохватился:

- Виноват, вам можно не бримшись!

И сам рассмеялся:

- Всем одно говорю, ну и примерзло к языку.

Офицерам полагался папиросный табак в пачках, я не курила, но табак получала и раздавала раненым. Связные знали, что табак в медпункте водится, и не упускали случая угоститься. Обычно я им насыпала на закрутку, но нынешнему связному отсыпала целую пригоршню!

Собираться на КП начала в третьем часу: согрела воду, умылась, смазала раздобытым у шоферов солидолом кирзовые сапоги. Увы, солидол от мороза мгновенно застыл, на голенищах и головках образовались белесые натеки, растереть, размазать которые не удалось. Настроение испортилось: ну что такое, торжественный день, праздник, а сапоги безобразные!

Дуся утешила:

- Темнеет рано, никто и не заметит.

От медпункта до КП батальона всего триста метров, и, хотя иной раз приходится на этих метрах полежать, пережидая огонь врага, дорога не бог весть какая длинная. А все же передумала я за эту дорогу немало...

Вспомнила Николая Островского и его героя - несгибаемого, непримиримого ко всякой фальши и подлости Павку Корчагина... Своих старших товарищей по строительству Джезказгана... Умершего на моих руках комиссара Бахолдина... Политрука Татаринова... Десятки других коммунистов, которых знала и которые не щадили себя...

Сегодня мне вручат партийный билет. В глазах всех людей я буду теперь такой же чистой и бесстрашной, как Корчагин. Такой же мужественной, как Бахолдин. А есть ли во мне такая чистота, такое мужество? Готова ли я всегда заботиться сначала о благе

Советской Отчизны, о благе людей, о деле партии, а потом уже о личном покое и благополучии? Хватит ли душевных и физических сил?

Эти мысли тревожили, от них нельзя было отмахнуться. И тогда я сказала себе, что, вступив в партию, воспитаю в себе чистоту Павки Корчагина и мужество Бахолдина. Не дам себе поблажки ни в чем! Не пощажу себя ни в чем!

Возле землянки, где обитали комбат и старший лейтенант Макагон, заметила группу офицеров и солдат, скучившихся возле невысокого худощавого офицера. Этим офицером оказался заместитель командира дивизии по политической части полковник Иван Алексеевич Шкуратов. Он рассказал, что кольцо окружения вокруг фашистской группировки в Сталинграде фактически замкнуто, армия фон Паулюса отрезана от остальных гитлеровцев.

Шкуратова спросили о втором фронте. Иван Алексеевич, усмехнувшись, ответил, что на союзников надейся, а сам не плошай и что, по его мнению, теперь, когда фашистам очень худо, сроки открытия второго фронта наверняка приблизятся. Люди рассмеялись.

Подошли запоздавшие товарищи из пятой роты, и всех нас пригласили в землянку. Вместе со Шкуратовым и замполитом батальона туда набилось четырнадцать человек: яблоку негде упасть!

Шкуратов говорил о нынешнем, торжественном для каждого из собравшихся дне, совпавшем с решительными боями по разгрому гитлеровцев в Сталинграде. О великом подвиге советских воинов и всего советского народа, не только выстоявшего в кровавой битве у Волги, сокрушившего отборные дивизии врага, но и положившего начало полному и окончательному разгрому фашизма.

Потом нас вызывали к столику, где лежали партийные билеты. Шкуратов поздравлял каждого с высоким званием члена партии, желал благополучия, здоровья, успехов в ратном труде, крепко пожимал руку. Обращаясь к новым членам партии, выразил надежду, что в предстоящих боях с захватчиками мы будем достойны высокого звания коммуниста, станем бить гитлеровцев до полного уничтожения.

От нашего имени выступил сержант из второй роты: забыла его фамилию. Он заверил командование и политотдел дивизии, что никто из нас не пощадит жизни ради победы над заклятым врагом человечества - фашизмом, будет с честью носить высокое звание члена партии...

Вышли из землянки в полной темноте. Мороз к ночи стал

сильнее, ветер сек лицо, норовил свалить с ног.

Изредка взлетали ракеты, тишину нет-нет да и вспарывали пулеметные очереди. В небе, высоком и черном, холодно переливались звезды. Сначала люди шли вместе, потом стали расходиться - каждый своей тропочкой.

Осталась я одна. Шагая по скрипучему снегу, все пробовала рукой: тут ли партбилет? Дуся Рябцева, едва я вернулась, попросила показать его. Я показала, не выпуская из рук. Дуся не обиделась.

Оставались считанные дни до нового, 1943 года. В одну из ночей Отдельный учебный стрелковый батальон, взаимодействуя с левофланговыми подразделениями 299-го стрелкового полка, предпринял атаку вражеских позиций. Подползшие под покровом темноты близко к фашистским окопам и траншеям роты сумели после короткого огневого налета быстро преодолеть те полторы сотни метров, что еще отделяли их от противника.

Капитан Юрков переместил наблюдательный пункт батальона в первую вражескую траншею, когда та еще не была полностью очищена: не хотел терять пульс боя, быстро установил связь с артиллеристами, уверенно отразил попытку фашистов вернуть утраченные блиндажи л окопы.

Орудия и минометы еще вели огонь, когда прибежал связной Юркова:

- Доктор, капитан ранен!

- Где он?

- Там, на наблюдательном!

Перекидывая через плечо санитарную сумку, я спросила, куда ранен комбат и насколько серьезно. Связней ответил, что осколком мины или снаряда Юркову раздробило кисть левой руки.

Бежали через поле с глубоким снегом, где там и тут лежали тела убитых, взметывались фонтаны разрывов, проплывали огоньки трассирующих пуль. Добрались до нового НП через полчаса.

Юрков стоял в траншее около отбитого блиндажа, держал в правой руке телефонную трубку, кричал в нее, требуя поднять роту и атаковать. Левая рука комбата была перевязана и висела на ситцевой, цвета хаки косынке, перекинутой через шею. Пропитанный бурой кровью бинт уже подсыхал. Рядом стоял Макагон, рассматривая в бинокль левый фланг.

Юрков кивнул, сделал глазами знак обождать.

- Немедленно дайте осмотреть рану! - потребовала я.

- А, доктор... - опустил бинокль Макагон. - Очень хорошо.

И к комбату:

- Кончай, Борис. Такими вещами не шутят! Пусть доктор сделает все, что нужно.

Юрков нехотя спустился со мной и связным в блиндаж. Тут горела лампа-пятилинейка, на нарах валялись вороха соломы, в углу виднелись пустые консервные байки с яркими наклейками, опорожненные фашистами бутылки из-под шнапса.

Я сняла уже подсохший бурый бинт. Кисть капитана была раздроблена, из кровоточащей раны торчали осколочки кости. Быстро осмотрев и обработав рану, сделала фиксирующую повязку:

- Немедленно в медсанбат. Передайте командование кому-нибудь из офицеров и пойдемте.

Юрков поднялся, сурово взглянул на связного:

- Чего ждешь? Застегни мой полушубок! Я настаивала на отправке в медсанбат. Юрков сквозь зубы сказал:

- Здесь я распоряжаюсь, а не вы. Отправляйтесь на медпункт. Закрепимся, тогда погляжу, как быть... - И вышел из блиндажа.

Мне ничего не оставалось, как выбраться следом. Сделала еще одну попытку уговорить командира батальона позаботиться о своем здоровье, попыталась прибегнуть к помощи Макагона, но безрезультатно. Пришлось возвратиться на медпункт.

- Пустяковое ранение? - спросила Дуся.

- Наоборот, серьезное. Может руки лишиться. Но кричит и не слушает.

- Успокойтесь! Не маленький.

- Да, не маленький, но не понимает, чем рискует. А я ничего не смогла.

- Погодите, явится.

Капитан Юрков на медпункт не явился. Часа через три я снова пошла на наблюдательный пункт. Атаки гитлеровцев к тому времени мы отбили, батальон закрепился на новом рубеже, Юрков выглядел спокойным, только глаза подозрительно блестели. Коснулась лба капитана. Так и есть, температура...

Объяснила комбату и замполиту, чем грозит дальнейшее промедление с лечением.

- Хорошо, убедили, пойду с вами, - согласился Юрков.

Они с Макагоном обнялись.

- Ну, держитесь тут, - сказал комбат.

- Удержимся, - ответил Макагон. - Ты не очень залеживайся. Надо Паулюса вместе добить!

Из-за боли капитан шагал на медпункт медленно, казалось, не торопился покидать батальон. Уложили его в землянке для тяжелораненых, напоили чаем. Температура у комбата повысилась, губы пересыхали, глаза блестели. Но он держался и,

отправляясь на попутном грузовике в медсанбат, пошутил: мол, вот рады, что избавились от строгого начальства, а начальство все равно скоро возвратится.

В батальон капитан Юрков не возвратился. Поехать из медсанбата в тыловой госпиталь он, правда, отказался - лечился, как тогда говорили, "дома". А через полторы недели, получив новое назначение - начальником оперативного отделения штаба дивизии, вообще выписался и долечивался уже на КП дивизии, у Клавы Шевченко.

Но пожелание Макагона сбылось: окруженных гитлеровцев они добили вместе.

Глава четырнадцатая.

Прорыв

В декабре войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов сорвали попытку противника деблокировать окруженную армию Паулюса, и внешний фронт в районе Дона отодвинулся на 250-300 километров к западу от Волги. Мы сразу ощутили это по исчезновению бомбардировочной авиации противника.

Днем 30 декабря из штаба дивизии на должность командира Отдельного учебного стрелкового батальона прислали капитана Юркина - высокого, плотного, неторопливого в разговоре и движениях офицера. А поздним вечером поступил приказ на марш: дивизию передвигали в район балки Караваткн и высот 105,3, 111,6.

Утро застало батальон в заснеженной степи. С низкого неба валил густой снег, ноги вязли в снежной целине по колено, наотмашь хлестал ветер. Показались движущиеся в том же направлении, что и мы, колонны других соединений, танковых подразделений, артиллерийских полков.

Вспомнилась иная пора: адская жара, пыль в полнеба, давящий гул фашистской авиации, вой пикирующих "юнкерсов" и "мессеров", грохот чужой артиллерии и чужих минометов за спинами угрюмых, нередко бредущих в окровавленных повязках бойцов и командиров. Давно ли это было? Совсем недавно. А осталось, кажется, в какой-то другой жизни. И осталось - мы твердо верили - навсегда!

Лица идущих рядом офицеров и солдат светлели, слышались шутки. Воистину ни с чем не сравнимо ощущение личной причастности к начинающимся великим свершениям: сильней, мужественней, жизнерадостней становится человек!

В новый район сосредоточения вышли к трем часам дня. Батальону приказали занять рубеж обороны в полутора километрах северо-западнее балки Караватка. Мы сменили оборонявшиеся на этом рубеже подразделения уже в сумерках.

На новом КП батальона землянок не было. Штаб разбил палатку, мы с Дусей вырыли укрытие в сотне метров от нее, забрались в неширокую, прикрытую плащ-палаткой снежную щель, погрызли сухари с салом, тесно прижались друг к другу и задремали. Разбудил нас связной Юркина: комбат приглашал меня на встречу Нового года.

...В штабной четырехместной палатке сидели в одних гимнастерках капитан Юркин, старший лейтенант Макагон, новый парторг батальона старший лейтенант Гонаполер и молоденький телефонист, пристроившийся в дальнем углу возле зеленого ящика полевого телефона, подкидывающий время от времени в крохотную печку толовые шашки. Получив очередной "заряд", печка напряженно гудела, ее бока начинали просвечивать розовым.

Я втиснулась между Макагоном и Юркиным, наслаждаясь теплом, расстегнула шинель.

- Ждем лейтенанта Адамова, - сказал Макагон. - Он сегодня вместо Деда Мороза.

Офицеры говорили о тупом упорстве фашистского командования, обрекающего тысячи своих окруженных в Сталинграде офицеров и солдат на страдания и бессмысленную гибель, о том, что окруженные едят павших лошадей, много обмороженных.

- Страдать-то страдают, а огонь, гады, ведут, - с сердцем сказал Юркин. - Нет, не жалко мне их. Сами свою судьбу выбрали, пусть на нас не пеняют, щадить не стану!

Он повернул ко мне широкое лицо:

- Вы еще не знаете, доктор: в двенадцать фрицы фейерверк получат. Чтоб у столов не торчали, чтоб на морозе попрыгали...

Мужчины продолжали беседу, а я сидела слушала и уносилась мыслями далеко-далеко, в Джезказган, к сынишке, у которого, наверное, и ужина-то хорошего не будет: по слухам, голодно в тылу. Как он там, мой Юра, без материнской ласки, на руках старого, больного деда?..

Приподняв полог, в палатку втиснулся лейтенант Адамов, принес буханку замерзшего черного хлеба, банку консервов "второй фронт", как называли бойцы изготовленную в Чикаго свиную тушенку, поставляемую в СССР по ленд-лизу, и котелок водки.

- Двадцать минут осталось, - предупредил Адамов. - Надо хоть немного хлеб отогреть, иначе не разрубишь.

Хлеб отогрели на печке, накромсали финским ножом, нарезали тушенку и наполнили крышки от котелков и кружки.

Юркин поднял свой "бокал".

- За Новый год, пусть он будет могилой для гитлеровцев! За победу!

Я мысленно присоединила к этому тосту пожелания здоровья отцу и сыну.

Осторожно чокнулись, выпили.

- А теперь будем готовиться к фейерверку, - сказал Юркин и приказал телефонисту: - Вызывай роты.

Я возвратилась на медпункт, разбудила Дусю. Мы стояли с ней, поглядывая на высокое, вызвездившее небо, ждали. Артиллерия и минометы ударили внезапно и дружно. Передний край заполыхал вспышками разрывов. Зароились над ним разноцветные трассирующие пули.

Не трудно было представить, как отреагируют на "фейерверк" гитлеровцы. Им теперь не до праздника! Хочешь не хочешь, а хватай оружие, беги на мороз, готовься к отражению возможной атаки русских.

Артиллерия и минометы били долго. Стало холодно. Мы снова забрались в укрытие и вскоре заснули.

* * *

Прошло несколько дней. Переданная в состав Донского фронта, пополненная людьми и вооружением дивизия подготовилась к боям. Солдаты знали: предстоит участвовать в полном разгроме окруженного в Сталинграде врага.

Утром 9 января 1943 года старший лейтенант Макагон собрал заместителей командиров рот по политчасти и пропагандистов. Меня тоже пригласили на КП. Макагон сообщил, что противник отклонил ультиматум командования Донского фронта о сдаче в плен на общепринятых условиях.

- Боезапасы у врага на исходе, продукты питания кончаются, вражеские госпитали переполнены, смертность в них от ранений, болезней и обморожения чудовищно высокая, - сказал Макагон.

Потом объяснил: войскам Донского фронта в будущей операции предстоит рассечь окруженную вражескую группировку на две части и уничтожить. Наша 64-я армия будет прорывать оборону противника на реке Червленой.

- Доведите задачу до сведения каждого бойца, - сказал Макагон. - Чем решительней удар, тем больше успех, тем меньше потерь.

Бои по прорыву вражеской обороны на реке Червленой - той самой Червленой, где вырвались из окружения мы сами, - начались 10 января 1943 года. Хорошо оборудованные позиции противника находились на крутом правом берегу реки. Перед рекой тянулась открытая степь с глубоким снежным покровом. Мороз стоял жестокий: 10 января он достигал 35 градусов по

Цельсию. Свирепствовал жгучий зимний ветер.

Дивизию ввели в бой 15 января. Мы наступали в направлении "Участок No 2 совхоза "Горная поляна" - "Южная окраина населенного пункта Песчанка".

Отдельный учебный стрелковый батальон действовал в первом эшелоне дивизии. Бой оказался крайне тяжелым. Оборонительные рубежи противника были хорошо укреплены, вражеские солдаты сражались с отчаяньем обреченных. Успех наметился лишь к исходу дня.

Ночью разведчики 128-го стрелкового полка под командованием лейтенанта В. М. Михеева выдвинулись вперед и проникли в балку Мокрая. Неширокая балка, где темнели силуэты танков, грузовиков, повозок, казалась вымершей. Похоже было на то, что фашистские солдаты и офицеры, выставив часовых, забрались в землянки, спасаясь от мороза.

Разведчики сняли часовых и, разбившись на группы, забросали гранатами вражеские землянки. Выскочивших из укрытий, пытавшихся оказать сопротивление гитлеровцев уничтожили. Уцелевшие предпочли поднять руки. Михеев немедленно дал знать командиру полка, что балка Мокрая от врагов очищена. Полк подняли, пошли вперед.

Слышали ли фашисты звуки боя? Наверняка слышали. Но либо были убеждены, что в балке не происходит ничего серьезного, либо оказались не в состоянии установить истину, либо просто не могли подбросить подкрепления.

Так или иначе, в обороне противника неожиданно образовалась брешь. Батальоны 128-го стрелкового полка, устремись в нее, продвинулись на пять километров. Это, в свою очередь, обеспечило захват балки Песчаной.

На рассвете 18 января дивизия завязала бои за Стародубовку и Песчанку. Противник опомнился, успел организовать оборону, ожесточенно сопротивлялся. Стародубовку очистили от фашистов только 22 января, а Песчанку - 23-го.

Солдатам и офицерам приходилось выдвигаться на рубежи атаки, атаковать и контратаковать в сорокаградусный мороз, при непрекращающемся ветре. В подразделениях появились обмороженные, простудившиеся, заболевшие воспалением легких.

Но воины рвались в бой. Героизм людей был массовым. Многие стрелки, минометчики, артиллеристы получили за совершенные в тогдашних боях подвиги ордена и медали. Особенно прославился связной командира роты автоматчиков 106-го стрелкового полка старший сержант Яков Корнилович Фефилов.

...В разгар боя за Стародубовку на глазах Фефилова был убит командир взвода автоматчиков. У бойцов это вызвало замешательство, немцы контратаковали. Тогда Фефилов, приняв командование взводом, повел бойцов навстречу врагу и, на плечах гитлеровцев ворвавшись в деревню, выбил фашистов из Стародубовки. Взвод захватил пять станковых и шесть ручных пулеметов противника, два орудия и повернул их против немцев.

А во время боя за Песчанку старший сержант Фефилов заменил уже и выбывшего из строя командира роты автоматчиков. Они первыми вошли в Песчанку. Здесь путь им преграждали вражеские доты. Фефилов лично уничтожил гранатами засевших там врагов, вышел противнику в тыл и обеспечил окончательный успех боя.

* * *

Отличившиеся при захвате балки Мокрая лейтенант Михеев Владимир Михайлович и старший сержант Фефилов Яков Корнилович стали первыми воинами дивизии, удостоенными высоких звавий Героев Советского Союза.

* * *

Самоотверженно действовали в тогдашних сражениях и медицинские работники дивизии. Разведчик-санинструктор 1-го батальона 128-го стрелкового полка М. С. Батырбеков вынес с поля боя сорок раненых, в том числе семь офицеров.

* * *

Однажды около Батырбекова разорвалась мина: он был контужен, потерял сознание, а, очнувшись, увидел, что отморозил пальцы на руках. Батырбеков принялся растирать их - распухшие, серые - снегом, полой шинели, в кровь разодрал кожу, но заставил пальцы ожить. Обмотав их бинтами, солдат продолжал выполнять свою работу.

Обнаружив полузасыпанный снегом вражеский блиндаж, он решил приспособить его под укрытие для раненых, больными своими руками выгреб весь снег и затащил в блиндаж девять воинов.

За январские бои М. С. Батырбекова наградили орденом Красного Знамени.

Санинструктор 106-го стрелкового полка И. А. Попов вынес с поля боя двадцать раненых. Санинструкторы того же полка Аня Куровская и Зина Дроздова - по девятнадцать каждая. Санинструктор 77-го артиллерийского полка Татьяна Конева, военфельдшер Маргарита Максимовна Максимюкова, санитарки Нина Букова и Клава Герасимова, оказывая помощь артиллеристам, спасли жизнь более чем шестидесяти солдатам и офицерам.

Об этих девушках хочется сказать особо. Все они родились и выросли в Сталинграде. Все, за исключением Тани, - студентки Сталинградского института иностранных языков, только-только закончили школу. В дивизию пришли 25 сентября, в разгар жесточайшего боя. И все, как одна, беззаветно сражались за родной город, где каждая улочка, каждый угол были овеяны воспоминаниями детства и юности, несовместимыми с чудовищной реальностью войны.

Ничто не устрашало их, как не устрашало и других сталинградских девушек, служивших в дивизии.

* * *

Тяжелую, многотрудную работу выполнял медсанбат дивизии. Перед январскими боями командование армии приказало создать - и в ходе боя выдвигать как можно ближе к полям сражений - передовые отряды медиков.

На медпунктах полков и батальонов постоянно не хватало шин, перевязочного материала. При повреждении у раненых костей и обширных поражениях мягких тканей медицинские работники не могли обеспечить людям неподвижность пострадавших конечностей, а бездорожье и перебои с транспортом не давали возможности своевременно эвакуировать воинов. Тут-то и должны были помочь передовые отряды!

Каждый такой отряд состоял из бригады хирургов, военфельдшеров, операционных медсестер и нескольких санитаров. Отряду придавалась машина, он обеспечивался тремя брезентовыми палатками, хирургическими столами, перевязочными материалами, медикаментами, различным инструментарием. Располагаясь в пяти-семи километрах от наступающих частей, такой отряд мог быстро принять нуждающихся в квалифицированной медицинской помощи воинов, при необходимости немедленно оперировать их, без задержек отправлять в медсанбат или прямо в армейский госпиталь.

Медсанбат дивизии по мере нашего продвижения к Волге тоже двигался вперед. Сначала он размещался в балке Двойная, позже - на территории совхоза имени 8 Марта.

Работать персоналу передового отряда пришлось в тяжелейших условиях. Прежде всего приходилось самим ставить палатки. А это зимой при сильном ветре очень непросто. Мерзнут руки, втыкать анкерные колья в застывшую землю все равно, что в железо, а слабо забитые, они не способны удержать бьющиеся, как паруса, полотнища: палатки срывает и несет в открытую степь.

Наконец они установлены, пора растапливать жестяные печки. Греют эти печки плохо, в шаге от них холод такой же, как

снаружи. И все же над раскаленной жестью можно отогреть ампулы с новокаином, несколько минут подержать коченеющие руки! Однако регистрируя раненых, медсестры вынуждены работать в рукавицах. Строчки неровные, буквы корявые. Но это еще ничего! Вот кетгут или шелковую нить в хирургическую иглу в рукавицах вдевать нельзя... Держать скальпель и подавать инструменты тоже приходится в одних резиновых перчатках...

Невероятно трудно оказалось вывозить раненых с полковых медпунктов в передовой отряд, а оттуда - в медсанбат и в армейские госпитали. Бездорожье, глубокий снег, артобстрел... Шоферы санбата проявляли большое мастерство и мужество. Рядовой А. Н. Маслов полтора месяца водил машину без сменщика. Водил днем и ночью. Он вывез с полковых медпунктов без малого тысячу раненых! Шофер П. С. Шкурдода неоднократно попадал под артобстрел, но ни разу не оплошал, всегда благополучно доставлял людей в медсанбат., У него не произошло ни одной аварии.

Сопровождая раненых в тыловые госпитали, уже знакомый читателю Игорь Обольников вместе с шоферами расчищал снежные заносы, проталкивал буксующие грузовики, сильно обморозился.

Мы с Дусей Рябцевой работали как обычно: продвигались за батальоном, отрывали щели для укрытия раненых, а если везло - укутывали их и обогревали в захваченных вражеских блиндажах. После того как от противника очищали какую-нибудь деревню, размещали медпункт в уцелевшей хате.

На рассвете 24 января мы шли в освобожденную Песчанку. Снежная равнина перед селом - вся в окоченевших трупах фашистских солдат. Иные стоят, утонув в глубоком снегу где по колено, где по пояс. Стоят в тех позах, в каких настигла смерть, превращенные морозом в статуи. Окаменевшие на сорокаградусной стуже лица сохраняют выражение ужаса, боли, смертной тоски. Страшно идти таким музеем ледяных фигур, даже если это фигуры врагов...

Но в Песчанке мы обнаружили четырех наших раненых бойцов, захваченных в плен и брошенных гитлеровцами в холодный сарай. И сострадание к погибшим под селом немецким солдатам исчезло без следа. Его сменили, как обычно, гнев, презрение.

На следующий день, к вечеру, передовые подразделения дивизии освободили пригород Сталинграда - поселок Минина - и вырвались к Волге. Перед нами лежал разбитый, дымящийся, до боли родной город, в развалинах которого предстояло добить остатки армии Паулюса.

Глава пятнадцатая.

Последняя неделя

К вечеру 26 января части дивизии вышли на южный берег реки Царица. Поставленная командованием фронта задача была выполнена: армия рассекла окруженную в городе группировку врага на две части.

Дивизии предстояла переправа через реку с разбитым льдом, бой за высокий северный берег Царицы. Гитлеровцы укрепились там в окопах и каменных подвалах разрушенных зданий, засели на верхних этажах нескольких уцелевших трех- и четырехэтажных домов, просматривали оттуда позиции наших полков и вели сильный пулеметный огонь.

В ночь на 28 января офицеры и солдаты штурмовых групп, одетые в белые маскхалаты, перебрались через реку, неслышно подползли к намеченным для захвата домам, забросали гарнизоны этажей гранатами, ворвались во внутренние помещения и открыли автоматный огонь. Один из домов захватили бойцы старшего сержанта Фефилова.

За штурмовыми группами пошли стрелки, потащили орудия артиллеристы, переправились минометчики. Через четыре часа с небольшим северный берег очистили от противника. Отсюда дивизия развернула наступление к центру Сталинграда.

Два полка - 106-й и 128-й - пробивались вдоль улиц Ломоносова и Островского к улице Халтурина, где предстояло соединиться с частями 62-й армии. А 229-й стрелковый полк и Отдельный учебный стрелковый батальон - по улице Пушкина. Начались непривычные уличные бои...

Очевидцу событий трудно нарисовать объективную картину происходившего: каждому офицеру и солдату минувшее видится по-своему, и равнодушных среди них не встретишь. К тому же на каждом клочке земли в разное время случается разное.

Что же осталось в моей памяти? Прежде всего разбитые дома: там одинокая стена с пустыми провалами окон; там обнаженная взрывом комната с провисшим полом, с зацепившейся за что-то кроватью с никелированными шишечками; там обрубки деревьев; там груда битого кирпича. И на всем: на грудах кирпича, на поваленных электрических столбах, на шинелях и сапогах убитых гитлеровцев - иней. Толстый, пушистый иней.

Памятен и грохот. Грохот стрельбы и разрывов, внезапные щелчки ударивших рядом пуль, выбивающих из кирпичей красную пыль, похожую на сухую кровь.

Бойцы выкатывают на середину улицы противотанковое орудие и бьют прямой наводкой по дому, где засели вражеские пулеметчики... Другие бегут, пробираются через развалины к

одним им известной цели... То скрываются за глыбами кирпича, то выскакивают и ведут огонь автоматчики... На тротуаре лежит убитый связист, его товарищ разжимает кулак погибшего, чтобы забрать катушку с телефонным кабелем... Бегом перетаскивают свое оружие минометчики... Один падает и пытается ползти...

Это я помню. Но лучше, яснее всего помню подвалы сталинградских домов. Туда заносили мы раненых, там размещались и вражеские госпитали.

...Первый фашистский госпиталь я увидела 27 января, во время боев за расширение плацдарма на северном берегу Царицы. Обнаружили его солдаты 128-го стрелкового полка и сообщили командованию. Сразу же медицинским работникам наступающих подразделений было приказано отправиться туда, чтобы оказать раненым медицинскую помощь, организовать питание и эвакуацию вражеских солдат и офицеров в тыл.

Я пришла в промерзший подвал, где находился брошенный гитлеровцами госпиталь, одной из первых. Открываю дверь. В нос ударяет запах гниения и дезинфицирующих средств. Свечу фонариком: на грязном полу, припорошенном соломой, вплотную друг к другу лежат десятки людей в шинелишках цвета фельдграу, в пилотках с натянутыми на уши отворотами, в каком-то тряпье кто в ботах, кто в сапогах, обмотанных всякой всячиной.

В конце первой комнаты виднеется проход в следующую. Там тоже лежат раненые, а возможно, и умершие. Ни одного фашистского санитара! А про врачей и говорить не приходится...

Тяжкий, удушливый запах вызывал тошноту. Невольно подумалось, что вся эта масса больных, оставленных без помощи человеческих тел кишит паразитами и что они, конечно же, окажутся на мне.

Свет фонарика заставлял раненых открывать ввалившиеся, потухшие глаза, поворачивать ко мне заросшие многодневной щетиной лица. В этих глазах, на этих лицах я различила подобие надежды. Робкой, но надежды. Правда, раненые глядели не в глаза мне, а на что-то, находившееся сбоку, Я посмотрела туда и увидела собственную санитарную сумку с красным крестом.

Бывшие поблизости немцы о чем-то заговорили между собой. Разобрать слов я не могла. Но интонации в переводе не нуждаются. И неуверенность, и злоба, и безнадежность, и просьба слышались в голосах переговаривающихся. Один из вражеских солдат - самый,: возможно, решительный - приподнялся на локте и хрипло позвал:

- Матка доктор! Битте, помогайт... Помогайт, битте зер!

Нет, я ничего не забыла и никого не забыла. Ни погибших у Цимлянской героев передового отряда... Ни павших в боях на

Аксае, у совхоза имени Юркина, у Червленой... Ни сотни погибших и сотни раненых у хутора Елхи... Я помнила окостеневшее лицо майора Крупина, разбитую голову комиссара Бахолдина, развороченную осколком грудь молоденького, жаждавшего жить лейтенанта...

Все и всех я помнила! И все же расстегнула сумку, опустилась на колени около ближайшего раненого в плечо и шею вражеского солдата: я была врачом, советским врачом, и мой долг состоял в том, чтобы облегчать страдания страждущих. Даже если это были солдаты вражеской армии. Впрочем, солдаты ли? Лежащие в подвале солдатами уже не были.

* * *

Я перевязала и напоила водой четырех человек, когда в подвал спустились старший полковой врач 229-го стрелкового полка В. И. Агапонов с двумя фельдшерами. Спросив, давно ли я тут, поразившись запахам, наполнявшим заброшенный фашистский госпиталь, Агапонов приказал фельдшерам приступить к делу и принялся обрабатывать раненых сам.

Но вскоре прибыла группа врачей и сестер из медсанбата, а нам велели вернуться в свои части.

Выйдя на улицу, я жадно вдохнула свежий воздух. Состояние было пренеприятнейшее. В голове не укладывалось, что немецкие врачи могли покинуть, бросить на произвол судьбы своих солдат.

Никто из наших медицинских работников так не поступил бы. Они разделяли судьбу раненых до конца, хотя прекрасно знали, что фашисты никого не щадят, в том числе и врачей. А над женщинами-врачами, военфельдшерами и медсестрами - глумятся...

* * *

Эвакуация раненых в городе оказалась неожиданно очень нелегким делом: санитарные машины с трудом пробирались по изрытым воронками, заваленным обломками зданий улицам. Водители и сопровождающие машины медсестры еле отыскивали среди хаоса битого камня, горелого дерева и груд мусора медпункты частей, упрятанные в подвалы.

Да и сами поездки стали небезопасны! Того и гляди заедешь прямо под орудия или пулеметы врага. На медпунктах скапливалось много людей, нуждающихся в эвакуации, а медикам нельзя было отставать от наступающих.

Помню, к вечеру 28 января у нас лежали на полу или сидели где придется более тридцати человек. Раненые продолжали поступать и ночью, а санитарные машины не появлялись. Уж я и Дусю посылала на улицу искать эти машины, и сама выскакивала на холод, надеясь расслышать рокот мотора и помочь

автомобилю проехать к подвалу... Но все напрасно.

Приближался рассвет. Утром батальону предстояло вступить в бой, идти дальше к центру города. Надо и нам сопровождать роты, а раненых покинуть нельзя. Как же быть? Решили все-таки дождаться машин.

Они пришли полтора часа спустя после того, как батальон завязал бой и продвинулся более чем на километр. Пробираясь через развалины на звуки боя, мы набрели на очень хороший, просторный, теплый подвал. Я оставила в нем Дусю, сказав, что стану направлять раненых сюда, и пошла искать НП батальона.

* * *

Выбралась на какую-то улицу. Тут и там валяются трупы гитлеровцев, вражеское оружие. Впереди, слева, догорает остов легковой машины, похоже "ганзы"... Обломками путь мой завален несильно. Гремит справа и слева, но сама улица пустынна, спокойна.

Побежала по ней. Добежала до места, где, наверное, прежде был угол. И тут сзади сильно толкнули в спину. Кто-то навалился, подмял, прижал к мостовой. Падая, успела заметить, как прямо передо мной, в метре-другом, пули стремительно выбили из камней осколки, а метрах в пятнадцати впереди одна за другой рванули несколько мин.

Ситуацию разъяснила крепкая брань. Ругался боец, сваливший меня с ног и прикрывший своим телом:

- К фрицам собрались, что ли?! Давайте назад!

Поползли назад. Я первая. Сзади, по-прежнему прикрывая, мой спаситель. Слышно было, как совсем близко щелкают пули.

Заползли за бывший угол, за груду кирпича. Я села на снег. Из-под шапки и подшлемника стекал пот и замерзал на щеках, на ресницах. Я отчаянно оттирала их. Боец присел рядом. Это был немолодой человек с заиндевелыми усами, в грязном маскхалате. Взгляд и суровый и сочувственный:

- Носит же таких курносых... О чем думала?

- Оплошала. Надеялась, там свои.

Один из подобравшихся к нам солдат хмыкнул:

- Там только пули свои.

Неподалеку разорвался снаряд. Резко, пронзительно прозвучали слова команды. Бойцы, только что стоявшие возле меня, исчезли. Исчез и немолодой боец. Я привстала, оглядываясь...

Двое солдат в маскхалатах ползли к тому углу, откуда я только что выбралась. Еще трое перебегали улицу. Кто же из них мой спаситель? Даже фамилию не успела спросить! А теперь поздно. Теперь уже не спросишь и никогда не узнаешь...

И я вдруг со всей остротой осознала, что могла бы сейчас лежать бездыханная на снегу или, хуже того, очутиться среди чужих, озлобленных солдат, а не сидеть в безопасном месте. Сильно-сильно забилось сердце, и жаркая волна благодарности к неизвестному солдату затопила все мое существо.

* * *

Минут через десять нашла капитана Юркина и Макагона.

- Явилась, пропавшая... - сказал Юркин. - Глядите, вон там вход в подвал! Туда временно носят раненых. Идите к ним.

Новый подвал - достаточно глубокий, с мощными кирпичными сводами выглядел надежным. В нем бы и организовать медпункт, да машины подъехать не смогут! А что, если создать здесь временный пункт? Самых тяжелых относить в подвал, где осталась Дуся, а легких оставлять тут. Через несколько часов машины, вероятно, смогут добраться и до этих развалин.

Через санитаров, относивших тяжелораненых в тыл, я передала Рябцевой приказ продолжать эвакуацию, а самой - никуда не двигаться, пока не получит команду перебраться на мое место.

Прошло три или четыре часа, как я обосновалась на временном медпункте. Работала не покладая рук. К счастью, тяжелых оказалось немного, и я могла заниматься ими более или менее спокойно.

Принесли котелок с остывшей кашей. Разогреть негде, ешь так. К тому же хлеб промерз... Но голод не тетка, пообедала как пришлось. И только собралась осмотреть перевязанных бойцов, вбегает с улицы офицер:

- Где доктор?!

Поднялась с чурбачка, на котором сидела, спросила, что случилось.

- Я из противотанкового дивизиона. Ранен на площади командир, майор Рогач. Только что... Он рядом, в соседнем доме. Скорее!

Офицер-артиллерист привел в развалины, где на расстеленной поверх дощатого пола шинели лежал раненый. Стоявшие вокруг офицеры и солдаты расступились. В первое мгновение показалось, что произошла ошибка: это вовсе не Семен Маркович Рогач, бывший комиссар 77-го артполка, знакомый мне еще по формировке, а кто-то другой. Но только в первое мгновение. Невероятно бледное, внезапно резко осунувшееся, словно уменьшившееся в размерах лицо лежавшего человека было все-таки лицом Рогача: его узкие губы, его нос...

Я с трудом нащупала пульс. Он слабел. И никаких признаков дыхания.

- Делайте же что-нибудь! - резко сказали рядом.

Но что можно было сделать? Пока я торопливо расстегивала сумку, отыскивала шприц и ампулу с кофеином, все кончилось. Я сложила сумку, встала, отошла в сторону. К горлу подступил тугой комок. Почему, почему именно он, прошедший с дивизией

такие тяжелые, бои? И почему сейчас, накануне полного разгрома окруженного врага?

Ответа на такие вопросы нет.

* * *

Утром 29 января Отдельный учебный стрелковый батальон и разведрота дивизии, одновременно нанося удар по врагу, стали быстро продвигаться по улице Халтурина. Полки дивизии, использовав этот успех, устремились к центру Сталинграда по Московской улице и улице Гоголя.

Вечером в штаб батальона сообщили по телефону, что подразделения 106-го стрелкового полка пробились к зданию областного драматического театра, а утром 30 января стало известно, что перед 106-м складывает оружие 1-я кавалерийская фашистская румынская дивизия генерала Братеску.

Капитан Юркин жаловался Макагону:

- Видал, замполит? Пенки-то соседи снимают! И названивал в роты:

- Чего ждете? Чтобы у вас из-под носа Паулюса увели? Наступать!..

На следующий день мимо медпункта потянулись в тыл сначала группы, а потом длинные колонны обезоруженных, скукожившихся от холода фашистских танкистов и пехотинцев: сдавались в плен части и подразделения 14-й танковой и 134-й пехотной дивизий врага. Среди пленных оказались командир 14-й танковой дивизии полковник Людвиг и начальник артиллерии 4-го армейского корпуса гитлеровцев генерал-майор Вольф.

В ночь на 31 января Юркин узнал, что подразделения 38-й мотострелковой бригады, введенной в бой из резерва армии, окружили городской универмаг, в подвалах которого засел штаб гитлеровского командования. Комбат немедленно приказал переместить НП к площади.

Предчувствие близкой победы, ощущение, что все будет кончено с часу на час, возникает не случайно. Бои; велись долго, были жестокими, враг сопротивлялся упорно, но мы неуклонно двигались вперед, двигались не останавливаясь. И вот уже не тот огонь встречает роты, что прежде, и уже умолкла фашистская артиллерия. Значит, наступила развязка.

Перед рассветом 31 января я пробралась на НП батальона. Артиллерия всю ночь била, да и под утро продолжала бить по прилегающим к универмагу зданиям. Сам универмаг крупнокалиберными снарядами не обстреливали: Паулюса и его штаб приказано было взять живыми.

Вряд ли кто из гитлеровцев мог уцелеть, находясь на поверхности земли! Все на площади близ универмага было

перекорежено, дымилось и пылало. Если и оставались живые враги, то лишь среди засевших глубоко под землей, в подвалах.

В седьмом часу грохот артиллерии стих. Опадали клубы дыма и пыли. Проглянули сквозь дым руины универмага: они высились над развалинами, как серое надгробье. Я сказала об этом Макагону.

- Похоже, - согласился замполит. - Хорошо бы сюда еще кол осиновый!

Кола не потребовалось. Около 7 часов последовал приказ прекратить огонь: враг выкинул белый флаг, в штаб Паулюса отправились парламентеры. Странная тишина воцарилась в южной части города. Не верилось, что надолго...

Собравшиеся на НП батальона офицеры, передавая из рук в руки бинокль комбата, разглядывали стены универмага. Внезапно оживились:

- Выходят!

На короткое время достался бинокль и мне. Но пока наладила окуляры, пока поймала в поле зрения группу сдавшихся в плен гитлеровских генералов и старших офицеров - их уже подводили к автомобилям, присланным из штаба 64-й армии, увидела лишь спины в голубоватых шинелях. Какая из этих спин принадлежит Паулюсу, разобрать не довелось. Зато по опущенным плечам, даже по походке чувствовалось: к машинам идут сломленные, конченые люди. А вернее, обезоруженные, понимающие, что придется держать ответ.

Бинокль буквально рвали из рук. И я отдала его, понимая, что все хотят видеть позор захватчиков.

В то утро перестала существовать южная группировка окруженного противника. А 2 февраля сложила оружие и северная. И в огромном разрушенном городе вдруг стали слышны скрип колес, ржанье лошадей, людские голоса звуки, от которых уши давно отвыкли. И ходить можно было где угодно, но пригибаясь.

Помню, забралась я на высокую груду кирпича, оглядывая окрестности, испытывая пьянящее чувство полной безопасности.

И вдруг голос комбата:

- Доктор-то наш - погорелец!

Юркин только сейчас заметил, что правая пола моей шинели прожжена.

А случилось это так. Измученная, закоченевшая, вздремнула я однажды в каком-то подвале, только что покинутом солдатами, возле затухающего костерка. При-грелась и не заметила, как угодила в угли. Хорошо, забежали какие-то бойцы, .оттащили от огня, растолкали, помогли затушить тлеющие брюки и шинель...

Брюки я залатала тут же, а вот до шинели руки не доходили, и Юркин наконец заметил это. Теперь он хохотал, потешаясь над моим видом. И все, кто был рядом, веселились. Да и сама я засмеялась: не плакать же в такие дни над прожженной полою!

Глава шестнадцатая.

"Тихие дни"

В ту зиму Сталинград выглядел не городом, а братской могилой зданий, площадей и улиц, засыпанных черным снегом.

Днем 4 февраля среди руин состоялся митинг гражданского населения, собиравшегося в город из-за Волги. Странно было видеть людей в шубах и полушубках, в пальто и ватниках, в разномастных ушанках и платках... Клубился пар от дыхания. С дощатой, на скорую руку сколоченной трибуны кто-то из партийных руководителей города читал текст приветствия воинам-освободителям:

- Из памяти народной никогда не изгладится величие и благородство ваших легендарных подвигов. Наши потомки будут с гордостью и благодарностью вспоминать вас, будут слагать песни и былины о стальных полках и дивизиях славных армий...

Представители этих полков и дивизий стояли тут же: офицерские грязные полушубки, серые шинели, зеленые солдатские ватники, совсем юные и уже немолодые небритые лица донельзя усталых людей...

В городе жилья не было, войска отводили в приволжские хутора и села. Штаб дивизии, штабные подразделения, Отдельный учебный стрелковый батальон расположился в Верхнецарицынской на реке Донская Царица. Станица недосчитывалась многих хат, но поредевшим взводам места хватило.

Медицинский персонал всех частей, стремясь предотвратить возможные инфекционные заболевания, укрепить здоровье воинов и наладить их отдых, энергично взялся за санитарно-профилактические мероприятия: личный состав мыли в банях, стригли, выдавали солдатам и офицерам продезинфицированное белье и обмундирование. Впервые за несколько недель многие побрились.

Днем 5 февраля узнали новость: наша 29-я стрелковая дивизия за отличные боевые действия и массовый героизм бойцов и офицеров преобразована в 72-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Наименования гвардейских и новые номера получили все части дивизии. Двум воинам - гвардии лейтенанту Михееву Владимиру Михайловичу и гвардии старшему сержанту Фефилову Якову Корниловичу - присвоили звание Героя Советского Союза. Командиру дивизии полковнику А. И. Лосеву -

звание генерал-майора. Орденами и медалями наградили более полутора тысяч солдат и офицеров!

На совещании медицинского персонала дивизии начальник санитарной службы военврач II ранга Андреев сказал:

- Во время Сталинградской битвы, дорогие товарищи, вы спасли девять тысяч человеческих жизней. Командование уверено, что воины дивизии могут и впредь полагаться на вас как на каменную стену!

Эта оценка нашей работы взволновала. Аплодиро-вали горячо и дружно. Но, выступая, больше говорили, о промахах, недоработках, чем об успехах.

Повидала я знакомых из медсанбата, из стрелковых полков. Радостно было узнать, что большинство врачей живы, слышать о добрых переменах в судьбах людей: тот повышен в звании, того перевели в армейский госпиталь, тех представили к орденам...

Возвращалась я с совещания в прекрасном настроении. Но едва переступила порог хаты, где мы с Дусей Рябцевой квартировали, она словно ушатом холодной воды окатила:

- Вас срочно к комбату. Связной уже два раза прибегал.

- Не знаешь, что случилось?

- Вроде переводят вас...

* * *

Капитан вместе с замполитом жили через две хаты. Когда я вошла и доложилась, Юркин протянул предписание, полученное из штаба дивизии. В связи с назначением на должность старшего врача 155-го гвардейского артиллерийского полка, мне предлагалось убыть в распоряжение начальника артиллерии дивизии.

Я растерялась. За полгода учебный стрелковый стал близким, родным: всех здесь знала, меня тоже знали.

Да и работа ладилась... Что ждет в артполку, еще неизвестно!

Макагон ободрил:

- Не расстраивайтесь. Ведь артиллеристы - боги войны!

А Юркин добавил:

- Да и полегче там будет. Во всяком случае, женщин у них больше, чем у нас.

Простились тепло. Дуся Рябцева, узнав, что слух о моем переводе подтвердился, расстроилась:

- К вам-то привыкла, а на ваше место наверняка мужика пришлют, да еще неизвестно какого... Нахлебаешься с ним горя!

Долго мы не ложились: все разговаривали, вспоминали...

* * *

В штабе артиллерии я была как приказали - ровно в восемь часов. Командующий артиллерией гвардии подполковник

Николай Павлович Павлов принял меня незамедлительно.

Со времени летних боев он не изменился, только лицо потемнело от стужи и ветра. Усадил, осведомился о здоровье, о семье, поздравил с назначением, предложил сегодня же отправиться в штаб артполка, на хутор Молоканов, вступить в должность.

Набравшись духу, я стала говорить, что незнакома с артиллерией, с организацией медслужбы в таких полках...

Павлов прервал:

- Вопрос решен, товарищ военврач III ранга. Потрудитесь отбыть в полк.

И, когда мы оба встали, добавил помягче:

- А опасения ваши напрасны! Кстати, командир артполка гвардии майор Карпов вас помнит и ждет.

* * *

Шагая с вещевым мешком за плечами на хутор Молоканов, я мысленно снова прощалась с боевыми товарищами из Отдельного учебного, со всем привычным укладом жизни и думала, что начальник артиллерии дивизии преувеличивал, говоря, будто майор Карпов меня помнит.

Я-то его хорошо помнила, потому что видела на КП дивизии под Абганеровом! Слышала даже, что Александр Константинович сражался в рядах Красной Армии на фронтах гражданской войны, участвовал в финской кампании, что награжден в сороковом орденом Красной Звезды... А Карпову откуда меня темнить? Я с ним и не разговаривала ни разу!

* * *

Командир артиллерийского полка дивизии гвардии майор Карпов сухощавый, седеющий офицер - принимал меня в присутствии своего заместителя по строевой части гвардии майора Ивана Устиновича Хроменкова. Тот выглядел лет на десять моложе комполка, был сдержан, смотрел пристально, попыхивал трубкой. Возле стула Хроменкова я заметила массивную палку. Догадалась, что майор ранен и рана толком не зажила.

Карпов осведомился, благополучно ли я добралась, попенял, что не позвонила: сани прислали бы.

- Если не ошибаюсь, мы встречались, - сказал Карпов. - Правильно? Что ж, старых знакомых видеть приятно... Тем более когда про их работу даже дивизионная газета пишет.

Я смутилась, и Карпов сменил тему: спросил, какой институт закончила и когда, где и кем работала после ординатуры. Чувствовалось, ему действительно интересно знать о старшем враче полка как можно больше.

Выразив уверенность, что я быстро освоюсь с новым местом службы и должностью, комполка встал из-за стола:

- Желаю успеха, товарищ военврач! Ваш предшественник - Лев Николаевич Веприцкий - ждет в медпункте. Принимайте дела.

Медпункт артиллерийского полка помещался на краю хутора, в неказистой хате с соломенной крышей. На входной двери кто-то намалевал краской красный крест. Гвардии капитан медицинской службы Веприцкий расхаживал по небольшой комнате, половицы поскрипывали под его валенками.

- А, коллега! - остановился Веприцкий. - Не стесняйтесь, заходите, теперь это ваши апартаменты. Мне приказано нынче же явиться в 222-й гвардейский.

Показав аптеку медпункта, рассказав о наличии медикаментов и перевязочных средств, Веприцкий коротенько охарактеризовал свой "аппарат".

По словам Льва Николаевича младший врач полка А. А. Кязумов был старательным, добросовестным человеком, но никакого врачебного опыта не имел, попал в полк со студенческой скамьи, ему еще предстоит боевое крещение. Фельдшер медпункта полка гвардии младший лейтенант медицинской службы Н. С. Ковышев имел среднее медицинское образование, неплохо зарекомендовал себя в боях за Сталинград. Санинструктор медпункта Татьяна Конева и санитарка Нина Букина - отважные девушки: каждая вынесла с поля боя свыше двадцати раненых, обе награждены медалями. Санитар П. И. Широких со своими обязанностями справляется прекрасно и - это я должна учесть - не пьет: именно ему поручают при переездах хранить спирт и не израсходованную медиками водку.

- Ну-с, пожалуй, все... - подвел черту Веприцкий. - С медицинским персоналом дивизионов и батарей вам лучше познакомиться лично. Все равно будете собственное впечатление составлять! Кстати, верхом ездить умеете?

Вопрос озадачил. В детстве отец сажал меня на рабочую лошадь, но этим мое знакомство с верховой ездой и заканчивалось.

- Придется научиться, - сказал Веприцкий. - В боевой обстановке дивизионы находятся весьма далеко друг от друга: пешком не набегаешься. Да и подтрунивать станут, если не разберетесь, с какой стороны к коню подходить...

На этом простились. Не откладывая дела в долгий ящик, я решила прежде всего познакомиться с персоналом медпункта. Первым пригласила к себе младшего врача полка Кязумова. Вошёл смуглый, среднего роста юноша с погонами старшего

лейтенанта медицинской службы, доложил о прибытии и почему-то густо покраснел. Впоследствии я заметила, что, знакомясь с кем-нибудь, Али Абдулович обязательно краснеет.

Но тут его смущение и меня смутило. Поэтому разговаривала я с Кязумовым сухо. Он, естественно, тоже замкнулся - отвечал односложно, отрывисто и впечатление обо мне вынес, кажется, не самое лучшее. А мне он показался знающим, внутренне чистым человеком. Не беда, что еще не обстрелян!

Военфельдшер Ковышев, плотный, неторопливый, в отличие от Кязумова держался очень спокойно, голос у него оказался низкий, прямо-таки протодьяконовский. Ковышеву исполнилось двадцать лет, закончил он военно-медицинское училище, в артполк прибыл под Сталинградом, свои обязанности знал четко.

За Ковышевым появилась в дверях санинструктор Татьяна Конева. Я знала, что она родилась и выросла в Сталинграде, училась в институте иностранных языков, в армию пошла добровольно вместе с отцом, который служит наводчиком орудия в соседней дивизии. Слышала, что девушка эта очень смела и хороша собой, но не представляла даже, как хороша!

На пороге убогой комнатенки медпункта стояла не санинструктор, а прямо-таки Марья-царевна: высока, стройна, белолица, пепельные косы уложены короной, сияющие глаза исполнены немыслимого женского лукавства. Чувствовалось, Таня сознает свою красоту, но воспринимает ее как естественное свойство юности, и если радуется ей, то совершенно так, как радуются ясному утру или звонкому пению птиц. Девушка лучилась благородством.

Точно так же излучала чистоту и благородство семнадцатилетняя хрупкая санитарка Нина Букина. Не такая яркая, как Таня, она пленяла широко распахнутыми добрыми голубыми глазами, гладко причесанной русой головкой, мягкостью движений.

Впервые увидев Нину, я подумала, что эта девочка, прошедшая через ад сталинградских боев, сохранила великую детскую веру в красоту человеческой души и собственное бессмертие. Я не ошиблась. Нам пришлось жить среди очень разных людей: встречались, конечно, всякие! Но грязь бытия словно не осмеливалась касаться Нины. Мне открылись и ее деликатность, и ее женственность. Однако не стану забегать вперед.

Решив ускорить знакомство с медицинским персоналом дивизионов и батарей, а заодно обсудить сразу со всеми товарищами вопросы повседневной работы, я приказала Кязумову известить медицинский персонал полка, что завтра в 15 часов

состоится общее совещание.

Он как-то странно улыбнулся и покосился на присутствующую в комнате Коневу.

- Не вижу причин для веселья, - заметила я. Конева одернула гимнастерку.

- Извините, товарищ военврач! Можно сказать?

- В чем дело?

- Да у нас в полку командиры дивизионов и батарей считают, что медицинские работники подразделений подчинены только им. Лев Николаевич сколько вызывал людей в медпункт, а их не отпускают, и все... Вот увидите: завтра никого из подразделений на совещании не будет.

К сожалению, Таня оказалась права. В назначенное время никто из фельдшеров и санинструкторов дивизионов и батарей на совещание не прибыл.

Направилась к майору Хроменкову: самого командира полка беспокоить не решилась. Кроме того, Иван Устинович пользовался репутацией очень справедливого человека, с глубоким уважением относящегося к женщинам, служащим в армии.

Хременков, попыхивая трубочкой, осведомился, что случилось. Я доложила о сорванном совещании медицинского персонала. Прибавила, что, по слухам, командиры дивизионов и батарей вообще не желают считаться с указаниями старшего врача полка по медицинским вопросам.

- При подобном отношении мне трудно будет выполнять свои служебные обязанности, - волнуясь, сказала я.

Иван Устинович слушал, ничем не выдавая мыслей и чувств. Потом спокойно, ровным голосом приказал дежурному офицеру:

- Командиров дивизионов и батарей ко мне. Я встала, полагая, что лучше уйти. Хроменков указал трубочкой на стул:

- Останьтесь. Ваше присутствие необходимо.

Не подчиниться я не могла и села, хотя все во мне противилось такому повороту событий: хочет того заместитель командира полка или не хочет, но я предстану перед незнакомыми людьми в роли жалобщицы. Чего доброго кляузницей сочтут!

Стали собираться приглашенные офицеры. Пришел мой давний знакомый, широкоплечий, круглолицый командир 1-го дивизиона гвардии капитан Николай Иванович Савченко. Пришел невысокий и оттого державшийся очень прямо, рыжеватый, с оспинами на насмешливом лице командир 2-го дивизиона гвардии капитан Александр Сергеевич Михайловский. Смуглый, черноволосый, мрачноватый командир 3-го дивизиона гвардии

старший лейтенант Леонид Иванович Почекутов. С ними командиры батарей: гвардии старшие лейтенанты Горбатовский, Киселев, Тронь, Иванов, Андреев, Пешков, Сабодаж, Лысоконь, Ярошенко. Все молодые, энергичные, уверенные в себе. У всех на гимнастерках позвякивают ордена и медали. Докладывая о прибытии, каждый косился на меня, переглядывался с товарищами: это, мол, что за явление?..

Сижу, внутренне напряженная, щеки, похоже, сделались пунцовыми. Но ничего поделать с волнением не могу. И слышу по-прежнему спокойный голос Ивана Устиновича:

- Товарищи офицеры, я пригласил вас, чтобы представить нового старшего врача нашего полка. Тем, кто не знает, сообщаю: Галина Даниловна прошла с дивизией весь ее путь, участвовала во всех боях, награждена орденом Красной Звезды. К нам прибыла с должности врача Отдельного учебного стрелкового батальона.

Я вынуждена поднять глаза, оглядеть собравшихся. И вижу добродушные, приветливые лица, ободряющие взгляды. Будут ли они такими же через минуту-другую?

Хроменков продолжает:

- Командование предъявляет к старшему врачу высокие требования. Поэтому хочу предупредить, товарищи офицеры: за невыполнение указаний старшего врача по медицинским вопросам буду взыскивать так же строго, как за невыполнение моих собственных. Мысль ясна?

- Ясна! - нестройно, но весело отвечают офицеры.

- Вот и прекрасно, - подводит черту Хроменков. - Теперь вы знакомы, желаю быстрее найти общий язык. Все свободны.

Я задержалась в комнате, чтобы поблагодарить Ивана Устиновича. Он пожал плечами:

- А вы как поступили бы?

Командиры дивизионов, стоя на крыльце, закуривали.

- За вчерашнее не обижайтесь, доктор, - обезоруживая белозубой улыбкой, извинился за всех Савченко. - Мы ж не знали о переменах, а Лев Николаевич - надо и не надо - людей дергал. На будущее ручаемся: недоразумений не возникнет.

- Буду рада. И сразу же попрошу завтра утром, к девяти, прислать на полковой медпункт военфельдшеров.

- Пришлем, пришлем!..

На следующий день первой явилась военфельдшер дивизиона Савченко гвардии лейтенант медицинской службы Маргарита Михайловна Максимюкова, крепкая, среднего роста двадцатилетняя девушка. Округлое русское лицо, внимательные серые глаза, спокойные, плавные движения.

Вместе прибыли военфельдшер 2-го дивизиона гвардии лейтенант медицинской службы Е. И. Мелентьев, русый, румяный, широкоплечий, с туго перехваченной командирским ремнем тонкой талией, и военфельдшер 3-го дивизиона гвардии лейтенант медицинской службы И. А. Сайфулин, смуглый, черноволосый татарин с подвижным скуластым лицом и быстрыми карими глазами. Военфельдшеры дивизионов хорошо знали друг друга, между ними установились и, видимо, давно! - товарищеские отношения.

К Максимюковой мужчины относились особенно тепло, иначе, как Риточкой, не называли, и чувствовалась в том, как произносят они это ласковое уменьшительное имя, глубокая нежность к человеку, прошедшему сталинградское пекло.

Из беседы с военфельдшером я узнала, что санинструкторов в полку мало. Помню, назвали имена санинструктора 1-й батареи гвардии рядового П. И. Пинаева, восемнадцатилетнего солдата, про мужество которого дивизионная газета писала еще во время боев под Абганеровом и на Аксае, санинструктора 5-й батареи гвардии рядовой Н. А. Агеевой, сталинградской девушки, спасшей жизнь семнадцати артиллеристам, тоже сталинградки, вынесшей из-под огня офицера и пятнадцать бойцов.

Я приказала подобрать подходящих для роли санинструкторов бойцов, согласовать их кандидатуры с командирами батарей, дивизионов и немедленно приступить к подготовке санитаров. Решила, что этим займусь сама. Условились также, что прочитаю военфельдшерам несколько лекций по военной медицине.

Санитар медпункта Широких спросил:

- А можно на лекции нам с Реутовым?

Широких - человек расторопный, смекалистый, из тех солдат, что позаботятся о командире без подхалимства, необходимое достанут из-под земли, никогда не подведут, еще и выручат.

Я, конечно, разрешила ему и повозочному Реутову приходить на занятия. Однако степенный, рыжеусый, лысеющий Реутов постигать медицину не захотел:

- Куда мне на пятом десятке, товарищ военврач? С конями забот хватает! Ослобоните...

Глава семнадцатая.

Новые рубежи

Под Сталинградом дивизия находилась до середины марта. Пополнения не получали, не довооружались, прошел слух, будто нас отведут в глубокий тыл. Тем не менее боевая учеба продолжалась. Мы в артполку подобрали трех кандидатов в санинструкторы, а бойцов обучали оказанию первой помощи.

Капитан Юркин оказался прав: в артиллерийском полку служило немало женщин. О девушках-медичках - двадцатилетней Тане Коневой, ее ровеснице Рите Максимюковой, семнадцатилетней Нине Букиной и двадцатилетней Клаве Герасимовой - я упоминала.

Но, кроме медичек, в полку имелись радистки, в штабе работала машинистка, были и телефонистки. Например в 1-м дивизионе Саша Бриченко, во 2-м - Маша Абакумова и Тоня Брюханова, в 3-м - Таня Хмырева, в штабной батарее - Лена Самохина. За бои в Сталинграде все они были награждены медалями.

На хуторе Молоканове у нас появилось свободное время. Теперь я часто писала в Джезказган: за месяц отправила столько писем, сколько не отправила за минувшие полгода! В ответ же получила всего два. Отец извещал, что болеет, что устроил моего сынишку в детский сад. О состояния здоровья отца говорили и неровные строчки...

Лишь два события вышли в ту пору за рамки обычного. У гвардии подполковника Карпова случился приступ стенокардии, о чем я сообщила в очередном рапорте начальнику санитарной службы дивизии, а у гвардии майора Хроменкова загноилась рана на голени, и пришлось ему отправиться в медсанбат, где майор пробыл две недели.

Обязанности Хроменкова временно исполнял начальник штаба артиллерийского полка гвардии капитан Юрий Яковлевич Чередниченко, двадцатипятилетний офицер легендарной храбрости - под Абганеровом он вынес из окружения знамя полка.

Все понимали: спокойная тыловая жизнь долго не продлится. Что-то должно произойти. И не ошиблись, конечно. Если весь февраль сводки Совинформбюро сообщали об успешных наступательных боях наших войск на Ленинградском, Воронежском и Харьковском направлениях, то в начале марта радио передало, что войска Юго-Западного фронта, нанеся противнику большой урон в живой силе и технике, вынуждены были на ряде участков отойти за реку Северский Донец.

А числа двенадцатого, если не ошибаюсь, командир полка собрал офицеров на совещание, и проинформировал, что наша 7-я гвардейская армия включена в состав войск Воронежского фронта, и предупредил, что вскоре предстоит передислокация. Дни полетели - только успевай поворачиваться!

Первые эшелоны с подразделениями 222-го гвардейского стрелкового полка и частью штаба дивизии отбыли к новому месту дислокации в середине марта. Артиллерийский полк двинулся на погрузку в последних числах месяца.

Эшелон подали в степь. Погода стояла ясная, вдали угадывались разрушенные строения Сталинграда. Все часто поглядывали в сторону города, где оставили стольких дорогих сердцу товарищей. Я мысленно поклялась, что обязательно вернусь сюда, если буду жива.

Тревожно гудит паровоз, стучат колеса теплушек, свистит в щелястых стенах ветер. Едем медленно: отступая, гитлеровцы угнали подвижной состав, разрушили пути, стрелки, водокачки. Вдоль дороги, пропуская эшелон, стоят закутанные кто во что ремонтники - в основном женщины и подростки. По всей степи видны разбитые фашистские грузовики, сожженные танки, брошенные противником при бегстве пушки, повозки: видно, ни о чем другом, кроме как о спасении собственной шкуры, гитлеровцы не думали!

В первых числах апреля эшелон прибывает в Валуйки. Здесь приказывают выгружаться.

Ясный весенний день. С опаской поглядывая в высокое сине-золотое небо, люди торопятся скатить на землю орудия, автомобили, повозки, свести лошадей, выгрузить полковое имущество и фураж, поскорее покинуть железнодорожный узел.

Штаб сосредоточивается в небольшом лесочке неподалеку от станции. Под ногами хлюпает, чавкает, расползается. Связной зовет к командиру полка. Гвардии подполковник Карпов стоит возле "виллиса", окруженный командирами дивизионов. Тут же Хроменков и Чередниченко, который вручает каждому новую карту. На ней широкая голубая лента Северского Донца, заштрихованные многоугольнички прижавшихся к реке населенных пунктов, незнакомые названия: Карнауховка, Маслова Пристань, Приютовка, Безлюдовка.

- Район сосредоточения находится в сорока километрах юго-восточнее Белгорода, - говорит Карпов. - Стрелковые полки уже вступили в бой, ликвидировали вражеский плацдарм около Масловой Пристани, отбросили противника за Северский Донец. Нам предстоит стокилометровый марш. Выступаем немедленно.

Командир полка определил порядок следования подразделений к Северскому Донцу. Медпункту приказал двигаться со вторым дивизионом.

Из сводок Совинформбюро личный состав полка знал: противнику после ожесточенных боев удалось овладеть Харьковом и Белгородом. Мы догадывались, что нашу армию бросили на "горячий" участок.

Теперь известно: выдвижение войск 7-й гвардейской армии к Северскому Донцу, в полосе между Волочанском и Чугуевом, преследовало цель не только остановить наступление

противника, но и отбросить его за реку, не позволить гитлеровцам срезать так называемый "Курский выступ" на линии советско-германского фронта.

Сто с небольшим километров до райцентра Шебекино и Шебекинского леса, где следовало развернуть полк, двигались почти трое суток: дороги развезло, поля и луга раскисли, поэтому 'под колеса тягачей, грузовиков, повозок бросали нарубленные в окрестных перелесках молодые деревца, хворост, лапник. Выли моторы, метались в постромках лошади, офицеры и солдаты наваливались плечами на борта грузовиков, задки повозок, багровели:

- Р-р-раз, два... взяли!

Во встречных селах нам радуются. Хозяйки тут же растапливают печи, варят щи, картошку, угощают молоком и яйцами. Смотрят жалостливо, но с великой надеждой.

Первый налет фашистской авиации - днем 4 апреля. Прикрытые несколькими "мессерами", вражеские бомбардировщики появляются со стороны солнца неожиданно, но привычную "карусель" не выстраивают, торопятся освободиться от бомб, нанести серьезный урон не успевают.

Причину фашистской торопливости понимаем скоро: так же неожиданно со стороны солнца сваливаются на врага наши истребители. Они сковывают "мессеры", настигают бомбардировщики и немедленно сбивают один из них: тот падает за недалеким лесом. Слышен взрыв, виден черный столб дыма. Все кричат "ура!". Я кричу вместе со всеми. Это первый обитый на моих глазах вражеский самолет. Добрая, очень добрая примета!

На рассвете следующего дня, совершив ночной марш, артиллерийский полк достиг конечного пункта маршрута - Шебекинского леса.

* * *

. К юго-востоку от Белгорода на картах тянутся две тонкие линии: голубая - Северский Донец, и черная - железная дорога, ведущая от Белгорода к Купянску. До реки Нижеголь, впадающей в Северский Донец чуть выше Новой Таволжанки, голубая и черная линии близки и параллельны друг другу. Здесь, где река с железной дорогой неразлучны, и проходила полоса обороны 72-й гвардейской стрелковой дивизии, имевшая 15 километров по фронту.

Перед окопами находившихся в первом эшелоне 229-го и 224-го гвардейских полков тянулась пойма низ-медного левого берега, поблескивал вскрывшийся Северский Донец, а за ним полого поднимался к недалеким, поросшим кустарниками и лесом меловым холмам правый, западный берег, занятый

противником.

Красив он был, этот берег! Особенно по утрам, залитый медом солнца... Но с меловых холмов хорошо просматривалась наша оборона, особенно на правом, безлесном, фланге дивизии, где между Нижним Ольшанцем и Приютовкой окопался 229-й гвардейский стрелковый полк. Да и на левом не лучше было: Шебекинский лес и роща Круглая, зеленевшая между Приютовкой и Безлюдовкой, прикрывали только подходы к переднему краю 224-го стрелкового.

Штаб 155-го гвардейского артиллерийского полка, разместившийся сразу по прибытии на Северский Донец вблизи хутора Ржавец, вскоре перебрался в узкую, заросшую лесом балку Чураевскую. Медпункт, как и полагается, расположился вблизи штаба: от наших землянок до землянок командования метров сто - сто двадцать, не больше.

Наученные опытом, батарейцы первым делом взялись за устройство орудийных двориков, рытье глубоких щелей, сооружение надежных землянок с бревенчатыми перекрытиями. Радовались, что леса много - бери не хочу! Причину этой радости, равно как несостоятельность предположения капитана Юркина, что в артполку служба, возможно, окажется полегче, я осознала очень скоро: не успели мы обвыкнуть на новом месте, как артиллерия дивизии вступила в дело, стремясь прежде всего подавить артиллерию и минометы врага.

Начались жестокие дуэли с гитлеровцами, сразу же появились убитые и раненые. Не оборудуй дивизионы свои позиции как следует, потери могли быть очень большими. Но в полку твердо помнили: на передовой выживает лишь тот, кто глубоко зарылся в землю. А земля была мягкая, податливая - не чета сталинградской, которую приходилось долбить кирками!

На медпункте поначалу отрыли три землянки: одну для Кязумова, Ковышева, Широких и Реутова, вторую для меня, Тани Коневой и Нины Букиной, третью для раненых. Реутов соорудил коновязь. Устроив медпункт, стали знакомиться с расположением командных и наблюдательных пунктов дивизионов, с огневыми позициями батарей.

Начался прием пополнения. Новичков следовало подвергнуть санитарной обработке, их обмундирование и белье - продезинфицировать. Бани на скорую руку устраивали в шалашах, "парикмахерскими креслами" служили лесные пни, жарокамеры сооружали из бензиновых бочек. Температурный режим в них, разумеется, устанавливался на глазок. Поначалу в одной из батарей вместе с паразитами сожгли солдатское белье. Но позже научились обходиться без "потерь".

Мы с Кязумовым обследовали находившиеся в расположении части колодцы, взяли пробы воды, отправили их на лабораторный анализ в медсанбат. Вода оказалась годной для питья.

Пешие походы утомляли страшно! По кривым лесным дорогам до КП любого дивизиона километров пять-шесть. От этих КП до батарей - еще столько же, если не больше. Да обратно километров восемь-десять. Вот и получается, что ты весь день на ногах. Хорошо, что к тому времени я уже научилась держаться в седле, а выделенная медпункту строевая кобыла Ласточка привыкла к новому седоку: поездки верхом облегчали мне работу, экономили много времени.

Самое знаменательное, самое яркое событие тех дней - посещение дивизии командующим 7-й гвардейской армией генерал-лейтенантом Михаилом Степановичем Шумиловым, вручение ей гвардейского знамени. Произошло это 23 апреля в селе Крапивном, где находился командный пункт дивизии.

На митинг собрались представители всех частей. От 155-го гвардейского артиллерийского полка присутствовали командир полка подполковник Карпов, его заместитель по политической части майор Харченко, командир 1-го дивизиона капитан Савченко, один из героев Сталинградской битвы, наводчик орудия сержант Байзатулла Тасыбаев, еще несколько сержантов и солдат-орденоносцев. Возвратились они в полк взволнованные, с новыми наградами за Сталинград, только что догнавшими их. Савченко - с орденом Ленина.

Через два дня, 26 апреля, 155-му гвардейскому артиллерийскому полку вручили орден Красного Знамени. Прикрепил его к бархатному полотнищу полкового знамени начальник артиллерии дивизии полковник Павлов. Подполковник Карпов поблагодарил командование за высокую награду от имени воинов полка. Александр Константинович обратился к участникам митинга с призывом множить боевую славу части, бить врага без пощады, умело, побеждая малой кровью.

Это была последняя речь Карпова, адресованная воинам полка: через два дня он получил назначение на должность начальника армейского центра подготовки артиллеристов и простился с нами. Принял полк гвардии майор И. М. Ресенчук - полноватый, молчаливый.

Так закончился первый месяц нашего пребывания на Северском Донце.

Глава восемнадцатая.

Накануне

Шумел теплым ветром май, подсыхали тропочки и дороги, буйно поднималась трава. В чистом высоком небе зависала "рама"

- вражеский самолет-разведчик. Днем в полосе обороны дивизии все замирало: инженерные работы, движение транспорта, переброска людей к передовой производились только в ночное время.

Артиллерийский полк получил новые пушки и орудия. В начале мая штаб провел сборы командного состава. Занятия вел майор Хроменков. От всех строевых офицеров и политических работников он добивался умения организовать огонь, действовать и в качестве наводчика, и в качестве командира орудия. Тренировал людей в пристрелке и поражении целей, особенно при стрельбе прямой наводкой.

Меня на сборы пригласили из вежливости, но я не упустила случая познакомиться с новым вооружением полка, с организацией и ведением огня. Контролирующий сборы начальник артиллерии дивизии полковник Павлов, обнаружив меня среди офицеров, ведущих огонь по "прорвавшимся танкам врага", приподнял брови, но ничего не сказал.

По правде сказать, медицинским работникам полка и своих дел хватало! В ту пору пришлось не столько оказывать помощь раненым, сколько лечить людей, главным образом старослужащих. Сражаясь за Сталинград, ветераны питались нерегулярно, по суткам оставались без пищи вообще. Но даже в обычном солдатском пайке - в пшенной каше, сушеном картофеле и свиной тушенке витаминов, кислот, глюкозы, кальция, всяких микроэлементов очень мало или попросту нет.

А тут развезло дороги, низины превратились в реки и болота, движение автотранспорта с десятых чисел апреля почти прекратилось, гужевой транспорт передвигался с трудом, да и грузоподъемность его была невелика. Так что опять начались перебои с доставкой продовольствия. Весной же человеческий организм особенно чуток к недостаче в питании.

В конце апреля, осматривая офицеров и солдат 3-го дивизиона, я обнаружила, что у некоторых кровоточат десны, а кое-кто жалуется на боли в мышцах ног.

Днем позже лейтенант медицинской службы Мелентьев привез на полковой медпункт рядового А. И. Иванова, разведчика 2-го дивизиона. Тот смущенно жаловался на "чертовщину". Чуть стемнеет - ему хоть от землянки не отходи: все вдруг исчезает, приходится брести, шаря руками в воздухе, чтоб на дерево на наткнуться. Товарищи смеются, а старшина бранит!..

У Иванова была типичная "куриная слепота". Кровоточащие же десны и боли в мышцах ног яснее ясного говорили, что во 2-м дивизионе цинга.

Разумеется, я немедленно сообщила о случаях заболевания

цингой и "куриной слепотой" начальнику санитарной службы дивизии и, не дожидаясь указаний, приняла необходимые, единственно возможные в тогдашних условиях меры: приказала военфельдшерам и санинструкторам собирать молодые побеги с еловых лап и, заваривая их в бочках, поить отваром личный состав дивизионов.

Там, где не нашлось бочек, делали настой в термосах. Напиток этот горек, отдает скипидаром, на вкус малоприятен, но содержит большое количество витамина С и является не только профилактическим, но и целебным средством.

Наш комдив издал приказ, обязывающий командиров частей и подразделений, службы тыла и прежде всего медицинский персонал, помимо приготовления хвойного настоя, организовать сбор полезных человеческому организму дикорастущих.

В мае в Шебекинском лесу мы обнаружили молодую крапиву, дикий лук и чеснок, колоссальное количество листьев одуванчика. При сборе этих растений, при их заготовке впрок и приготовлении добавок к солдатскому питанию отличались Рита Максимюкова, санинструктор 5-й батареи А. Е. Павлов, санинструктор 6-й батареи В. И. Зайцев, неутомимый санинструктор 7-й батареи Клава Герасимова. О ней и Павлове хочется говорить самыми теплыми словами.

...Маленькая курносенькая Клава постоянно была занята какой-нибудь работой, постоянно что-то тихонько напевала, походила на трудолюбивую пчелку. Подлинная хозяйка на батарее, она то обмундирование солдатам штопала, то носовые платки стирала и подворотнички пришивала, то стригла кого-нибудь, то хлопотала об очередной бане. Заботясь о Клаве, батарейцы вырыли для нее отдельную глубокую землянку, сделали перекрытие в три наката. Очень они любили и уважали эту девушку.

Не меньше уважали в 5-й батарее санинструктора Павлова. Подносчик снарядов, он прибыл в полк уже на Северском Донце. Люди старшего возраста встречались среди артиллеристов нечасто - так же, как и среди разведчиков. Павлову же перевалило за сорок. По фронтовым меркам - старик. Но этот высокий, худощавый "старик" выделялся среди молодежи строевой выправкой, опрятностью, постоянной готовностью к действию.

Светлые, прямые, коротко подстриженные волосы санинструктора серебрились на висках, но белоснежный подворотничок облегал такую крепкую, мускулистую шею, какой мог бы позавидовать борец. У него были большие руки пахаря, неторопливые движения и внимательный взгляд человека, не любящего поступать наобум, надеяться на авось.

Присланный на медпункт полка для обучения, Павлов сразу обратил на себя внимание деловитостью, дотошностью, старательной учебой. На батарее его называли "отцом". И не только потому, что по возрасту он многим годился в отцы, но главным образом из-за участливого, заботливого отношения к людям.

Так вот, Павлов собирал в лесу не только лук, чеснок, молодую крапиву, и щавель, но и - чего не умели другие - сморчки и строчки. На 5-й батарее постоянно варили собственные зеленые щи, а то и суп с грибками. На "павловское угощение" любил приезжать командир дивизиона Почекутов. Приносил санинструктор грибы и на медпункт. От солдат мы узнали, что Павлов - колхозник, что у него много детей. Привычка постоянно о ком-то заботиться, видно, стала у него частью натуры.

В десятых числах мая я ходатайствовала перед командиром артиллерийского полка майором Ресенчуком о награждении санинструктора Павлова медалью "За боевые заслуги". Это ходатайство удовлетворили. Гвардии рядовой Павлов медаль получил. Правда, смущенно говорил потом, что неловко ему, что в полку он без году неделя... Но медаль носил с гордостью. Я написала жене и детям Павлова, рассказала, каким уважением у однополчан пользуется их муж и отец.

К концу мая усилиями медицинского персонала дивизии стали выздоравливать заболевшие цингой, "куриная слепота" тоже исчезла, на лицах людей заиграл румянец. Благополучно обстояло дело и в артиллерийском полку.

А вот меня в те дни подкараулило горе: московский райвоенкомат известил, что мой муж погиб в боях за Ленинград смертью храбрых еще 2 мая 1942 года. Помню, я ушла в лес, легла ничком на мох и все рвала его и отбрасывала. И снова рвала...

* * *

Заканчивался второй месяц нашего пребывания в обороне. Навещая дивизионы и батареи, медперсонал видел, какая напряженная работа ведется с пополнением: ветераны опекали молодежь, помогали ей освоиться во фронтовой обстановке, рассказывали о боевом пути артполка, о его героях.

Расчеты тренировались в ведении огня по движущимся целям, учились поражать танки и самоходки врага с первого выстрела, отрабатывали взаимозаменяемость номеров. Упорно, тщательно обучали бойцов умению поддерживать сосредоточенным, массированным огнем действия собственных танков и пехоты, сопровождать огнем бой пехоты и танков в глубине вражеской обороны. И это при постоянном огневом

противоборстве с батареями гитлеровцев, с их шестиствольными минометами!

Артиллеристы-разведчики неотрывно всматривались во вражескую оборону. Каждое, даже незначительное изменение в рельефе местности на западном берегу Северского Донца, в окраске растительности на хорошо изученном участке, изменение режима движения фашистского транспорта, появление новой огневой точки - все тотчас фиксировалось, заносилось в журналы наблюдений, донесениями сообщалось в штаб полка.

Начальник разведки артполка гвардии старший лейтенант Н. И. Попов, высокий, с отменной выправкой офицер, обладал невероятным терпением. Придешь, бывало, на наблюдательный пункт полка, в рощу между Масловой Пристанью и Безлюдовкой, - Николай Иванович непременно занят: сидит на дощатой площадке, сооруженной среди раскидистых ветвей могучего дерева, и следит в стереотрубу за "районами особого внимания" в глубине вражеской обороны. То есть за районами, находящимися на направлениях предполагаемого фашистского удара. Так он мог просидеть на своем "насесте", шутили мы, целые сутки!

Попова, как, впрочем, и других разведчиков артполка, ценили высоко и уважали чрезвычайно. Это не удивительно: они были глазами полка, и глазами очень зоркими. По их данным - учитывая, разумеется, сообщения артиллеристов стрелковых полков и общевойсковой разведки, - организовались мощные огневые налеты на оборонительные рубежи противника, на скопления вражеской техники, на позиции фашистских минометчиков и артиллеристов, на штабы и склады врага. Налеты, как правило, были весьма результативными.

Гитлеровцы отвечали огнем на огонь, обрушивали на рощи восточного берега и на Шебекинский лес десятки снарядов и крупнокалиберных мин. Пытались они обнаружить наши батареи с воздуха и бомбить их. Но при появлении фашистских бомбардировщиков начинали яростно бить все средства ПВО, сваливались на "юнкерсы" и "хейнкели" наши новые истребители - ЛаГГи и Яки. Воздушные бои нередко разыгрывались над полосой обороны дивизии.

Случалось, враг повреждал наши самолеты. Но не сбил ни одного! А сам нес большие потери. Чувствовалось: время господства фашистской авиации миновало, наступает время нашей.

Это улучшало настроение, и без того, признаться, неплохое. Ведь хоть и рвались вражеские снаряды и бомбы на левом берегу Северского Донца, хоть и трудно приходилось стрелкам и саперам, зарывавшимся в землю, возводившим новые огневые

точки, ставящим минные поля и проволочные заграждения, хоть и черны от пота были гимнастерки артиллеристов, а все же нынешний ратный труд не шел ни в какое сравнение со сталинградской страдой.

Ветеранам же оборона вообще представлялась передышкой! Да, по правде сказать, и время свободное тогда выкраивать удавалось: люди могли и домой написать, и друзей повидать, и поговорить с ними по душам, без спешки...

Однажды в балке Чураевской (кажется, в Первомай) устроили концерт. Таня Конева и Клава Герасимова пели дуэтом, и Таня с разрешения майора Ресенчука даже надела для выступления черное платье, которое, оказывается, возила с собой. Ах, какой восторг оно вызвало... Какие воспоминания о мирных днях навеяло... И как чудесно пели девушки! Но в дивизии и другие таланты имелись.

...Как-то, разыскивая новый наблюдательный пункт 1-го дивизиона, вышли мы с Таней Коневой к блиндажу санитарной роты 229-го гвардейского стрелкового полка. Вечерело. Вдали изредка раскатывали дробь пулеметы, а из блиндажа доносились звуки гитары и скрипки, сопровождающие тоскующий тенор старшего врача полка Василия Ивановича Агапонова. "...Очи черные, очи страстные, очи жгучие..." - пел он.

Я, конечно, сразу узнала и голос и гитару, но вот кто был скрипачом? Приподняла край плащ-палатки, заменяющей дверь:

- Можно?

Струнный дуэт оборвался.

- Галина Даниловна... Проходите, здравствуйте! Да вы не одна... поднявшись с нар и положив гитару, весело заговорил Агапонов. - Давно не видел вас, давно!

Посредине блиндажа стоял молоденький, черноволосый, смуглолицый военврач III ранга, державший в одной руке скрипку, а в другой смычок. Большие бархатистые глаза смотрели приветливо, взгляд их перебегал с меня на Таню и обратно.

- Рекомендую: врач санитарной роты, гвардии лейтенант Чингис Максудович Гаджиев! - назвал товарища Агапонов. - А кто ваша прекрасная спутница?

Я представила Таню и спросила, не знают ли они, куда перебрался НП 1-го дивизиона.

- Знаем, - сказал Агапонов. - Но не скажем, пока не отопьете чаю, пока не споете с нами.

На наблюдательные пункты ходить полагалось затемно, чтобы лишний раз их не демаскировать. Поэтому обижать врачей отказом от чаепития не имело смысла. Агапонов тотчас поставил чайник, а я спросила Гаджиева, давно ли он в полку. Оказалось,

недавно.

- А знаете, мы с ним и раньше встречались. Вернее, почти встретились! - пошутил Агапонов. - Я из Москвы в Сталинград команду врачей вез. Так вот, в соседнем вагоне кто-то постоянно играл на скрипке. Кто бы это мог быть, думаю? Обязательно на следующей остановке зайду и познакомлюсь. Но на остановках я только тем и занимался, что продукты своему воинству добывал. Так и не зашел в соседний вагон... А недавно этот молодой человек появляется здесь. Начинаем вспоминать, как и когда каждый из нас попал в Сталинград, и выясняется, что оба в одном эшелоне катили. И он мою гитару слышал! Нет, что ни говорите, судьба всегда сведет музыканта с музыкантом...

Вскипел чай, появились сухари и сахар. Потом мы вместе пели русские старинные песни, романсы и ушли от гостеприимных хозяев только в десятом часу. Гаджиев провожал нас до НП дивизиона...

Не торопилась я возвращаться в полк и посещая по делам службы медсанбат. Его развернули в школе и палатках на окраине села Крапивного, на восточной опушке Шебеюинского леса, под боком у штаба дивизии. Напряжение в медсанбате спало, хотя раненые имелись, а число терапевтических больных по сравнению с периодом тяжелых боев, естественно, возросло: обычные болезни напоминают о себе при первом же затишье.

По этому поводу хирург Нина Михайловна Сизикова как-то заметила:

- Больные - это прекрасно. Недавно оперировала язвенника. Так приятно было! Не пулю, не осколок извлекаешь, не конечность ампутируешь, а делаешь нормальную операцию...

В медсанбате произошли некоторые перемены. Вместо майора Борисова, назначенного на должность начальника санитарной службы дивизии, теперь командовал совершенно незнакомый мне майор Ф. Д. Телешман. Появились новый хирург Н. Н. Пинскер, несколько новых медсестер и санитаров.

Мое внимание привлекла прежде всего Нина Наумовна Пинскер: она была такого же росточка, что и я. Не приходилось сомневаться, что с ростом в 151 сантиметр у хирурга были трудности и при отправлении в действующую армию, и в самой армии. Я по себе знала, что значит быть маленькой: все считают тебя слабосильной, никчемной. Во всяком случае, чтобы добиться направления на фронт, мне, например, пришлось обращаться в Карагандинский обком партии. Интересно, а как у Нины Наумовны было?

Дуся Шумилина, посмеиваясь, по секрету сообщила, что ведущий хирург медсанбата Гусаков, впервые увидев Пинскер,

побагровел и стал кричать, что не позволит устраивать из операционно-перевязочного детский сад, что ему не нужны хирурги, не способные дотянуться до операционного стола, что скамеечек для таких не приготовили! Он тут же написал рапорт с требованием отчислить новенькую и побежал к Борисову.

Как там было у Борисова - неизвестно, но вернулся Гусаков столь же решительно настроенным против Нины Наумовны. Однако должен был устроить ей экзамен. Подвел новенькую к операционному столу, где лежал больной с нагноившимся коленным суставом, и приказал сделать все необходимое. Под недоверчивым взглядом ведущего хирурга Нина Наумовна осмотрела больного и уверенно произвела нужную операцию.

Тут Гусаков опять побежал к Борисову. Но на этот раз забирать свой рапорт обратно. А Нине Наумовне распорядился сделать скамеечку. Впоследствии Гусаков доверял Линскер не только ампутации, но и зашивание открытых пневмотороксов, рассечение гангренозных конечностей для последующего лечения...

* * *

От той же Дуси я узнала, что Михаил Осипович Гусаков и Женя Капустянская, хирург Милов и медсестра Саша Конькова стали супругами, что неразлучны, как прежде, гвардии лейтенант Толупенко и Машенька Коцина... Относительная "тишина" обороны, возможность видеть в окружающих не только исполнителей тех или иных функций, а обычных мужчин и женщин и, конечно же, могучие силы весны, теплый, томительный весенний воздух, разлитое в нем ожидание счастья, обещание чего-то нового не могли не влиять на людей, особенно на молодежь.

Я, например, заметила, что военфельдшер 1-го дивизиона Рита Максимюкова, как только появляется возможность, оказывается на огневых позициях 4-й батареи, а командир 4-й батареи старший лейтенант Ваня Горбатовский частенько привязывает коня возле медпункта 1-го дивизиона. Видела, что шепчутся о чем-то мои девчонки - Таня Конева и Нина Букина. Видела, что ищут их общества многие офицеры и бойцы полка.

Отчего-то за Нину я была спокойнее, чем за Таню: Нина держалась с мужчинами строже, замкнутей, а Таня готова была смеяться и шутить со всеми. Беспокоилась я за Коневу, но жизнь всегда озадачит: встревожила меня Нина.

Как-то вечером, улучив минутку, когда мы были одни, девочка сказала, что хочет поговорить. Опущенные глаза и беспокойные пальцы не оставляли сомнений в том, о чем пойдет речь. А я вовсе не считала себя годной для роли наперсницы или

советчицы, хотя в глазах восемнадцатилетних девчонок я, двадцатисемилетняя, потерявшая мужа, имеющая ребенка, была, наверное, кем-то вроде старшей сестры, если не старой тетки.

Начать Нине оказалось трудно. Наконец выяснилось. Полюбила солдата из нашего полка, он ее - тоже. Что же теперь делать?

- Он жениться на мне хочет... - говорила Нина. - А я не даю пока согласия. Сегодня живы, а завтра... Верно? Но, может быть, нехорошо так думать? Вроде торгуюсь: останешься жив, буду любить, а не останешься, не буду? Разве так можно?

Я молчала, не зная, как отвечать. Девушка поникла, опустила узкие плечики, вычерчивая прутиком круги на земле.

- А если это единственная настоящая любовь? - жарким шепотом вдруг опросила она. - Жизнь оборвется, а я так ничего и не узнаю?

Теперь голубые глаза смотрели на меня требовательно: они жаждали от старшего человека сочувствия и дельного ответа. А может быть, и благословения?

Я нерешительно заговорила о том, что настоящую любовь нужно беречь, что дается она только раз...

- Но подумай и о другом, - уже твердо сказала я. - О том, как тяжело терять любимого человека. Я это испытала. Мука невыносимая! То видятся картины первых встреч, то представляешь его гибель... А сердце уже ни к кому не лежит. Нина, я не имею права советовать. Вдруг с твоим избранником случится беда?

Нина отозвалась не сразу. Потом словно уронила:

- Беда скорее со мной случится.

Я обняла ее за плечи:

- Вот еще, скажешь... Да мы вместе в Берлин войдем! Выше нос!

Нина подняла лицо с веснушчатым носиком. Улыбка ее была и печальной, и благодарной, и смущенной:

- Только не беспокойтесь за меня! Я глупостей не наделаю.

- А я и не беспокоюсь, - шепнула я. - Всегда тебя умницей считала. Знаю: все у тебя будет хорошо.

Вскоре Нина попросила перевести ее в другую часть. Причина ее просьбы была ясна. Я поговорила с гвардии майором Ресенчуком, и Нину направили в 222-й гвардейский стрелковый полк.

* * *

В конце мая зачитали приказ: немедленно приступить к дальнейшему укреплению обороны по Северскому Донцу. От дивизии требовали сделать рубежи неприступными. Выполнение

приказа контролировали представителя штаба армии. В десятых числах июня прибыла комиссия из штаба фронта.

Изменился, стал суровее тон армейской печати. Изменился и характер газетных материалов: теперь писали об опыте строительства укреплений, о минерах, о бронебойщиках, об артиллеристах - мастерах уничтожения танков. Батареи нашего полка все чаще работали, прикрывая действия полковых и дивизионных разведок.

Майор Ресенчук, побывав на медпункте, распорядился выкопать два новых глубоких укрытия для раненых, сделать перекрытия в три наката, надежно их замаскировать.

- Неужели ожидается наступление врага? - ляпнула я.

Ресенчук не стал отчитывать меня за неуместное любопытство, лишь прищурился:

- Медиков даже война перевоспитать не может.

По отношению ко мне командир полка, безусловно, был прав. Я по-прежнему попадала впросак, забывая элементарные требования уставов и неписаные правила армейской жизни. Кстати, вскоре после разговора с Ресенчуком случилась более неприятная история. Она произошла после проверки санитарного состояния наблюдательного пункта 3-го дивизиона.

* * *

Находился НП на переднем крае, на западной стороне деревни Приютовки. Мы с Таней и санитаром Широких закончили работу поздно ночью и решили не возвращаться домой, а заночевать где-нибудь поблизости.

Но где? Крохотная землянка наблюдательного пункта вместить нас не могла, бродить же по переднему краю в поисках блиндажей стрелковых рот не полагалось. Хорошо бы отыскать пустую хату! Но к лету сорок третьего года в деревнях по Северскому Донцу целых хат не оставалось - все были разбиты бомбами или снарядами, сожжены... Кроме одной-единственной, торчавшей в центре Приютовки.

Стояла она без оконных рам, без крыши, растащенной на землянки, среди воронок от мин и снарядов, посеченная осколками. Стояла, словно обезумевшее от горя ущество, которому ничто на свете уже не страшно. Не в эту же хату было забираться!

- А почему бы и не забраться, товарищ военврач? - почесал в затылке Широких. - Думаете, зазря она целая стоит? Немец же ее верняком за ориентир держит. Поверьте слову! Да и не станет фриц ночью по ней долбить.

Доводы Широких показались разумными. К тому же до хаты было рукой подать...

При свете луны мы обследовали ее, нашли комнату с дверью, запиравшейся на засов, выгребли мусор и, донельзя усталые, расположились на ночлег. Едва закрыв глаза, я провалилась в сон.

Дверь сотрясалась от ударов... Незнакомый властный голос требовал:

- Немедленно открывайте, иначе вышибем!

Я открыла. В комнатку решительно втиснулись несколько человек в фуражках и плащ-палатках. Первый, направив мне в лицо луч ручного фонарика, резко спросил:

- Кто такая? Почему здесь? Где охрана?

Заслоняясь от света рукой, отвернув лицо, я так же резко ответила:

- Уберите фонарь! Не знаю, с кем разговариваю, и отвечать не намерена!

Кто-то из вошедших торопливо сказал, обращаясь к моему собеседнику:

- Товарищ гвардии майор, это медики из артполка. Я их знаю.

- Мне все равно: медики, химики! - отведя луч фонаря, но по-прежнему резко продолжал майор. - Чтоб к рассвету духу их тут не было! А хату к утру разрушить. Устроили, понимаете, приют священный...

Я не выдержала:

- Товарищ гвардии майор, перед вами две женщины. Очень прошу, выбирайте выражения. К тому же я гвардии капитан медицинской службы, вам не подчинена и попрошу тут не распоряжаться.

Наступила пауза. Незнакомый майор еще раз осветил наши лица, внезапно круто повернулся, распахнул дверь ногой и вышел из хаты. За ним остальные. С улицы донесся уже более спокойный голос майора:

- Пусть ночуют, но чтоб я этой хаты завтра с микроскопом обнаружить не мог! Ясно?

- Слушаюсь, товарищ гвардии майор! - отозвался более молодой голос.

* * *

На следующий день меня вызвал Хроменков:

- Галина Даниловна, что у вас произошло с гвардии майором Уласовцем?

Фамилию Уласовца, командира 22-го гвардейского полка, я слышала, но никогда с ним не встречалась, и, следовательно, ничего у нас с Уласовцем произойти не могло.

- Да нет, произошло, - сказал Хроменков. - В Приютовке ночевали?

Все стало понятно: вот, значит, кем был нежданный ночной

гость...

- Звонил командир дивизии, - строго сказал майор. - Выразил недовольство тем, что медицинский персонал артполка ночует на переднем крае. Тем более что вы, Галина Даниловна, не обеспечили никакой охраны, а гитлеровцы все время пытаются добыть "языка".

Я начала оправдываться, но Хроменков прервал меня:

- Командир дивизии приказал разъяснить, что ваше место - на медпункте артиллерийского полка, а не на переднем крае. Это все. Вы свободны.

Я вышла с пылающим лицом.

Но уже близилось то время, когда место медицинских работников артиллерийского полка оказалось именно на переднем крае и именно по приказу командира дивизии. От этого дня нас отделяли всего три недели...

Глава девятнадцатая.

Боевая готовность

В конце июня погиб санинструктор 5-й батареи рядовой А. А. Павлов. Сообщил об этом по телефону военфельдшер 3-го дивизиона лейтенант медицинской службы И. А. Сайфулин. Через три-четыре часа удалось выбраться на 5-ю батарею.

Павлова уже похоронили. На опушке Шебекинского леса высился холмик свежей земли. Я положила букет полевых цветов на его могилу рядом с такими же букетами.

Сайфулин рассказал. Утром гитлеровцы ответили на огонь батареи шквалом снарядов и мин. Сразу ранило двух солдат. Павлов оттащил их в укрытие, перевязал, попросил телефониста доложить о раненых в дивизион, побежал к орудию и заменил подносчика. Через восемь-десять минут осколок разорвавшегося поблизости снаряда пробил Павлову голову. Помочь ему было нельзя...

С утра следующего дня по всей линии обороны воцарилась странная, неправдоподобная тишина: враг не вел ни артиллерийский, ни минометный огонь. За день в небе не появилось ни одной группы бомбардировщиков. За полдень, правда, прилетела, но вскоре соскользнула за меловые холмы правобережья "рама". Тишина... Зной... Запахи нагретых трав и расплавленной солнцем смолы...

Майор Ресенчук и капитан Чередниченко во второй половине дня отправились на наблюдательный пункт. Вернулись они поздно вечером, говорили, что всякое движение в полосе обороны врага прекратилось.

Фашистские бомбардировщики появились ночью. В черном небе опять, как бывало на Дону и Волге, повисли десятки

"фонарей" - сбрасываемых на парашютиках ракет. При их свете гитлеровцы и бомбили.

Начали бить фашистские орудия, минометы, в том числе шестиствольные. Противник стрелял "по квадратам", методично обрабатывая наугад участок, стремясь уничтожить на нем все живое.

К утру стихло. Потом так и пошло: днем - редкая перестрелка, ночью же - сильный артиллерийский и минометный обстрел, бешеный огонь из автоматов и пулеметов по всему Северскому Донцу.

Ресенчук встревожился, узнав от разведчиков, что ночные "шумовые эффекты", возможно, затеваются, чтобы скрыть гул многих моторов в глубине вражеского расположения.

- Смотрите и слушайте, орлы! - наставлял он наблюдателей. - Смотрите и слушайте! Ничего не упустите!

Сведения наблюдателей артполка подтвердили артиллерийские наблюдатели из стрелковых полков, из противотанкового дивизиона, разведчики стрелковых полков, сами стрелки: шум многих моторов по ночам продолжался.

А тут еще выросла в одну ночь за Северским Донцам, посредине балки Топлинка, рукотворная роща... Противник явно пытался что-то скрыть от наших глаз! Что же? Скопление техники? Передвижение частей?

Напряжение нарастало. И когда в конце июня предупредили, что со дня на день начнется наступление врага, даже легче сделалось: знаешь, по крайней мере, к чему готовиться!

* * *

Современный читатель, интересующийся историей Великой Отечественной войны, конечно, знает о событиях весны и лета 1943 года намного больше, чем знали мы, офицеры и солдаты сорок третьего, непосредственные участники событий. Кругозор наш ограничивался, образно говоря, пределами полевой карты-двухверстки, на которую наносилась схема расположения частей и подразделений дивизии. Границы полосы действия дивизии обозначались на такой карте красными линиями. За левой ставился номер дивизии, являвшейся левым соседом, за правой - номер дивизии, являвшейся правым соседом. И все. Никаких лишних подробностей и деталей:

Подробности знали только комдив и, возможно, командиры полков. Но исключительно такие, какие имели отношение к ближайшим соседям, к полосе армии. Остальное было скрыто даже от командиров дивизий.

Поэтому офицеры и солдаты 72-й гвардейской, хоть и слышали выражение "Курский выступ", хоть и знали, что

находятся на южной его оконечности, не могли даже предположить, что главные военные события летней кампании сорок третьего года развернутся именно здесь, что именно нам и нашим соседям суждено сорвать операцию фашистского командования, носящую кодовое название "Цитадель".

Знали одно: враг сосредоточил против Воронежского фронта большие силы, в ближайшие дни начнет наступление; мы должны отразить атаки, нанести ответный удар и сокрушить гитлеровцев. Сокрушить без пощады, как сокрушили под Сталинградом. Для того мы здесь, на Северском Донце, и стоим.

* * *

Начиная с 28 июня части дивизии находились в состоянии боевой готовности. На наблюдательных пунктах артиллерийского полка установили круглосуточное дежурство офицерского состава. Огневики могли открыть огонь по назначенным целям немедленно. Пушечные батареи приблизили к переднему краю, чтобы при необходимости они имели возможность быстрее выехать на открытые позиции и вести огонь прямой наводкой.

В железнодорожной насыпи спешно отрыли несколько капониров, установили в них противотанковые орудия. Стрелки углубляли окопы и траншеи. Саперы проверяли готовность уже имеющихся минных полей и ставили новые противотанковые. Связисты прокладывали дополнительные линии связи.

Старшие врачи полков получили в медсанбате положенное количество перевязочных средств и медикаментов. Давая им указания по эвакуации раненых, начальник санитарной службы дивизии гвардии майор Борисов особенное внимание обратил на своевременную доставку раненых в медсанбат и обязал старших врачей стрелковых полков изыскивать любую возможность, чтобы перевозить раненых, не дожидаясь транспорта медсанбата. Мне же прямо сказал, чтобы артиллерийский полк на транспорт медсанбата не рассчитывал.

- Поймите меня правильно, товарищ гвардии капитан, - с нажимом говорил Борисов. - В медсанбате недокомплект санитарных машин. Телешман может не справиться даже с вывозом людей из стрелковых полков. А ведь ему придется еще тяжелораненых в армейский госпиталь отвозить! Так что обходитесь собственными силами. Грузовые машины в артполку имеются! Кроме того, вы можете использовать транспорт, подвозящий боеприпасы...

Майор был прав: в артиллерийских полках дело с транспортом всегда обстояло лучше, чем в стрелковых. Но меня беспокоила неукомплектованность 155-го гвардейского артполка грузовыми автомобилями. К тому же от подчиненных и от наших

старших офицеров я знала, что во время боев потери автотранспорта в батареях и дивизионах нередко значительнее, чем потери вооружения.

Пошла я к начальнику штаба капитану Чередниченко, поделилась тревогами.

- Галина Даниловна, милый человек, не беспокойтесь! - сказал тот. Все сделаю, чтобы люди в медсанбат своевременно попадали. Ваш-то непромокаемый транспорт как?

"Непромокаемым транспортом" Юрий Яковлевич именовал две санитарные повозки медпункта. Они использовались для вывоза раненых с огневых позиций батарей. Усилиями Реутова и помогавшего ему Широких обе повозки находились в отличном состоянии. Предмет особой гордости Реутова - резиновые шины, невесть где раздобытые и натянутые на ободья колес. Постукивая по шинам носком сапога, старый казак хвастал:

- Теперь, товарищ доктор, почище всякого автомобиля катать будем. Как на "дутиках"!

Ни он, ни Широких словно и не задумывались, что "как на дутиках" им придется мчаться лесными дорогами, а "загружаться" - под огнем и бомбами.

С младшим врачом полка старшим лейтенантом медицинской службы Кязумовым мы объехали дивизионы и батареи, проверили укомплектованность аптечек, наличие у санинструкторов индивидуальных перевязочных пакетов, асептических повязок, стерильных салфеток, сетчатых шин, матерчатых и резиновых жгутов, йода, стрептоцида. Проверили и наличие индивидуальных перевязочных пакетов у личного состава полка.

Кязумов, пока мы находились в обороне, вполне освоился со своими обязанностями. Поэтому я доверяла ему самостоятельную проверку санитарного состояния подразделений и инструктаж военфельдшеров. Но боевое крещение Кязумову еще предстояло принять. Чувствовалось, он хочет быть достоин уважения ветеранов, звания гвардейца и оттого немного нервничает, бравирует под минометным и артиллерийским огнем. И я предупредила его точно такими же словами, какими когда-то предупреждал меня Юрков:

- Учтите, врач в бою нужен живой...

Перед началом больших сражений у всех офицеров и солдат десятки неотложных дел. Лица людей выражают озабоченность, каждый спешит выполнить очередной приказ. Это придает происходящему особую окраску, напоминает, что недалека минута, когда потребуется предельное напряжение всех физических и моральных сил.

А события разворачиваются уже с кинематографической быстротой. В ночь на 3 июля соединения 7-й гвардейской армии получили приказ о приведении своих частей в полную боевую готовность: командующего армией информировали, что наступление противника начнется между 3 и 6 июля. В ту же ночь по приказу генерал-майора Лосева разведчики дивизии отправились за "языком" и вскоре доставили в штаб дивизии немецкого унтер-офицера. Точного времени начала наступления пленный не знал, но сообщил, что 2 июля личному составу его части зачитано обращение фюрера, призывающего "доблестных солдат рейха" выиграть предстоящее "последнее сражение".

На следующую ночь разведчики захватили вражеского сапера, который снимал минное поле перед собственным передним краем. Часом позднее на нашу сторону перебежал немецкий солдат, назвавший себя патриотом Германии.

Из сообщений пленных и перебежчика, а также из сведений, полученных разведкой фронта, стало известно, что в полосе одной только нашей дивизии гитлеровцы сосредоточили около 80 танков из оперативной группы "Кампф", 32-ю и 106-ю пехотные дивизии, несколько артиллерийских полков и другие части. Что противник перейдет в наступление в 3 часа утра 5 июля.

Утром 4-го по приказу гвардии полковника Н. Н. Павлова на наблюдательном пункте артиллерийского полка собрались артиллерийские командиры дивизии.

Павлов был сдержан, суров. Сообщил всем о времени вражеского наступления и о решении высшего командования провести артиллерийскую контрподготовку.

- Ваша задача, товарищи, состоит в том, чтобы нанести внезапный и мощный удар по исходным позициям вражеской пехоты и танков, по артиллерийским и минометным батареям противника в районах сосредоточения его резервов, - говорил Павлов. - Одновременно должны быть разрушены наблюдательные и командные пункты врага.

К проведению контрподготовки привлекались, кроме артиллерии и минометов нашей дивизии, артиллерия 213-й стрелковой дивизии, недавно занявшей оборону непосредственно за нами, и два дивизиона 109-го армейского пушечного артполка.

Каждый дивизион, каждая батарея получили указания, по каким целям и районам они должны вести огонь после приказа на контр подготовку. Отлучаться с позиций с этой минуты запрещалось.

* * *

До сих пор в мельчайших подробностях помню я ночь на 5 июля 1943 года. Тьма опустилась быстро. Узкий серп месяца

повис высоко над горизонтом, звезды в иссиня-черном небе сияли остро, переливаясь голубовато-зеленым цветом. Тишина стояла полная.

На медпункте не опали, все собрались возле повозок. Мужчины курили. Мы с Таней, укрывшись одной шинелью, сидели на куче сена. Тишина. Заговорим о чем-нибудь, но разговор не вяжется. Снова молчим, слушаем, ждем. И сотни тысяч людей, наверное, подобно нам, молчат, вслушиваются, ждут: в окопах, на наблюдательных и командных пунктах, на огневых позициях. Вслушиваются и ждут...

Небеса разверзлись и обрушились на землю в начале третьего часа. Перед этим, как всегда, вздрогнула земля. А потом - оглушающий гром сотен орудий и минометов.

Я только пятнадцать-двадцать секунд слышала свист снарядов и начавшуюся на (переднем крае ожесточенную стрельбу из автоматов и пулеметов. Затем все поглотили гул разрывов и новые, все новые и новые залпы.

По вражеским войскам яростно били пушки и орудия, реактивные снаряды М-31, "катюши". Сполохи выстрелов. Беглые зарницы разрывов, сливающиеся в зарево. Адский грохот. Ничего, кроме жуткого грохота. Никогда ранее не слыханного грохота!

Беззвучно вставали на дыбы испуганные внезапным огнем кони... Беззвучно раскрывали рты Реутов и Широких, повисшие на конских уздечках... Сутулилась Таня, зажимая ладонями уши...

Огненный смерч бушевал тридцать минут. Он прекратился так же неожиданно, как начался. Ночь словно провалилась в возникшую тишину. И мы с ней, неспособные пока произнести ни слова. Одинокая пулеметная очередь на переднем крае... Возбужденное ржание коня... Вместо запаха сырости приплывший с реки запах гари и дыма...

Все напряженно ждали: вот-вот грянет ответный артиллерийский удар. Но враг молчал. Враг не отвечал на огонь. Прошли десять, двадцать, сорок минут - не отвечал.

Стало неудержимо клонить в сон: сказалось, видимо, нервное напряжение. И я пошла к "женской" землянке, улеглась на топчан, укрылась шинелью. Спустилась туда и Таня:

- Галина Даниловна, думаете, не начнется?

- Ложись, ложись - хоть немного вздремнем...

Но я не задремала. Я уснула. Уснула сразу же, как только закрыла глаза. А проспала всего час: сорвал с топчана, заставил схватить санитарную сумку и броситься к выходу грохот разрывов. Снаряды и мины рвались совсем близко, стены землянки ходили ходуном, сквозь накат сыпался песок. Выбежав наружу, присела: между землянкой и блиндажом медпункта

взметываются огонь, земля и дым.

- Землянка не выдержит прямого попадания! - прокричала бежавшая следом Таня. - Лучше в ход сообщения!

Совет был дельным. Кинулись в ход сообщения, отбежали с десяток шагов и упали на дно глубокой щели. А сквозь грохот разрывов уже слышался знакомый гул вражеских бомбардировщиков.

Вскоре и первые мощные бомбы взорвались. Я попыталась выглянуть из щели - понять, что происходит. Увы! Все затянуто дымом и пылью. А огонь не стихает. Новые разрывы совсем рядом. Земляные стены дрожат, осыпаются. Ощущение такое, что края щели вот-вот сомкнутся и погребут нас заживо.

Вспомнила сына. Как хорошо, что он далеко. Нет, я не должна погибнуть. Не имею права! У меня же сын... И Нину Букину вспомнила. Каково-то ей в стрелковом полку? Жива ли?

Артиллерийская подготовка противника продолжалась в полосе обороны дивизии около часа. Затем канонада стала затихать, стали слышны пулеметы и автоматы переднего края. Тут же открыли беглый огонь наши гаубицы, пушки и минометы.

- Вот теперь началось! - крикнула я Тане. - Скорей!

Мы выбрались из щели и побежали к блиндажу медпункта.

Глава двадцатая.

Пятое июля

Яростный бой развертывался по всей полосе обороны, но гул казался более ожесточенным на правом фланге, на участке 229-го гвардейского стрелкового полка. Там и вражеская авиация висела.

Отправила я Кязумова в штаб полка - выяснить, куда подавать повозки, где нужна помощь. Чередниченко приказал ехать в первый дивизион, к капитану Савченко. Реутов с Широких забрались на передки и, тронув коней, погнали в лес.

- Немец дымовую завесу поставил, наблюдателям тяжело, - рассказывал Кязумов об услышанном в штабе. - Танки появляются перед пушками, когда до них каких-нибудь двести-триста метров...

Первые раненые поступили на медпункт в начале седьмого часа. Привез их шофер, доставлявший боеприпасы на 1-ю батарею старшего лейтенанта Горбатовского. На бортах грузовика белели свежие царапины от осколков. У пострадавших артиллеристов были - как всегда в начале оборонительного боя, пока дело не дошло до автоматов и гранат, - тяжелые осколочные ранения. При таких ранениях необходим внимательный врачебный осмотр, срочная квалифицированная помощь.

Расспрашивать раненых про обстановку на передовой некогда: только успевай поворачиваться. Да и им самим не до

разговоров! И все же из отрывочных фраз, из лихорадочных реплик потерявших немало крови людей можно было понять, что под Масловой Пристанью трудно.

Привезли батарейцев гвардии капитана Михайловского. Эти дрались в Приютовке, тоже хватили лиха. Пригнал повозку от Савченко Реутов. Доставили стрелков из 222-го гвардейского. На взмыленных конях, выскочив из-под обстрела, прискакал Широких. Да так и пошло! То с правого фланга, то с левого, уже не ручейками - рекой полился поток: осколочные, пулевые, колотые, резаные...

Приток раненых вынуждал прибегнуть к разделению труда: мы с Кязумовым стали отбирать для оказания помощи самых тяжелых, оставляя более легких Ковышеву и Коневой.

К девяти часам блиндажи, землянки и щели медпункта оказались заполненными. Вновь прибывающих укладывали под открытым небом, а противник между тем продолжал вести огонь на всю глубину обороны дивизии, снаряды и мины нередко рвались в расположении медпункта, порой приходилось прерывать работу, чтобы "перележать" артналет.

В десятом часу подошли два грузовика, часть раненых удалось отправить в медсанбат. Потом автомашины словно сквозь землю провалились - ни одна не показывалась, - и в одиннадцатом часу я побежала на КП "выбивать" транспорт.

Там - свежие воронки, обезглавленные деревья, труп убитой лошади... Вскакивают на коней, гонят куда-то командир штабной батареи старший лейтенант Кристаллов с ординарцем... Пробегает телефонист с катушкой черного телефонного провода за плечами... Откуда-то из-под земли слышится отчаянный зов: "Резеда"! "Резеда"! Я - "Тополь"!"...

Чередниченко у себя в блиндаже сгорбился над зеленой коробкой полевого телефона. Правой рукой прижимает к уху телефонную трубку, левой - закрывает другое ухО, морщится от напряжения, пытаясь видимо, разобрать, что ему говорят. А отвечая, кричит, рискуя сорвать голосовые связки. Смотрит на меня, не узнавая. И вдруг, зажав трубку ладонью, хрипло приказывает:

- В медпункт! Медсанбат накрыли артогнем, он перебазируется, шоферы не успевают! Идите в медпункт, будут машины!

И опять, перестав видеть меня, что-то кричит в трубку.

Мне стыдно, что помешала. И тут же холодком заползает в грудь тревога за товарищей из медсанбата... Однако давать волю чувствам некогда: раненые ждут! Я выбираюсь из блиндажа и бегу обратно.

В какой обстановке приходилось работать в те часы медицинскому персоналу дивизии и, в частности, персоналу медпункта артиллерийского полка? Чтобы ответить, надо хотя бы в общих чертах рассказать, как складывался, какого накала достиг начавшийся бой.

...Намереваясь протаранить оборону 7-й гвардейской армии, выйти к Короче, в тыл советским войскам, сражающимся у Белгорода, противник нанес основной удар в стык между нашей 72-й стрелковой дивизией и "соседом справа" - 78-й. В эпицентре битвы оказался 229-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал майор Г. М. Баталов, а в полосе обороны полка 3-й стрелковый батальон капитана Стриженко.

На Стриженко, понесшего потери уже при артподготовке и бомбардировке с воздуха, двинулись два батальона фашистской пехоты, поддержанные 30 танками и самоходными орудиями.

На левый фланг полка, на 2-й батальон старшего лейтенанта Двойных, наступал полк вражеской пехоты, сопровождаемый 20 танками и самоходными орудиями.

Передний край от Карнауховки до Приютовки заволокло дымом и пылью. Горело все, что могло гореть. В слитном реве боя беззвучно вырастали из земли бесчисленные огненно-черные веера разрывов снарядов и мин, беззвучно срывались в пике фашистские бомбардировщики, беззвучно неслись на позиции наших рот, на позиции батарей, на дороги с грузовиками и подкреплениями, на Шебекинский лес бомбы.

В районе Безлюдовки вступил в бой с полком пехоты и 18 танками противника 224-й гвардейский стрелковый полк майора Уласовца. Скоро и здесь все заволокло дымом и пылью...

Танкам, самоходным орудиям и пехоте противника пришлось пробиваться к оборонительным рубежам наших стрелковых частей сквозь мощный заградительный огонь артиллерии дивизии и приданного нам дивизиона армейского артиллерийского полка.

Враг понес потери на переправах через Северский Донец и в пойме реки, а приблизясь к окопам и траншеям переднего края дивизии, попал под огонь пушечных батарей стрелковых полков и пушечных батарей 155-го гвардейского артполка, выдвинутых на прямую наводку и стрелявших специальными, так называемыми "подкалиберными", снарядами, пробивавшими даже усиленную броню "тигров", "фердинандов" и "пантер".

Лишь после трехчасового боя гитлеровцам ценой громадных потерь удалось прорваться группой танков и самоходных орудий, сопровождаемых батальоном пехоты, на стыке батальонов Стриженко и Двойных, к железной дороге между Карнауховкой и

Масловой Пристанью.

На выручку стрелкам, на поддержку товарищей майор Ресенчук двинул 3-й дивизион 155-го гвардейского артиллерийского полка старшего лейтенанта Почекутова. Огонь Почекутова нанес гитлеровцам страшный урон и оказался тем более кстати, что вышла заминка с организацией огня 1-го дивизиона: наблюдательный пункт капитана Савченко окружили автоматчики врага.

Савченко, наблюдатели, связисты и военфельдшер Рита Максимюкова должны были пробиваться сквозь вражеское кольцо к запасному наблюдательному пункту. Капитана ранило в руку. Пока ему помогли добраться до укрытия, пока Рита оказывала командиру дивизиона помощь, батареи старшего лейтенанта Горбатовского, старшего лейтенанта Киселева и капитана Тронь действовали сами по себе.

Правда, убедившись, что связь с НП прервана, руководство огнем дивизиона принял на себя начальник штаба дивизиона старший лейтенант А. И. Арнаутов. Но это произошло не сразу...

Пятый час боя... Шестой... Невозможно описать все подвиги офицеров и солдат стрелковых подразделений дивизии, совершенные 5 июля! Для этого нужна иная книга. Упомяну только о старшем лейтенанте В. Г. Кузнецове{3}, уничтожившем из противотанкового ружья три "пантеры", убившем более пятидесяти фашистов, неоднократно водившем в бой потерявшую командира стрелковую роту...

О командире 3-й роты 1-го батальона 229-го гвардейского стрелкового полка старшем лейтенанте В. Ф. Прилипко, четыре раза водившем до своей гибели роту в контратаки и уничтожавшем огнем из автомата и штыком более тридцати гитлеровцев...

О начальнике штаба 2-го батальона 229-го гвардейского стрелкового полка старшем лейтенанте В. П. Кукове, огнем из пулемета уничтожившем около шестидесяти фашистов, дважды поднимавшем бойцов в контратаки и погибшем в третьей...

О лейтенанте В. М. Колесникове{4}, надежно прикрывшем со своей пулеметной ротой стык батальона Двойных с 224-м гвардейским стрелковым полком. На седьмом часу боя погибли или получили ранения все офицеры и солдаты пулеметной роты. Последним погиб связной Колесникова, помогавший командиру заряжать ленты. Сам Колесников к тому времени получил третье ранение и его контузило.

Бойцы 6-й роты вынесли офицера с позиций роты. Очнувшись, узнав, что выгодный рубеж оставлен врагу, Колесников заменил убитого командира 6-й роты, повел бойцов в

атаку и вновь овладел позициями, которые занимал с пулеметчиками до начала боя.

Не могу не упомянуть о командире 224-го гвардейского стрелкового полка гвардии майоре Уласовце, окруженном на наблюдательном пункте, но продолжавшем даже в критической ситуации руководить батальонами.

Пропуская танки и самоходки, стрелковые батальоны Стриженко и Двойных до конца дня вели бой в окружении, приковывая к себе вражескую пехоту, они атаковали прорывавшихся фашистов во фланги, нанесли им тяжелые потери.

В сорок четвертом году для характеристики подобных ситуаций, когда сражающиеся стороны перемешивались и вели бой одновременно на разных глубинах обороны, стали применять выражение "слоеный пирог". В сорок третьем году такого термина не знали. Но 5 июля на восточном берегу Северского Донца возник именно "слоеный пирог". Только гвардейцы наши в отличие от гитлеровцев образца сорок четвертого года обороняли рубежи до последней капли крови и в плен не сдавались.

Погиб, но не сдался 5 июля весь 3-й батальон капитана Стриженко, Погибла шестая рота батальона капитана Двойных. Понесли большие потери, но лишь по приказу отошли с боем к железнодорожной насыпи и Шебекинскому лесу другие роты 2-го батальона.

А перед железнодорожной насыпью, перед Шебекинским лесом, противника встретили огнем 1-й батальон; 229-го гвардейского полка под командованием капитана В. Ф. Шалимова, 2-й батальон 224-го гвардейского стрелкового полка под командованием капитана И. М. Глянцева и отведенная на запасные позиции артиллерия дивизии. В решающую же минуту нанесли удар стоявшие во втором эшелоне 222-й стрелковый полк нашей дивизии и свежая 213-я стрелковая дивизия. Встречным боем они остановили врага.

* * *

Быстро темнело. Затихал грохот боя. Прорвать оборону дивизии гитлеровцы не сумели. Наши стрелковые части и подразделения заняли новые рубежи. Понесший самые тяжелые потери 229-й стрелковый полк, оставив Маслову Пристань, отошел на пять километров восточнее. Усиленный Отдельным учебным стрелковым батальоном, он занял окопы за насыпью железной дороги.

Правофланговые подразделения 224-го стрелкового полка отошли лишь на полтора-два километра, окопавшись на железнодорожной насыпи, а левофланговые подразделения

полностью удержали первоначальные рубежи обороны. 155-й артиллерийский полк и 78-й Отдельный истребительно-противотанковый дивизион обосновались на новых огневых позициях, указанных командующим артиллерией дивизии.

Так настала ночь. Вся в заревах пожарищ по берегу Северского Донца, словно горизонт истекал кровью...

Раненых, как уже вспоминала, привозили не только с батарей и наблюдательных пунктов дивизионов 155-го артполка, но и из 78-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, из стрелковых частей. Число поступавших на медпункт воинов резко увеличилось после 12 часов.

Реутов и Широких, возвращаясь с повозками, где сидели и лежали наспех перевязанные люди, рассказывали о кромешном аде, творящемся на передовой. Оба устали, их запыленные лица осунулись...

Не помню, кто привез сообщение о гибели санинструктора 1-й батареи рядового Пети Пинаева, но даже в тот жуткий день остро кольнула весть об этой смерти. Пете только-только исполнилось девятнадцать. Он прибыл на батарею в самом начале боев дивизии. Тихий, скромный паренек, красневший в присутствии женщин,, был удивительно трудолюбивым. Он добросовестно исполнял и обязанности подносчика снарядов, и обязанности санинструктора. С утра 5 июля Петя вынес с огневых позиций, перевязал и отправил в тыл одиннадцать тяжело раненных артиллеристов. Погиб юноша, отражая с товарищами атаку фашистской пехоты.

В каждый приезд Реутов, наскоро напившись воды, хвалил санинструктора 5-й батареи рядовую А. Н. Агееву и санинструктора 6-й батареи Г. Ф. Баранову.

- Ну, девчата... - говорил старый солдат. - Ни черта не боятся!

Саша Агеева действительно была смелой до безрассудства. В батарее ее очень любили и со Сталинграда иначе, как "спасительницей", не называли. В первый день боев на Северском Донце Саша вынесла из-под огня и, искусно перевязав, надежно укрыла в щелях девять тяжело раненных артиллеристов. Отправив их в тыл, она снова ползла туда, где свирепствовали огонь, дым, осколки. Туда, где стояли возле орудий ее друзья.

О военфельдшере Рите Максимюковой я уже упоминала. Ей пришлось 5 июля орудовать не только индивидуальными пакетами и шинами, но и автоматом. Нелегко было и военфельдшерам 2-го и 3-го дивизионов И. Е. Мелентьеву и И. А. Сайфулину. Работали они под обстрелом, рисковали жизнью и долг свой выполняли безупречно.

Во втором часу дня создалось крайне тревожное положение.

От капитана Чередниченко прибежал связной и, сообщив, что штаб отходит, передал приказ отвести медпункт на восточную окраину Шебекинского леса. Нас и без того беспокоили пули, нет-нет да посвистывающие над головами, теперь же сомнений не оставалось: противник близко.

Но как выполнить приказ? Ведь не в том дело, чтобы самим перебраться на четыре километра восточнее, а в том, чтобы вывезти раненых, которых скопилось не меньше сорока человек!

Словом, оставались мы на прежнем месте еще часа два и прибыли на восточную окраину леса лишь в шестом часу. Чередниченко сгоряча наговорил мне резкостей. Оправдываться и возражать не стоило - не та была обстановка, да и понимала я, что позже начальник штаба на все посмотрит по-другому.

Уже совсем стемнело и утих рев орудий, когда на медпункт один за другим стали собираться военфельдшеры дивизионов. Усталые, в испачканных кровью и землей гимнастерках... Первым делом спрашивали Таню Коневу, заведующую нашей аптекой, а потом набивали санитарные сумки и вещевые мешки перевязочным материалом, медикаментами.

Мы угощали их чаем, расспрашивали о потерях, об эвакуации раненых... И тут Сайфулина прорвало:

- Видели бы вы, что на медпунктах стрелковых полков творилось!

Мы не видели, но догадывались, что эвакуация раненых из полков оставляла желать лучшего.

- "Лучшего..." - кипел Сайфулин. - С одиннадцати утра к ним ни одна машина из медсанбата не пришла! Только случайный порожняк да повозки. Хоть на закорках людей за пять верст таскай!

- Да, да. Медсанбат должен был перебазироваться...

- Не надо было его в пределах досягаемости вражеской артиллерии располагать, - перебил Сайфулин. - Тогда и перебазироваться не пришлось бы и машины не имущество медсанбата перевозили бы, а раненых!

Рита Максимюкова негромко добавила:

- К нам из баталовского полка раненые шли. Агапонов раз пять Гаджиева присылал: помогите, захватите наших людей...

А Мелентьев рассказал, в какую он попал передрягу, пробираясь на 5-ю батарею мимо санроты 224-го гвардейского стрелкового полка.

* * *

...В расположение санроты просочились вражеские автоматчики, а раненые не только в землянках, но и просто на земле, под кустами, лежат, многие даже пошевелиться не

способны. Гитлеровцам же все равно, кто перед ними здоровые или раненые! Строчат из автоматов, убивают людей...

Еще хорошо, командир санроты капитан медицинской службы А. П. Окишев не растерялся: собрал персонал, человек двадцать легкораненых, атаковал гитлеровцев и вышиб из своего расположения. А потом стал ругаться - мол, если так дальше с транспортом пойдет, раненые без вражеских автоматчиков погибнут...

Попив чаю и немного отдохнув, военфельдшеры заторопились в дивизионы: назначить новых санинструкторов, вручить им санитарные сумки, поспать, если удастся... Прилегли и мы на медпункте. Но фронтовые летние ночи коротки!

Глава двадцать первая.

Выстоять, победить

Едва забрезжил рассвет, гитлеровцы начали мощную артиллерийскую подготовку, подняли в небо десятки бомбардировщиков, обрушили сотни авиабомб на передний край дивизии, на огневые позиции артиллерийского полка и минометчиков, на пути подхода к переднему краю. А часом позже двинули в бой танки с десантами на броне и пехоту.

Тяжкий, кровавый бой разгорался по всей линии обороны. Накал его нарастал. Стойко держался понесший накануне большие потери, поддерживаемый Отдельным учебным стрелковым батальоном 229-й стрелковый полк майора Баталова. Атаку за атакой отбивал окровавленный 224-й полк майора Уласовца. Ни на .шаг не сдвинулись с занимаемых рубежей 222-й полк майора Попова и наши соседи - 585-й стрелковый полк 213-й стрелковой дивизии.

Раненые поступали на медпункт непрерывно, и снова не только артиллеристы, но и стрелки. Во второй половине дня Реутов, уезжавший на левый фланг, возвратился с известием, что при перебежке на новый НП убит командир 3-го дивизиона старший лейтенант Почекутов.

Немного позже раненые из 2-го дивизиона рассказали, что НП капитана Михайловского и землянка с ранеными были окружены гитлеровцами. Михайловский вызвал огонь на себя. Гитлеровцев накрыли огнем точно. Командир дивизиона, его помощники, лейтенант медицинской службы Мелентьев и раненые чудом остались живы...

В бою представление о времени утрачивается: каждый занят своим делом, каждый до предела напряжен, думать можно только о сиюминутном, ни на что отвлекаться нельзя. И вдруг поражаешься тому, что стволы сосен вокруг медпункта из утренних, медово-желтых, превратились в вечерние, медно-

красные, и небо не золотится, а розовеет...

Вот в такой предвечерний час - бой не утихал - примчался связной из штаба полка, от гвардии капитана Угриновича, помощника Чередниченко, с известием, что тяжело ранен командир артполка майор Ресенчук.

* * *

...Знакомая дорога к НП полка неузнаваема: вся изрыта воронками. Окружающий лес обгрызен, покорежен, повален снарядами и бомбами. За обочинами людские и конские трупы. В канаве лежит на боку обгоревшая тридцатьчетверка. Бредут в сторону передовой пополнения, их обгоняют грузовики с боеприпасами, навстречу - машины порожняком или загруженные ранеными. То справа, то слева, то впереди внезапно начинают рваться снаряды. Приходится лечь...

Наконец, привязав лошадь к уцелевшей сосне, я побежала на опушку, где высились столетние кряжистые дубы. На одном из них, укрытый густой листвой, находился наблюдательный пункт командира дивизии, на другом наблюдательный пункт командира артполка.

Ресенчук, раненые разведчики и телефонист лежали в огромной воронке от авиабомбы метрах в пятидесяти от своего дуба. Сидевший возле них ефрейтор сказал, что перевязки делал фельдшер с НП дивизии. Один из разведчиков был ранен в плечо, другой - в голень, телефонист - в спину. Все, кроме Ресенчука, находились в сознании, держались молодцом, а майор лежал с закрытыми глазами и дышал прерывисто.

Я осторожно приподняла его гимнастерку: на живот и на спину наложены большие асептические повязки, сквозь верхний слой марли просвечивает густо-красное. Спросила, как это произошло, куда все же ранен командир полка.

- Снаряд прямо в дуб жахнул, и товарища майора осколками в живот... ответил ефрейтор.

Бегу к дубу, взбираюсь по железным скобам на дощатый помост. Сержант, чье лицо помню еще с хутора Молоканова, вертит ручку полевого телефона. Рядом радист с наушниками. Водят биноклями разведчики. Не отрывается от стереотрубы Чередниченко. На мой голос резко оборачивается:

- Вы? Ну, что Иван Макарович?

- Срочно нужно эвакуировать.

- За машиной послал. Он-то как? Узнал вас?

- Нет. Состояние крайне тяжелое. Видимо, внутренние органы задеты.

Лицо Чередниченко болезненно морщится:

- Не повезло... Галина Даниловна, придет машина - отвезите

Ивана Макаровича в медсанбат сами.

Чередниченко, что-то уловив в ходе боя или заметив краем глаза, тут же забыл про меня и обрушился на телефониста:

- Где "Иртыш"?! Давай "Иртыш"!!!

С помоста НП берег Северского Донца как на ладони. Его не узнать! Реку и пространство между поймой и насыпью железной дороги затягивает дым. Среди полос дыма - вражеские, в разводах камуфляжной окраски танки, серо-зеленые, пригнувшиеся, бегущие среди танков и за танками фигурки фашистских солдат, черные столбы разрывов. Там горящий "тигр"... Там лежащие по всему лугу трупы... Справа фонтаны огня и земли взметываются много восточнее железнодорожной насыпи - значит, нас потеснили, а слева, у станции Карьерная, насыпь кишит людьми: рукопашный!..

Над досками помоста показалась голова давешнего ефрейтора:

- Доктор, грузовик!

Командира полка и бойцов, раненных вместе с ним, уложили в кузов "газика", на ворох сена, прикрытый шинелями.

- Где поедете? - спросил пожилой шофер. - В кабине?

- В кузове, конечно! Торопитесь, но без тряски...

Тот, кому доводилось ездить в разгар боя по дорогам, идущим к передовой, знает, что это такое. За шумом мотора шофер не слышит свист приближающихся снарядов, гул заходящих на бомбежку самолетов. Он помнит одно: необходимо спешить. Правда, если в кузове раненые, машину ведут поаккуратнее.

Но все равно ее качает, бросает из стороны в сторожу на разъезженных колеях, на выбоинах, она кренится, объезжая воронки, а то и резко тормозит...

К медсанбату, перебравшемуся в так называемый Буденновский лес, подъехали в темноте. Ни указателей, ни света. Остановила грузовик, соскочила с него, заметила быстро идущую неподалеку женщину, окликнула. Оказалось, это Маша Городчанина, спешившая с бутылью кровезаменителя в госпитальный взвод.

- Вам приемно-сортировочный? - спросила Маша. - Во-о-н он...

Я перебила:

- Нет, операционно-перевязочный.

- Поезжайте прямо - увидите раздвоенную сосну. Там два шага!

Добравшись до места, я откинула полу палатки.

Над ближним столом низко склонился ведущий хирург медсанбата Михаил Осипович Гусаков. Ему ассистирует старшая

операционная сестра Дуся Шумилина. Похоже, еле держится на ногах. Младшая операционная сестра Вера Витер, черноглазая худышечка, натирает Дусе виски нашатырным спиртом.

Позвала Веру. Та широко раскрыла глаза, подбежала: "Что случилось?"

Я объяснила, что привезла командира артиллерийского полка Ресенчука, раненного осколками снаряда в живот:

- Он очень тяжел, Вера! Надо бы сразу...

Вера пошепталась с Дусей, та обернулась, кивнула и, когда Гусаков закончил операцию, заговорила с ним. Тот поглядел на меня:

- Прорвались? Ну а майор где? Чего ждете? Я помогла внести Ресенчука.

- Шумилина, наркоз! - приказал Гусаков.

Мне дали халат, марлевую повязку на лицо, и я осталась в операционной. Работали в ней четыре хирурга: Гусаков, Сизикова, Пинскер и Милов.

Пинскер в основном укладывали на стол раненых, которым требовалось ампутировать конечности. Работавшая с ней Клава Шевченко давала наркоз, инструменты - Лиза Невпряга. Поддерживать конечность, если требовалось, помогали санитары. Стоя на скамеечке в длинном, испачканном кровью халате, в клеенчатом, залитом кровью фартуке, Нина Наумовна уверенно отсекала мягкие ткани, быстро перевязывала кровеносные сосуды, решительно бралась за пилу. Скрежет ее ужасен, от него сердце сжимается. Но что делать, если нет иного выхода?

Нине Михайловне Сизиковой принесли молоденького, тяжело раненного солдата. У парнишки в трахее засели осколки, он задыхался, не мог говорить, синие глаза умоляли помочь. Нина Михайловна быстро сделала сложную операцию. Парнишка вздохнул, глаза его засветились счастьем.

Милов, как всегда, делал сложные полостные операции.

Удушливый запах эфира, йода, крови, сдавленные стоны только что принесенных раненых, спертый воздух, духота, звяканье инструментов, однообразные приказания хирургов...

- Пойдите отдохните на воздухе, мы не скоро... - сказала Вера.

Выйдя из палатки, я села на землю, прислонилась к стволу березы, закрыла глаза. И только закрыла - трясут за плечо. По голосу узнаю все ту же Веру Витер. Говорит, закончили. Майору удалили почку и часть кишечника, но Гусаков надеется на крепкий организм Ресенчука.

Я спросила, который час. Оказывается, за полночь перевалило. Значит, операция длилась более четырех часов, и я целых три из них проспала! В полку меня, наверное, потеряли...

Надо спешить: до рассвета недалеко.

* * *

В тот день, 6 июля, гитлеровцам удалось продвинуться на 2-3 километра лишь на правом фланге обороны дивизии, в полосе 229-го гвардейского стрелкового полка и Отдельного учебного батальона. Здесь враг рвался к совхозу "Поляна". Он ввел в действие против наших обескровленных подразделений большие силы пехоты, танков и авиации, но решающего успеха не добился.

Не удалось противнику протаранить оборону дивизии и в центре, и на левом фланге. Взаимодействуя с частями 213-й стрелковой дивизии и танкистами 27-й танковой бригады, подразделения 224-го и 222-го гвардейских стрелковых полков отбили все атаки.

Лишь во второй половине следующего дня враг достиг совхоза "Поляна", но зато на левом фланге был решительно атакован 224-м гвардейским стрелковым полком дивизии, 585-м стрелковым полком 213-й дивизии и отброшен за Северский Донец!

В ночь на 8 июля во всех подразделениях зачитывали приказ командующего 7-й гвардейской армией гвардии генерал-майора Михаила Степановича Шумилова. Командующий высоко оценивал мужество гвардейцев, массовый героизм воинов, их беспредельную преданность Родине. Сообщал, что врагу нанесен огромный урон. Предупреждал, что бои предстоят жестокие, и призывал усилить удары по истекающей кровью фашистской гадине.

В последующие три дня гитлеровцы яростно атаковали части нашего соседа справа - 25-го гвардейского стрелкового корпуса, а 11 июля, не сумев сломить сопротивление 25-го гвардейского стрелкового, снова пытались прорваться в полосе нашей дивизии. Но мощными контратаками стрелковых частей, поддержанных артиллерией и танками, враг был остановлен, а затем отброшен на исходные позиции.

* * *

Вечером я пробралась на НП полка, чтобы осмотреть больную ногу Хроменкова. Несмотря на усталость, офицеры и солдаты, находившиеся на НП, были возбуждены.

- Вот так, Галина Даниловна, - приговаривал Хроменков, пока я осматривала его ногу. - Скоро услышим, как фрицы "Гитлер капут!" орать станут...

Хроменков не ошибался: фашистские атаки 11 июля были последними атаками вражеских войск на Северском Донце. Ни в полосе 7-й гвардейской, ни в полосе соседней 6-й гвардейской армии враг не достиг цели, не прорвался к Короче. Гитлеровцам

был нанесен колоссальный урон! Лишь в полосе обороны нашей дивизии они потеряли около 7 тысяч офицеров и солдат, 46 танков, около 50 орудий и минометов, 30 автомашин, тягачи, понтоны, большое количество стрелкового оружия...

Но победы даром не даются. Во время боев с 5 по 11 июля медсанбат ежесуточно принимал по 900-1200 раненых. Хирурги произвели за это время 1700 различных обработок и операций. Многие наши воины в боях на Северском Донце стали инвалидами. Многие навечно легли в тамошнюю землю. Но и те и другие победили.

В небывалых по масштабу танковых сражениях севернее Белгорода, в районе Прохоровки, наступательный порыв противника был сломлен окончательно. Одновременно 12 июля перешли в наступление Брянский и Западный фронты, чтобы разгромить Орловскую группировку гитлеровцев. Враг срочно снял семь дивизий с участка Центрального фронта, но уже 15 июля ударил и Центральный фронт.

С 16 июля противник не атаковал нигде, а 17-го начал на Белгородском направлении общий отход. Под ударами и непрерывным нажимом войск 7-й гвардейской армии гитлеровцы к 23 июля вынуждены были уйти за Северский Донец.

Мы возвратились в Карнауховку, Маслову Пристань, Приютовку. И не узнали мест, где две недели назад проходил передний край дивизии. Рощи обезглавлены, освежеваны огнем и сталью... Некошеная трава выгорела... Дзоты разбиты... Колья проволочных заграждений с обрывками колючей проволоки вдавлены в землю... Окопы и траншеи, проутюженные тяжелыми танками, змеятся, как плохо зажившие швы...

По всему берегу - от Шебекинского леса до реки - чернеют омертвевшие громады "тигров", "фердинандов" и "пантер", валяются разбитые орудия, отслужившие свое минометные плиты, чернеют тысячи воронок... И повсюду: в изувеченных рощах, под обожженными кустами, возле танков и самоходок, на опаленной траве, в воронках - трупы гитлеровцев.

Особенно много их в пойме. Под жарким июльским солнцем тела "завоевателей" разлагаются, по берегу ползет зловоние. Колеблющиеся, пританцовывающие столбы мух над мертвыми оккупантами - жуткие "обелиски"! Специальные команды поспешно роют длинные рвы, сносят туда трупы вражеских офицеров и солдат, чтобы так же поспешно закопать, уничтожить самое память о бесславно погибших.

* * *

Своих товарищей хороним в Шебекинском лесу, на песчаных холмах. Над могилами - фанерные пирамидки с красными

звездочками на вершинах.

Теперь-то их нет: взамен встали гранитные стелы, легли мраморные плиты. Пестреют цветы у могил гвардии лейтенанта Василия Миряна начальника штаба 2-го дивизиона, героя Абганерова и Сталинграда; гвардии старшего техника-лейтенанта Игоря Солина - бесстрашного ветерана дивизии; гвардии капитана Угриновича - помощника начальника штаба артполка, смельчака и умницы... У могил многих артиллеристов, стрелков, саперов, связистов, минометчиков, погибших тут, на Северском Донце...

Но фанерные пирамидки помнят все фронтовики: даже в тягостные дни мы старались, как могли, увековечить память героев.

Глава двадцать вторая.

Через Северский Донец

Еще 18 июля в ходе боев на левобережье Северского Донца 7-я гвардейская армия, а вместе с ней и наша 72-я стрелковая дивизия были включены в состав войск Степного фронта. Ставка создала его, планируя Курскую операцию. Он должен был при переходе советских войск в наступление нарастить мощь общего удара.

В дивизии не знали замыслов и планов высшего командования, но каждый солдат хорошо понимал, что с выходом к Северскому Донцу мы немедленно попытаемся его форсировать.

Солдаты не ошиблись: командование 7-й гвардейской армии решило перед началом общего наступления завладеть плацдармом на западном берегу Северского Донца. Захватить его приказали нашей дивизии.

Утром 24 июля меня вызвал гвардии майор Хроменков, который вступил в командование артполком: состояние Ивана Макаровича Ресенчука улучшалось, но ему предстояли эвакуация в глубокий тыл и длительное лечение.

Сообщив, что ночью 229-й гвардейский стрелковый полк начнет форсировать реку на участке между Нижним Ольшанцом и Карнауховкой, что за передовыми подразделениями стрелков переправятся разведчики, радисты и телефонисты артполка под командованием капитана Н. И. Попова, Хроменков приказал мне прибыть ночью на наблюдательный пункт и находиться там с кем-либо из фельдшеров или санинструкторов.

Погода в тот день испортилась: наползли черные тучи, а к вечеру засверкали молнии, загромыхал гром, полил дождь. Противник понимал, что мы можем воспользоваться ненастьем для внезапной переправы через реку, и чаще обычного пускал осветительные ракеты, бил из орудий и минометов то по одному,

то по другому участку левобережной поймы, прошивал пулеметными очередями кромку своего берега, реку, камыши на нашей стороне.

Головной группе батальона капитана Шалимова, которой командовал лейтенант Максимов, удалось неслышно вынести из кустов приготовленные саперами лодки, неслышно спустить их на воду и - тоже неслышно - преодолеть Северский Донец. За головной группой переправился шалимовский батальон. Потом начали движение еще две роты 229-го стрелкового полка.

В одной из лодок плыли командир полка майор Баталов, его начальник штаба и адъютант. Рядом с баталовской двигалась лодка капитана Попова. С ним - начальники разведок 1-го и 3-го дивизионов артполка лейтенанты В. П. Вязовец и М. В. Баранов, командир 2-й батареи старший лейтенант А. З. Киселев и командир 7-й батареи старший лейтенант К. Я. Сабодаж. В соседней лодке разведчики, телефонисты, радисты...

Переправились вместе с подразделениями баталовцев и разведывательные группы 222-го и 224-го гвардейских стрелковых полков.

Хроменков отличался невозмутимостью, но в ту ночь раза три спросил у радистов, не слышно ли Попова. А когда тот вышел на связь, когда доложил, что все прошло успешно, что стрелки выдвигаются к передней траншее врага, Хроменков встал, повел плечами, словно они затекли, и весело сказал:

- Ну, вот, шагнули на землю Украины!..

На наблюдательном пункте, слабо освещенном лампочками карманных фонарей, непрерывно пищали зуммеры полевых телефонов, радисты проверяли связь с наблюдательными пунктами дивизионов и с батареями. Ближе к утру несколько раз звонили командир дивизии, командующий артиллерией и начальник оперативного отдела штаба дивизии майор Юрков, мой бывший командир в Отдельном учебном стрелковом батальоне. Главный вопрос у всех один: готовы ли дивизионы?

Огневой налет на позиции противника за Северским Донцом производился всей артиллерией дивизии. Он был мощным, но длился лишь пятнадцать минут, чтобы ошеломленный враг не успел принять мер для отражения атаки баталовцев.

Артналет сыграл свою роль: гвардейцы 229-го стрелкового полка за час с небольшим захватили первую фашистскую траншею. Враг, бросая оружие и раненых, откатился к позициям под деревней Соломино.

Дальше продвинуться не удалось: под Соломиной у противника имелись хорошо оборудованные рубежи. Гитлеровцы подтянули резервы, задержали Баталова и в седьмом часу утра

предприняли контратаку. Начались тяжелейшие, упорнейшие бои за крохотный плацдарм.

Этому клочку земли, нареченному, как все прочие маленькие плацдармы в минувшей войне, "пятачком", наше командование придавало чрезвычайно большое значение. Расширенный, он мог служить в будущем для накапливания значительных сил и удара во фланги вражеским войскам. Фашистское командование это хорошо понимало. Во второй контратаке гитлеровцы пустили в дело танки, а в одиннадцатом часу, едва разошлись тучи, появилась их авиация...

Об испытаниях, выпавших на долю стрелковых батальонов с 25 по 28 июля, я знаю только из разговоров на НП артиллерийского полка и со слов очевидцев.

* * *

В первый день полк Баталова отбил семь атак. Бок о бок с баталовцами бились разведгруппы 222-го и 224-го гвардейских стрелковых полков. На узкой полоске западного берега, шириной около километра по фронту и глубиной до семисот метров, разницы между солдатами и офицерами не существовало: решали не командирское искусство, а личное мужество, стойкость, выносливость. Достаточно сказать, что 25 июля командир полка майор Баталов ложился за пулеметы, отбивался гранатами, водил людей в контратаки.

С НП дивизии и с плацдарма непрерывно требовали огня. Артиллеристы делали что могли, но приходилось им нелегко: разведчикам мешала густая роща между деревнями Соломино и Топлинка, установки для стрельбы приходилось рассчитывать с прибавками прицела, чтобы не поразить своих, связь то и дело нарушалась, враг обстреливал и бомбил батареи, номера орудийных расчетов выбывали из строя.

К ночи на плацдарме осталась горстка стрелков Баталова и разведчики 222-го полка. Было их общим счетом не свыше ста человек. Но они держались, вели огонь. В ночь на 26 июля Баталову прибыло подкрепление, и на плацдарм переправился 2-й батальон 222-го, стрелкового полка, который, с ходу атаковав врага, расширил плацдарм по фронту.

Двенадцать яростных атак противника отразили 26 июля гвардейцы. Дважды был ранен и до ночи оставался в строю заменивший комбата командир пулеметной роты батальона капитан Еремин. После боя майор Баталов прикрепил к окровавленной гимнастерке Еремина собственный орден боевого Красного Знамени.

Отличились в том бою и командир стрелковой роты старший лейтенант Н. Д. Ермаков, гвардии рядовой Буза Азисов,

пулеметчики Яранов и Колаев.

В ночь на 27 июля на плацдарм переправились 1-й и 3-й батальоны 222-го стрелкового полка. Весь день 27 июля гитлеровцы продолжали ураганный артиллерийский и минометный огонь, сбрасывали на гвардейцев Баталова и Попова десятки тяжелых фугасных и сотни осколочных бомб, атаковали, пытаясь скинуть зацепившихся за правый берег офицеров и солдат в реку.

Во второй половине дня мы с Реутовым поехали во 2-й дивизион забрать раненых. Пока их укладывали на повозку, я спрыгнула в траншею, где возле стереотрубы стояли капитан Михайловский, начштаба дивизиона, другие офицеры. Мне разрешили поглядеть на плацдарм. Прильнула к окуляру, настраиваю, но ничего не разберу: плывут клубы и полосы дыма...

За спиной - голос телефониста:

- Так точно, товарищ "Первый", здесь!.. Слушаюсь... Сейчас передам ей...

"Ей"? Значит, мне? Ведь на НП сейчас только одна женщина! Но что понадобилось "Первому", то есть командиру полка?

Телефонист поднял небритое, загорелое, перепачканное землей лицо:

- Вам приказано срочно на НП полка, товарищ гвардии военврач!

- Кто-нибудь ранен?

- Гвардии майор ничего не сказали.

Я отправила Реутова "домой" и пешком добралась до НП Хроменкова. Командир полка следил за огнем 1-го дивизиона. Доложила о прибытии. Кивнул. Приказал Савченко дать беглый осколочными. Потом обернулся, вытащил кисет с табаком, трубку:

- Звонил командир дивизии. Приказал вам лично к завтрашнему утру развернуть на плацдарме передовой медицинский пункт дивизии.

Услышанное было чересчур неожиданным.

Хроменков недовольно пожал плечами:

- Не понимаю, почему именно вы должны этим заниматься... Артиллерийский-то полк здесь!

Я успела немного прийти в себя:

- Товарищ гвардии майор, командир дивизии, наверное, изменил взгляд на место медицинских работников артполка в боевых порядках дивизии.

Хроменков понял намек на историю с Уласовцем, но не улыбнулся, только головой покачал.

- Разрешите идти?

- Что за спешка?.. - Он пыхнул трубкой. - С собой возьмите двух-трех человек, не больше. Переправляться будете у Карнауховки. Место знаете?

- Знаю.

- На переправе быть от двадцати одного до двадцати двух. Вас поведет гвардии капитан Попов. Чувствуете-то себя как?

- Нормально, товарищ гвардии майор. Разрешите идти?

- Идите. Да не лезьте там поперед батьки в пекло! Поняли?

В моем распоряжении оставалось около трех часов. Но пока я возвратилась на медпункт, пока мы собирались, воздух посинел, а наползшие облака приблизили наступление сумерек.

Сообщение, что предстоит переправа на "пятачок", сделало людей строгими. Решила взять с собой Таню Коневу и Широких. Возглавить вместо себя медпункт приказала Кязумову.

Он разволновался:

- Позвольте и мне с вами!

- Нет, медпункт не должен оставаться без врача. К реке отправились в восьмом - уже смеркалось.

...Моросил дождь. Начальник разведки полка капитан Попов шагал уверенно. Пока обходили минные поля, восстановленные проволочные заграждения, пережидали артналеты, стало совсем темно. Нет-нет да и споткнешься о неубранный труп, раздувшуюся тушу убитой лошади, оступишься в воронку... А то возникнет прямо перед тобой громада сгоревшего танка...

Пробираемся поймой. Под ногами хлюпает. На "пятачке" относительно тихо: противник ведет беспокоящий минометный огонь, пускает осветительные ракеты. К реке тянутся изогнутые разноцветные пунктиры трассирующих пуль, достают до нашего берега. Чувствуется, Северский Донец близко...

Окликают, спрашивают пароль. Отвечаем.

- Правей возьмите! - приказывает из темноты властный голос.

Берем правее. При слабом свете очередной вражеской ракеты различаем стоящих в неглубокой траншее людей, а у самой воды, в укрепленной изнутри досками и похожей на колодец стрелковой ячейке, сапера, который держит в руках конец каната.

На западном берегу, в другом "колодце", стоит другой сапер и держит другой конец каната, с помощью которого через реку перетягивают плотик из кругляков. Кроме того, тут курсируют лодки.

Ждем, пока плотик ткнется в прибрежную осоку. На нем вплотную друг к другу лежат забинтованные, неподвижные раненые. Слышно, как шумит вода, разгребаемая ногами санитаров. Их четверо. Они переносят раненых на берег, где-то укладывают...

Вблизи переправы рвутся снаряды. Укрываемся в обвалившихся окопах. Артналет прекращается так же внезапно, как и начался.

- Эй, кто на плот? - зовет из темноты сапер. - Давай, пока фриц не начал... И не стойте там, лягте!

Забираемся на скользкий, кренящийся плот. Ложимся на мокрые, в сучках кругляки.

- Тяни! - кричит сапер.

Плот вздрагивает, шуршит по примятому тростнику, его начинает покачивать. Рядом с краем плота струятся отражения ракет и пулевых трасс. Похоже, вышли на чистую воду... Думаю только о том, чтобы благополучно добраться до твердого. Случись что на воде - беда: я не умею плавать. Плацдарм, этот перепаханный огнем и сталью клочок западного берега, начинает казаться землей обетованной!

На правом берегу - и справа, и слева от места, куда причалил плот лежали раненые: глаза различали белую марлю перевязок, слух улавливал стоны и раздраженные голоса скрытых темнотой людей. Не успели сойти, навстречу двинулись санитары, несшие на плащ-палатке первого страдальца.

Капитан Попов уходит. Спешу узнать, кто на берегу занимается ранеными. Старшим среди медицинского персонала оказался военфельдшер из 229-го гвардейского стрелкового полка лейтенант медицинской службы Д. Я. Дена. С ним были два санинструктора. Находились тут и инструкторы из 222-го гвардейского стрелкового полка. Голос у Дены сел, говорил военфельдшеру с трудом. Спросила, не нужна ли помощь. Махнул рукой:

- Что здесь увидишь? Разве что поможете рассортировать, подскажете, кого в первую очередь...

Пошли с ним по берегу. Посвечивали фонариком, нагибались, пытались определить, в каком человек состоянии. Дена сказал, что его люди выбились из сил. Мы с Таней и Широких стали помогать перетаскивать раненых на плотик и в лодки.

До рассвета удалось переправить на левый берег более

пятидесяти человек. Невольно думалось, что этим измученным, потерявшим немало крови и сил людям даже там предстоит много тягот. Пока перевезут или перетащат через пойму, которую противник бомбит и обстреливает... Пока доставят на медпункты стрелковых полков, а из тех - в медсанбат, пройдет не один час... А это лишние потери, затяжка с лечением.

Бесспорно, мысль создать передовой медицинский пункт непосредственно на плацдарме, чтобы улучшить медицинское обслуживание раненых и их эвакуацию, родилась из заботы об офицерах и солдатах передовых частей. Другой вопрос, что смогут сделать три человека, составляющие персонал этого медпункта?..

Под утро доставили новую партию раненых. С ними пришла девушка-санинструктор. Сначала мы услышали знакомый голос, потом и знакомую фигурку увидели: Нина Букина! Она рассказала, что находится на плацдарме со своей стрелковой ротой. Потери большие, но и немец несет такие потери, что надолго его не хватит.

Нина пробыла на берегу не более получаса - спешила в батальон.

- Еще увидимся! Тут все рядом! - крикнула она на прощанье.

Светает. Пора искать место для медицинского пункта. Связной Попова повел нас в глубь "пятачка". Шли пологого поднимающимся к меловым холмам берегом. Кусты, воронки, снова кусты... Примерно в двухстах метрах от берега путь пересекла длинная трал-шея.

- Тут у фрицев боевое охранение сидело, - сказал связной. - Теперь ползком придется, товарищ военврач. До немца метров семьсот, не более...

Идти дальше не имело смысла: приближать медпункт к передовой опасно, найдутся ли другие подходящие укрытия - неизвестно, а траншея достаточно глубока, раненые будут укрыты от осколков и пуль. Да и берег близко!

Спросила разведчика, где находится КП стрелковых полков. Объяснил. Отпустили его, занялись устройством медпункта. Наметили, где станем размещать людей, где будем отдыхать сами, если удастся. Оставив Таню и Широких рыть ниши для имущества и маскировать траншею, пошла искать командные пункты полков.

КП 229-го стрелкового находился метров на четыреста правее облюбованной нами траншеи .и метров на триста ближе к противнику: в крохотном блиндаже на краю кукурузного поля. Командир полка майор Г. М. Баталов, начальник штаба капитан К. Н. Антоненко и адъютант Баталова спали в блиндаже, тесно

прижавшись друг к другу. У входа в укрытие сидели заместитель комполка по политчасти майор В. Т. Саченко и телефонист. Неподалеку, в стрелковых ячейках, лрикорнули бойцы.

Я сообщила Саченко, что прибыла для оказания помощи раненым из стрелковых полков, объяснила, где оборудуется медпункт, и отправилась на КП 222-го гвардейского стрелкового полка. Шагала напрямик. Пули посвистывали. Но пули, которые слышишь, уже не причинят вреда!

Командира 222-го подполковника И. Ф. Попова я видела прежде только издали, но слышала о нем много. Слышала, что Попов закончил академию имени М. В. Фрунзе, что он смел, решителен, умело руководит полком в самых трудных условиях. Знала, что полк Попова прибыл на Северский Донец первым, дерзко вступил в бой с превосходящим по силе врагом, выбил гитлеровцев из Масловой Пристани, переправился через Северский Донец и несколько суток удерживал небольшой плацдарм примерно на том самом участке, где мы сейчас находимся. За эти бои полк наградили орденом Ленина.

Саперы указали мне блиндаж, врезанный в склон холма и перекрытый двумя бревенчатыми накатами. Подполковник разместился тут со своими заместителями по строевой и политической части.

Вхожу. Комполка говорит по телефону. Судя по распоряжениям - с одним из комбатов. Речь идет о выдвижении пулеметчиков на стык с полком Баталова. Голос Иван Федорович не повышает, собеседника выслушивает внимательно.

Закончив разговор, и меня выслушал спокойно, поблагодарил за информацию, глазами указал на мой пистолет - трофейный вальтер, подаренный кем-то из раненых в Сталинграде:

- Это все ваше вооружение?

- Да.

- А военфельдшеры, санитары - тоже с пистолетами?

У Тани Коневой имелся карабин. Широких не расставался с добытым в Сталинграде "шмайссером". Сказала об этом.

- При первом удобном случае обзаведитесь отечественными автоматами, посоветовал Попов. - Подберите на поле боя, возьмите у раненых... Словом, где хотите, но раздобудьте.

И объяснил, что при незначительной глубине плацдарма противник может просачиваться и в расположение медпункта.

- А теперь, доктор, советую поспешить к себе, - закончил Попов. Утро. Сейчас появится фашистская авиация. Ну а остальное - уж как водится!

Я приложила руку к пилотке и выбралась из блиндажа.

Глава двадцать третья.

На огненном "пятачке"

В первый день пребывания передового медпункта на "пятачке" гитлеровцы восемь раз атаковали позиции стрелковых полков, используя для поддержки пехоты танки и авиацию. Основную массу раненых приносили нам в промежутках между фашистскими атаками: санитары - обычные стрелки, во время боя они в тыл не уходят.

Обрабатывая раненых, за развитием событий не следишь: некогда! Да и что увидишь из траншеи, стоя на коленях над очередным искалеченным человеком? Разве что полоску неба и содрогающиеся стены самой траншеи?

Но начало первой атаки мы наблюдали. Видели, как на склонах меловых холмов, поросших где кустарниками, где кучками деревьев, поднялись неровные, ломающиеся цепи фашистских солдат и побежали, все ускоряя, ускоряя движение, вниз, к окопчикам и наскоро сделанным укрытиям наших батальонов.

Враг перенес артиллерийский и минометный огонь на пространство между передней линией обороны стрелковых полков и берегом, обстреливал сам берег реки, левобережную пойму... Но сильней всего бил, как мы поняли, по артиллерийским батареям полков и по батареям артполка дивизии.

Расстояние между наступающими солдатами противника и траншеей медпункта было ничтожно малым. Вспомнив совет подполковника Попова, мы взяли у первых же раненых, доставленных на медпункт, автоматы и диски с патронами. Эти автоматы впоследствии действительно пригодились...

Самой яростной оказалась восьмая по счету, последняя в тот день, атака. Ей предшествовали мощная артиллерийская подготовка, длительная обработка наших рубежей "юнкерсами" и "фокке-вульфами". Земля ходила ходуном. Казалось, не только все живое, что есть на западном берегу, но и сам берег вот-вот сползет в Северский Донец. Вражеская пехота упорно пробивалась к берегу. И почти пробилась.

Помню, Широких схватил меня за рукав, что-то крича, махая рукой в сторону расположения полка Попова. Мы с Таней оторвались от раненых, выглянули из траншеи. Бой шел ниже по склону. Там схватились в рукопашной. Дрались минут пятнадцать. Потом гитлеровцы побежали.

* * *

Позднее рассказывали: фашистам удалось потеснить левый фланг полка Баталова, вклиниться в наши позиции на стыке 229-го и 222-го полков. Перелом в ход боя внес командир 1-го

баталовского батальона капитан Шалимов. С девятнадцатью автоматчиками он заполз в тыл прорвавшимся фашистам, открыл огонь, и тогда поднялся в атаку весь шалимовский батальон.

Контратакуя, полки не только восстановили положение, но и расширили плацдарм до двух с половиной километров по фронту и до километра двухсот метров в глубину.

В шестой контратаке ранило командира 222-го стрелкового полка Попова. Где ползком, где перебежками добралась я до командного пункта 222-го и осмотрела перевязку, сделанную подполковнику военфельдшером 2-го батальона. Она была нормальная, но каждое движение причиняло комполка сильные страдания. Сделав обезболивающий укол, я посоветовала отвести Ивана Федоровича на берег, переправить через реку и поскорее доставить в медсанбат.

Командование полком принял заместитель Попова по строевой части майор Г. С. Шарапов, офицер волевой и решительный. Однако через два часа он и командир 3-го батальона полка старший лейтенант В. Ф. Агафонов погибли, возглавив контратаку батальона у высоты 167,8. Обязанности командира полка стал исполнять заместитель по политической части капитан А. П. Морозов.

Погибли или получили ранения в тот тяжкий день несколько командиров рот и взводов. Немалые потери понесли артиллеристы. Ранило в голову командира прославленной 2-й батареи гвардии старшего лейтенанта З. А. Киселева. Выбыли из строя несколько командиров орудий, наводчиков, подносчиков снарядов.

Но и потери противника были велики. Они превзошли все его прежние потери на плацдарме! Лишь во время отражения восьмой атаки гитлеровцев бойцы шалитовского батальона уложили двести с лишним фашистов. А сколько трупов врагов осталось перед всеми батальонами после всех атак?

С наступлением темноты персонал медпункта, а также присланные нам в помощь санинструкторы и солдаты из стрелковых полков стали переносить тяжелораненых из траншеи на берег, к плотику и лодкам. Слышно было, как у Нижнего Ольшанца начал переправу на плацдарм Отдельный учебный стрелковый батальон. Мы видели, как на плотах, сделанных из бензиновых бочек и досок, перевозят пушки и минометы стрелковых полков. В полночь на лодках, плотиках и по пешеходным мостикам приступил к переправе и 224-й стрелковый полк майора А. И. Уласовца.

Противник держал переправы под непрерывным обстрелом. Снаряды и мины рвались на обоих берегах, рвались в самой реке,

вскидывая фонтаны брызг. В перерывах между разрывами слышался плеск, будто шел дождь: в воду падали пули и мелкие осколки. Один плот и несколько лодок разбило... Разрушило, потащило по течению пешеходный мостик: находившиеся на нем бросались вплавь...

Используя увеличившееся количество переправочных средств, на левый берег перевезли всех раненых. Надо ли говорить, что и санинструкторы полков, и мы буквально валились с ног? Хорошо помню налитый в руки и ноги, в затылок и шею свинец, резь в воспаленных глазах. Мы добрались до траншеи, залезли в нее, легли, и сразу сон. А через двадцать-тридцать минут - рев орудий.

На этот раз атаковали по всему фронту не гитлеровцы, а мы.

* * *

С Отдельным учебным стрелковым батальоном и 224-м стрелковым полком на плацдарм переправились медицинские работники подразделений. Ни память, ни документы не сохранили имен всех товарищей.

Но хорошо знаю, что в ночь на 29 июля переправились на плацдарм врач Отдельного учебного стрелкового батальона гвардии капитан медицинской службы Я. Червец, командиры санитарных взводов гвардии лейтенанты медицинской службы Н. Паршин и А. Судницын, санинструкторы Н. Зуева, Т. Худзянская, С. Матвеева, Н. Казакова, А. Чичина, Н. Вязовская... Сказать, что медицинским работникам подразделений на плацдарме было тяжело, значит, не сказать ничего.

* * *

...Однажды, контратакуя, роты 1-го батальона 222-го стрелкового полка продвинулись на двести-триста метров к меловым холмам. Вместе с командиром роты делала перебежку санинструктор Софья Матвеева, девятнадцатилетняя девушка, награжденная за бои в Сталинграде орденом Красной Звезды и медалью "За отвагу". Услышала она стон, донесшийся из ближних кустов. Бросилась туда.

Возле поврежденного пулемета лежал убитый второй номер расчета и тяжело раненный первый номер - окровавленный сержант Орлов. Наложив на перебитые ноги сержанта тугие повязки, перебинтовав ему грудь, санинструктор взвалила обмякшее тело пулеметчика на спину и поползла в тыл.

Но не проползла она и двадцати метров - из кустов три гитлеровца. Соня не растерялась, выхватила пистолет. В упор - первого. В упор - второго. Третий навалился, пытаясь вывернуть руку. Сумела застрелить и третьего.

...Во второй половине дня 30 июля фашистские автоматчики прорвались на нескольких участках к Северскому Донцу и

окружили 2-й стрелковый батальон 224-го стрелкового полка. Но батальон продолжал бой.

Санинструктор Нина Казакова торопливо перетаскивала лежавших под кустами раненых в бывшую вражескую землянку. И только спустилась в укрытие с очередным раненым, как снаружи - автоматный треск, чужая речь...

Нина двинулась к двери: немцы! Ее заметили. Высокий, без пилотки солдат рванул из-за пояса гранату и швырнул, метя в дверь блиндажа. Перехватив гранату на лету, Казакова отбросила ее назад. Под ноги упала вторая, покатилась к блиндажу, к раненым. И тут успела Нина: нагнулась, схватила, выбросила.

После взрыва первой гранаты гитлеровцы, залегли. Но до взрыва второй бросили третью. И тут Нине хватило времени лишь на то, чтобы закрыть дверной проем своим телом.

Фашистов отогнали. Пробегавший мимо молоденький парнишка-связист услышал: из землянки зовут на помощь. Звали раненые. Нина стояла в темном углу. Гимнастерка и бриджи, изорванные в клочья, намокли от крови.

- Кого-нибудь из девочек.. - прошептала Казакова. - Не подходи! Кого-нибудь из девочек...

Связист сбегал за комсоргом полка Галиной Шелеховой. Она и перевязала Нину, хотя слово "перевязала" мало подходит для данного случая. Вечером девушку переправили на левый берег, отвезли в медсанбат. Врачи спасли ее. Позднее хирург Екатерина Никитична Пашкова, оперировавшая Нину, рассказывала, что за всю войну не видела такого обилия ран, как у Казаковой.

- Ее буквально изрешетило... - вздыхала Пашкова.

...Хладнокровно и мужественно работал в 222-м стрелковом полку командир санвзвода 1-го батальона гвардии лейтенант медицинской службы Н. И. Паршин. Потери среди санинструкторов и санитаров были немалые: приходилось не только "организовывать вынос людей с поля боя и эвакуацию их на медпункт или на берег, но и самому принимать участие в спасении раненых из-под огня. Да и за автомат Паршин вынужден был браться... Он сражался как рядовой стрелок, уничтожил десять фашистов. За неделю боев на "пятачке" взвод Паршина спас жизнь ста пятнадцати воинам, благополучно эвакуировав всех их на левый берег.

Нам с Таней Коневой и Широких нужно было оказывать помощь доставленным на медпункт, переносить их на берег, контролировать и организовывать переправу раненых через Северский Донец, проверять, все ли эвакуированы с батальонных медпунктов, просить у командиров полков санитаров для переноса людей.

Довелось и самим комполков помощь оказывать. И конечно, не на медпункте, куда они наотрез отказывались идти, а прямо на наблюдательных пунктах.

Работали мы и передвигались по плацдарму круглые сутки. Разумеется, при этом случалось всякое...

Помню, добралась я перед заходом солнца 29 июля до КП Баталова, благо наступила вдруг полная тишина. Знакомый блиндаж на краю кукурузного поля уцелел. В нем, кроме Баталова, лишь телефонист и радист, а офицеры штаба, даже адъютант командира полка - в ротах, только что отбивших шестую атаку.

С порога спрашиваю, есть ли в полку раненые, прошу прислать на медпункт хотя бы двух-трех солдат, чтобы помогли. Баталов отвечает, что обязательно пришлет.

В это время начинается сильная ружейно-пулеметная стрельба, минуту спустя в дело вступает артиллерия.

- Очередной "сабантуй"... Уходите, доктор! - советует Баталов.

Голос у него надорванный. Пищит зуммер. Кричит, вызывая батальоны, радист. Тут не до меня... Поворачиваюсь, поднимаюсь из хода сообщения и приседаю: справа строчат автоматы, над головой свистят пули. Гляжу и глазам не верю: по кукурузному полю, всего в полусотне метров от блиндажа, отбегают наши бойцы, человек двадцать, а за ними, держа автоматы у живота и поливая свинцом направо и налево, шагают гитлеровцы. Их в три раза больше!

Скатилась в блиндаж:

- Товарищ майор! Немцы! Прорвались! Наши отходят!

Баталов рванулся к выходу, оттолкнул меня:

- Не может быть!

Выскочили наружу вместе. Гитлеровцы обтекали КП, отрезали его от берега. Баталов, на ходу расстегнув кобуру, выхватив из тугой кожи пистолет, скачками бросился наперерез отходящим:

- Куда? На-зад!!!

Я решила, что это конец: погибнет. Закрыла в отчаянии глаза. Не знаю, сколько времени прошло: мгновенье, пять минут, и вдруг: "Ур-р-ра-а-а!" Открыла глаза. Гитлеровцы пятятся. Бойцы бегут за командиром полка, опережают его, настигают фашистов, бьют прикладами, штыками, стреляют вдогонку...

Баталов вскоре возвратился:

- Вы еще тут? Я же сказал: будет "сабантуй", уходите! Почему не послушались?

Крайне тяжелым выдалось 30 июля. Полки и, в частности, их медицинский персонал понесли очень большие потери.

Гитлеровцы атаковали с восхода сол"ца до заката, применив танки и авиацию: они явно намеревались покончить с зацепившимися за правый берег частями дивизии.

Находясь в боевых порядках рот, получила сквозное осколочное ранение, в бедро санинструктор 222-го стрелкового полка Н. И. Вязовская, а санинструктор З. К. Дроздова - осколочное ранение в левое плечо. В Отдельном учебном стрелковом батальоне был тяжело ранен в голову капитан медицинской службы Я. Червец. В 229-м стрелковом полку серьезное ранение в ногу с повреждением кости получил лейтенант медицинской службы Д. Я. Дена. Был тяжело ранен ветеран дивизии старший лейтенант медицинской службы Габдулла Шайдулин. Осколочные ранения в обе ноги получила санинструктор Н. А. Зуева, а санинструктора Т. С. Худзянскую сильно контузило.

Уже в середине дня санитары и санинструкторы, приносившие на медпункт тяжелораненых, просили:

- Помогите, я один остался, мне не справиться!

Я посылала им на помощь Таню Коневу и Широких. Но Таня и Широких не всесильны, не семижильны. Под конец дня решила пробираться к командирам полков - снова просить санитаров.

Раненые говорили, да и по характеру боя чувствовалось, больше всего тяжелораненых сейчас в 222-м и 224-м полках. Туда мы с Таней Коневой и отправились.

Огонь бушевал, не утихая. После одной из перебежек, неподалеку от НП 222-го, упали на открытом пространстве. Вблизи - неподвижные, полузасыпанные песком тела. Голова одного из солдат непокрыта, льняные волосы так знакомы...

- Нина! - воскликнула Таня и кинулась сметать песок с худенького загорелого личика, уже тронутого синевой.

Да, это была Нина Букина. Осколок сразил ее, когда она пыталась оказать помощь раненому: в руках у Нины надорванный перевязочный пакет, а рядом - тот самый боец. Но и ему уже ничего не нужно...

Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление: чувство отчаянья, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится - его подавляешь: чтоб не мешало.

Но над телом Нины Букиной я это чувство подавить не смогла. И другое, необъяснимое, чувство - ощущение вины перед этой девочкой - подавить не смогла, словно и впрямь была повинна в том, что не узнала Нина восторга любви, которого так

жаждет юность.

До КП полка мы не добрались. Огонь вражеской артиллерии и шестиствольных минометов буквально сотряс все вокруг. Взрывной волной меня швырнуло на землю. В грудь сильно ударило. Померк свет.

Открыв глаза, увидела встревоженное лицо Тани, услышала доносящийся из невероятного далека ее голос:

- Что с вами? Что? Ранены?

Таня расстегнула ворот моей гимнастерки, дала понюхать нашатырный спирт, натерла спиртом виски. Сознание возвращалось медленно, голова кружилась, в ушах стоял назойливый звон.

Конева осмотрела меня:

- Раны нет, но под левой ключицей большой кровоподтек. Наверное, осколок бы на излете.

- Пойдем...

С помощью Тани поднялась на ноги. Устояла, держась за ее плечо: вертелась земля, плыли перед глазами круги всех цветов радуги, ноги стали ватными, к горлу подступила тошнота. Таня - от воронки к воронке, от взгорбка к взгорбку - довела, дотащила меня до траншеи медпункта. Я легла, опустила голову на санитарную сумку и провалилась в беспамятство.

Очнулась к вечеру. Раненых рядом нет. Расслышала голос Тани:

- Как вы, Галина Даниловна?

- Что с ранеными?

- На берегу, Широких переправляет. Я до командиров полков добралась, солдат дали. Вы-то как?

- Жива. Спасибо тебе.

- Давайте отведу на берег, а? Вам в медсанбат надо, - кричала Таня мне в ухо.

Ехать в медсанбат я отказалась. Считала, что не имею права оставить медпункт без врача, полагала, что за ночь окончательно соберусь с силами. А на следующий день еле продержалась до ночи: головная боль ослепляла, мутило. Пирамидон и анальгин не помогали, усиливали тошноту.

Вдруг Таня куда-то запропастилась, а тут несут новых раненых, но руки мои не повинуются, ничего не могу сообразить...

Однако к утру следующего дня полегчало. Выбралась я на бруствер траншеи. Все кругом серое и очень тихо. Слышно, как на реке стучат весла лодок. Рядом присела Таня. Сняла пилотку, расчесала волосы. В эту минуту я увидела идущего от берега человека.

- Таня, погляди, никак Гаджиев?

- Точно, - Конева торопливо застегивала пуговки воротника.

- А чего это он? Или начали санроты полков переправлять?

- Да нет! - сказала Таня. - На смену вам...

Я вчера гвардии майора Баталова видела, сказала про вас.

Гаджиев приблизился:

- Доброе утро!

Улыбнулся, но улыбка получилась какая-то печальная. И взгляд больших темных глаз тоже печален.

Ответив на приветствие, я спросила, отчего невесел товарищ военврач. Таня пошутила: товарищ военврач наверняка загрустил из-за разлуки со своей любимой, то есть со скрипкой.

И тут из-за меловых холмов, грубо толкнув землю, ударили орудия врага. Мгновенье спустя уже слышался тот характерный, с каким-то старческим пришепетыванием свист, по которому безошибочно определяешь, что снаряды лягут рядом.

Мы с Таней буквально нырнули в траншею. И снаряды действительно легли рядом: на спины посыпалась земля, в ноздри ударили кислый запах взрывчатки, горьковатый запах дыма. Кто-то отрывисто простонал. В мозгу вспыхнуло: "Гаджиев!" Я не ошиблась: врач баталовского полка не успел спрыгнуть в траншею, лежал на краю ее. По черным, мелко вьющимся волосам бежало алое, яркое, словно живое...

Схоронили Гаджиева в ближней воронке. Дня через два майор Баталов послал мне на смену старшего врача своего полка капитана медицинской службы В. И. Агапонова. Но и Агапонову не повезло: на берегу Северского Донца он был тяжело ранен, эвакуирован в медсанбат, а потом в госпиталь. Так и пришлось мне работать без замены.

* * *

Жизнь на плацдарме, каждый проведенный на нем час ожесточали беспредельно. Думаю, без этой ожесточенности и нельзя было вынести то, что необходимо было вынести, то, что выносили.

С утра 2 августа вражеская авиация, используя ясную погоду, начала бомбардировку боевых порядков полков, переправ, дорог левобережной поймы, дивизионных тылов на северо-западе Шебекинского леса. Прикрытые истребителями, вражеские бомбардировщики группами по десять, двадцать, тридцать машин заходили на пикирование, с нарастающим воем мчались вниз, от них отделялись тонкие темные черточки, буквально на глазах превращались в тушки бомб. А уж потом не до наблюдений: лежишь, вжимаясь в землю, цепляешься за нее, когда подбрасывает, и только чудом не лопаются барабанные

перепонки...

Со стороны меловых холмов непрерывно били вражеские орудия, пушки танков и самоходок, хрипели шестиствольные минометы, покрывая землю сериями разрывов тяжелых мин, остервенело прожигали пространство пулеметы и автоматы.

Ночью бои не прекращались. Уже нельзя было сказать, кто атакует, а кто контратакует, и понятие о времени утратилось, как под Сталинградом: вспомнить последовательность событий, происходивших в первые дни августа, невозможно.

Помню только, что 2-го, примерно к середине дня, были ранены майор Баталов и майор Уласовец. Оба, отказавшись эвакуироваться с поля боя, остались в строю. Как знать, может, лишь благодаря этому и не удалось гитлеровцам столкнуть их полки в воду? Ведь случалось фашистской пехоте и к командным пунктам полков выходить, и к реке пробиваться, но всякий раз ее атаковали, останавливали, окружали и добивали.

Под вечер 2 августа я пробиралась берегом в левофланговые полки: уточнить количество раненых, осмотреть самых тяжелых, договориться об эвакуации. Шел, видимо, седьмой час вечера: солнце не село, но тени ложились длинные, и все вокруг было окрашено красноватым.

Сначала увидела выбегавших из редких кустов бойцов. Не оглядываясь, они спешили к реке и - кто с ходу, кто заходя по колено в реку - бросались вплавь к восточному берегу. Потом сквозь грохоты боя пробились, стали слышны, очереди "шмайссеров". А из-за кустов донеслась немецкая речь: враги стреляли вдогонку убегавшим, пытались смять бойцов, которые еще преграждали им путь.

Кинулась к реке. На берегу, под старым, без листьев, деревом сидит, опустив голову, незнакомый лейтенант, возле него боец с винтовкой. Смотрят на фашистов и не шевелятся. Я - к лейтенанту:

- Что же вы? Остановите людей! Поверните их! фрицы сейчас на берег выйдут!

И только тут соображаю: лейтенант-то мертв, а боец плачет - не видит ничего.

Кинулась вдоль реки: хоть кого-то найти, кто сможет, как Баталов, организовать контратаку. Но кого? К реке отбегают все новые и новые бойцы то совсем зеленые, то уже немолодые, скорее всего из последних пополнений: ноги сами несут бедолаг к воде.

Заметалась я по берегу, выхватила из кобуры пистолет, размахиваю им, ору: надо же любой ценой остановить людей!

Налетела на группу, идущую к реке с телом офицера.

Увидела на плечах старшего погоны с тремя звездочками, тычу ему пистолет в лицо:

- Поворачивай! Назад! Поворачивай!

И он поворачивает. Поворачивает ко мне правый бок: я вижу забинтованную руку, вижу проступающую сквозь бинт кровь. И только тут понимаю, что передо мной старший лейтенант медицинской службы Анатолий Судницын, и замечаю, что в группе все раненые, а офицер, которого несут, артиллерист из 224-го гвардейского, и у него перебиты обе ноги.

Кинулась дальше. И вдруг воронка, а в воронке радист из нашего артполка. И радиостанция с ним! Я - в воронку.

- Вызывай дивизию! Комдива!

Радист только глаза таращит.

- Ты оглох? Комдива!

И опять пистолет. А парнишка, обретя дар речи:

- Да позывной-то? И волна... Я длину волны не знаю!

Ах, как повезло мне все-таки, что часто бывала на КП командиров полков, невольно прислушивалась к разговорам полковых радистов! Я тут же назвала парнишке длину волны, на которой работает рация командира дивизии, назвала и позывной. Радист быстро выкинул антенну, принялся вызывать дивизию и - о, чудо - вызвал. Вызвал!

Торопливо натянула наушники, вцепилась в микрофон. У рации оказался начальник штаба дивизии майор Володкин. Когда-то мне уже повезло после разговора с ним, я принялась кричать в микрофон, используя тогдашнюю "конспирацию", называя бойцов "карандашами":

- "Карандаши" уплывают! На ваш берег! Фрицы сейчас к реке прорвутся! Верните "карандаши"!

- Понял! Видим! - прокричал в ответ Володкин. - Понял!

Вскоре с левого берега на помощь продолжавшим драться с гитлеровцами солдатам приплыло подкрепление. "Беглецов", разумеется, тоже вернули. Не меньше часа длилась неразбериха на узкой полоске правобережья, куда прорвались фашисты. Потом уцелевшие вражеские автоматчики отошли.

На следующий день, 3 августа, опять же к вечеру, - новое испытание для медпункта. Вклинившись в оборону дивизии на стыке между 222-м и 224-м стрелковыми полками, противник при поддержке танков сумел прорваться в тыл 224-го и окружить часть его подразделений.

Гвардейцы бесстрашно сражались и в окружении, отбив пять яростных атак. К нам стали приносить тяжелораненых из ближнего 222-го полка. Мы как раз оказывали им помощь, когда рядом затрещали вражеские автоматы.

Выглядываю из траншеи. Десятка два фашистских автоматчиков бегут к медпункту со стороны кустов, торчащих щеточкой юго-западнее. Только что через эти кусты пронесли раненых! До автоматчиков - метров семьдесят-восемьдесят, не больше.

- Фашисты!

За оружие взялись все, кто мог держать его. Мы с Таней и Широких схватили автоматы, которыми обзавелись по совету подполковника Попова. Упал один гитлеровец, второй, третий... Враги залегли. Поднялся еще один и тоже упал...

Фашистские пули выбивали столбики пыли буквально перед стволом автомата. Но это воспринималось как нечто несущественное. Существенным было только желание уничтожить врага. У-ни-что-жить!

Не знаю, догадывались ли гитлеровцы, что перед ними лишь горстка раненых и три медицинских работника, из которых двое - женщины? Думаю, догадывались, или просто могли видеть, что к нашей траншее носят раненых, что помогаем им мы с Таней. Во всяком случае, на отпор фашисты явно не рассчитывали. А получив его, отползли к кустам и исчезли, бросив убитых.

У Тани блестели глаза, пылали щеки:

- А что? Здорово мы их, товарищ гвардии капитан? В другой раз не полезут!

* * *

Утром 3 августа, на десятый день боев за плацдарм, до "огненного пятачка" донеслась канонада со стороны Белгорода, не умолкавшая до ночи. От плацдарма до Белгорода - сорок километров, на таком расстоянии гул обычной артподготовки еле слышен. А казалось, орудия бьют километрах в десяти...

Вскоре на командные пункты полков, оттуда - в батальоны, роты и взводы, в батареи пошло сообщение: началось наступление войск правого крыла Степного фронта и одновременно на Белгород наступают войска Воронежского фронта. Часа через три-четыре - новое известие: оборона гитлеровцев под Белгородом прорвана, на участках прорыва в бой введены наши танковые армии, наступление развивается успешно!

На плацдарме шел бой, времени для ликования не было, но сознание, что враг получил сокрушительный удар, что снова разгромлен и разгром совершен с твоим участием, придавало каждому бойцу новые силы.

* * *

В тот день все фашистские атаки захлебывались на подступах к переднему краю дивизии и прекратились задолго до темноты.

Глава двадцать четвертая. 72-я гвардейская Красноградская...

Рядовые участники великих событий видят, увы, не общую их панораму, а лишь отдельные эпизоды: я уже говорила об этом.

Утром 5 августа, около шести часов, оборвалась канонада в стороне Белгорода. Спустя некоторое время с берега примчалась Таня:

- Разведчиков Михайловского видела! Белгород взят!

Из торопливого рассказа я уловила главное: командование ожидает, что противник начнет повсеместный отвод войск, поэтому приказано усилить наблюдение и не позволить врагу организованно отойти на новые рубежи.

Солнце поднималось выше и выше, а фашистская авиация не появлялась. За утро гитлеровцы предприняли одну атаку, отбитую с большими для них потерями. Среди бела дня потянулись к переправам пополнения в стрелковые полки...

Под вечер враг начал мощную артподготовку. Почти полтора часа бушевал огонь артиллерии и минометов. Наши окопы, переправы, левобережную пойму снова окутало дымом и пылью. Но в тишину, распахнувшуюся после артналета, не врезались ни треск "шмайссеров", ни выстрелы вражеских танков и самоходок: враг в атаку не пошел.

Зато спустя каких-нибудь полчаса по всему переднему краю покатилось дружное "ура!": получив донесение разведчиков, что враг отходит, командиры полков подняли батальоны в атаку.

Оставаясь на медпункте, мы слышали, что изредка, то на правом, то на левом флангах, вспыхивают перестрелки, что фашистские минометы нет-нет да и огрызаются. Но минометный огонь противника прекращался очень быстро, а звуки автоматных очередей и пулеметной стрельбы отдалялись. И еще не совсем стемнело, когда начали переправляться на правый берег Северского Донца наши гаубичные батареи, танки, медицинские пункты стрелковых полков, тылы...

Переправился и пункт артполка. Кязумов передал приказ о ликвидации передового медпункта дивизии.

- Вот и обошлось, - улыбался Кязумов. - А то ведь вас уже два раза хоронили! Первый раз сказали - прямое попадание бомбы, второй - что автоматчики просочились... А новость слышали?

- Какую?

- Всех, кто сражался на плацдарме, представить к орденам.

Мимо нас шагали в темноте люди. Где-то поблизости ревел, втаскивая на гору гаубицу, мощный тягач. Скрипели колёса повозок. Осветительные ракеты и желто-красные пунктиры трассирующих пуль всплывали далеко за меловыми холмами. Даже не верилось, что на здешней земле может быть так спокойно

и тихо!

* * *

...А в это самое время за сотни километров от Северского Донца, в Москве, гулко ухали орудия, и расцвечивали летнее небо фейерверки первого за Отечественную войну салюта в честь доблестных советских войск: столица, Родина салютовали освободителям Орла и Белгорода.

За восемь суток - с 5 по 13 августа - дивизия, сбивая заслоны врага, срывая попытки фашистов контратаковать, прошла от Северского Донца до предместий Харькова. Двигались мы быстро и потери несли минимальные. Но среди раненых и убитых оказались хорошо знакомые люди. И легла на сердце новая тяжесть.

...В кратковременном бою 8 августа на огневой .позиции 5-й батареи осколком вражеского снаряда был убит наповал военфельдшер 2-го дивизиона гвардии лейтенант Мелентьев. Убит, как большинство медиков, находившихся в строевых частях, при перевязке раненого.

Мало я знала Мелентьева. Никогда не говорила с ним о его семье, ничего не слышала про его склонности и увлечения, симпатии и антипатии. Мне достаточно было, что лейтенант делает свое дело, четко выполняет указания, что на него можно положиться.

А тут вдруг вспомнилось: Мелентьев бывал задумчив, нередко сиживал в одиночестве, любуясь то открывшейся далью, то просто букашкой, ползущей по срезу пня. И подумалось: вместе с гвардии лейтенантом осколок убил целый мир, который теперь так и останется неизвестным мне...

* * *

А во второй половине 13 августа артиллеристы хоронили командира Отдельного истребительно-противотанкового дивизиона гвардии капитана Юрия Анатольевича Архангельского. Погиб он на марше, во время налета вражеских бомбардировщиков. Смерть от осколка бомбы казалась нелепой, невероятной: всего несколько часов назад, находясь на наблюдательном пункте командира 1-го дивизиона Савченко, я видела, как руководил своим дивизионом гвардии капитан Архангельский.

Артиллеристы помогали 2-му батальону 229-го стрелкового полка отражать атаку вражеских танков и пехоты. Батареи Савченко, умело перенося заградительный огонь, подбили три танка гитлеровцев. Но остальные машины, маневрируя, пробились к траншейкам второго батальона. Тогда и вступили в бой пушки противотанкового дивизиона.

За считанные минуты остановились, задымили еще три фашистских танка. Уцелевшие словно уперлись в невидимую стену, задергались, начали отползать. И, посеченная огнем стрелков, побежала вдогонку им вражеская пехота.

Высокая фигура гвардии капитана Архангельского, стоявшего с радистами возле старой, раздвоенной у корня березы, была как на ладони. Командир дивизиона не видел и не слышал разрывов вражеских снарядов и мин, посвиста пуль. Весь там, у пушек, в деле, поглощенный схваткой, подчиняющий ее своей воле.

Про Архангельского вообще говорили, что он любит находиться в самых трудных местах, делит с солдатами все опасности. Даже упрекали за неосторожность. Но упреков Архангельский как бы не слышал. И вот...

- Это был человек! - сказал в тот день Савченко. - Знаете, доктор, я верил, ,что мы с Юрой до самого конца дойдем. Не должны были его убить, понимаете?

Гибель Юрия Анатольевича командир 1-го нашего дивизиона переживал очень тяжело. Обычно веселый, радующийся, что началось освобождение его родной Украины, что до собственного села осталось не больше сотни километров, Савченко потемнел лицом и весь остаток дня был неразговорчив.

* * *

На место Мелентьева, во второй дивизион, я направила военфельдшера Ковышева. Бои продолжались, и кто-то должен был заменить погибших, дойти до конца.

Противник, подтянув резервы, оказывал сильное сопротивление. Ворваться в Харьков с ходу дивизии не удалось. К вечеру 13 августа наши части закрепились на холмах и кукурузном поле юго-восточнее города. Простым глазом были видны очертания окраинных зданий, корпусов тракторного завода. Харьков горел. Днем над ним колыхались, столбы дыма, ночью силуэты домов подсвечивали пожарища.

Командование не требовало решительных атак и штурмов: решающие сражения развернулись юго-западнее и северо-западнее Харькова - там затягивалась горловина "мешка", наброшенного на фашистов.

Но если наземные бои в полосе дивизии с 13 по 22 августа не носили предельно напряженного характера, то в харьковском небе развернулось яростное воздушное сражение.

Гитлеровцы пытались бомбить боевые порядки наступающих советских войск, наши тылы и дороги, а воздушные армии Воронежского и Степного фронтов наносили удары по вражеским войскам, по вражеским коммуникациям, уничтожали в воздушных боях фашистские бомбардировщики и истребители. Горели,

взрывались в воздухе, врезались в землю самолеты с крестами на крыльях, на фюзеляжах! Это зрелище приносило большое удовлетворение.

Но сбивали и наши самолеты. Мне довелось оказывать помощь летчику ЛАГГа, подбитого над территорией, занятой войсками врага. Пилот пытался посадить раненую машину возле огневых позиций 2-й батареи артполка, но на небольшой высоте самолет внезапно потерял скорость и рухнул.

Я в то время находилась на КП 1-го дивизиона. Грузовик подбросил к месту происшествия. Истребитель лежал на кукурузном поле вверх колесами. Крылья сломаны, хвостовое оперение отлетело.

Артиллеристы поставили самолет "на ноги", вытащили из кабины летчика. Он лежал возле искалеченной боевой машины бледный, по светлым, выбившимся из-под шлемофона волосам сползала струйка крови.

Пощупала пульс: есть! Стащила с раненого шлемофон. Голова цела, кровоточит содранная кожа. Забинтовала летчика и приказала принести носилки. Пока за ними бегали, "пациент" очнулся, открыл глаза, настороженно оглядел окружающих людей, подобрел взглядом, пошевелил руками-ногами, сел.

- Лягте, сейчас отправим в медсанбат, - сказала я.

Летчик, потрогав голову, потянулся за шлемофоном:

- Спасибо, доктор. Всем, братцы, спасибо! Только не нужно в медсанбат!

Потом протянул руку:

- Помогите подняться, капитан... Добре! А теперь подскажите, откуда связаться с моей дивизией.

Летчика повезли в штаб ближайшего стрелкового полка. Бойцы, расходясь, шутили, что на земле воевать все-таки лучше, чем в небе: если ранят, долго падать не придется...

В ночь на 22 августа наша дивизия сдала свою полосу 81-й гвардейской стрелковой дивизии и перешла во второй эшелон 24-го гвардейского стрелкового корпуса. В ту же ночь противник начал поспешный вывод войск из Харькова. Утром 23 августа в город на плечах врага ворвались войска Степного фронта.

В тот день с группой офицеров артполка мы побывали в освобожденном Харькове. Поехали на грузовике. Симферопольское шоссе привело на когда-то красивую улицу - Сумскую. Ее было не узнать: целые кварталы лежали в развалинах, мостовая разворочена, от дивных садов и скверов в центре города уцелели лишь отдельные деревья, да и те покалеченные осколками. От многих домов остались одни стены. То тут, то там слышались взрывы: срабатывали мощные фугасы,

оставленные в подвалах зданий, еще не разрушенных гитлеровцами. Грустная поездка...

Числясь во втором эшелоне 24-го гвардейского стрелкового корпуса, дивизия двинулась вслед за наступающими войсками.

Во второй половине дня 24 августа после утомительного марша в направлении Мерефы стрелковые полки заняли оборону у села Островерховка. Артполку приказали поддержать огнем части первого эшелона. Полк подавил артиллерийскую батарею врага, две минометные батареи, рассеял до двух рот фашистов. Потерь мы не понесли.

На следующий день во всех подразделениях дивизии шли митинги: накануне радио передало приказ Верховного Главнокомандующего, объявившего благодарность войскам, участвовавшим в освобождении Харькова. За ночь приказ напечатали в дивизионной газете "Советский богатырь" и доставили в каждый взвод, на каждую батарею. А после митингов стало известно, что нас выводят в резерв 7-й гвардейской армии, будут пополнять людьми, довооружать.

Почти неделю оставались мы в районе Островерховки. Трещали дрова под бочками-"жарокамерами", поднимался дымок над баньками, выстраивались солдатские очереди к парикмахерам-самоучкам.

Стало поступать пополнение. Среди новичков - девушки: санинструкторы, санитарки, радистки, телефонистки. В артполк тоже дали телефонисток: к Савченко, в 1-й дивизион, пришли сразу две: невысокая, скорая на ногу, улыбчивая, темноволосая Прасковья Кулешова и высокая, медлительная, светловолосая несмеяна - Ефросинья Назаренко.

И той и другой нет девятнадцати, обе смотрят на мир широко открытыми, опасливо-удивленными глазами, робеют в непривычной обстановке, жмутся к военфельдшеру Рите Максимюковой. Та и сама-то по годам недалеко от них ушла - двадцать один ей, но за Ритой дымятся развалины Сталинграда, за Ритой кровоточат берега Северского Донца, она обладает правом старшего: опекать, учить и проявлять снисхождение.

Получила пополнение и минометная рота дивизии. Вместе с другими бойцами прибыл в нее старшина Гончар. Упоминаю об этом потому, что неделю спустя дивизионная газета напечатала его стихи, а потом имя и фамилия старшины стали появляться на страницах "дивизионки" все чаще.

Читали произведения новичка с удовольствием: правдиво писал, образно. Но никому и в голову не приходило, конечно, что мы знакомимся с первыми публикациями будущего видного писателя и политического деятеля, депутата Верховного Совета

СССР, лауреата Государственных премий Олеся Гончара. Просто говорили: "Во дает старшина! Знай наших!.."

Войска 7-й гвардейской армии приблизились к Мерефе, крупному железнодорожному узлу, 28 августа. Здесь они столкнулись с резко возросшим сопротивлением врага. Днем 2 сентября пополненная и отдохнувшая 72-я гвардейская стрелковая дивизия вновь вошла в состав 7-й гвардейской армии и заняла исходный для атаки рубеж южнее Мерефы, на восточном берегу реки Лежа. Ранним утром 4 сентября пошли в бой...

Не останавливаюсь подробно на боях за Мерефу: армия сломила сопротивление противника и полностью очистила от него город уже во второй половине того же дня. При этом отличились воины 224-го и 222-го стрелковых полков, а в частности полковые артиллеристы.

От Мерефы войска 7-й армии пробивались вдоль шоссейных и железных дорог на юго-запад. Ближайшая цель - Красноград, за Красноградом Новомосковск, Днепр.

Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки задержать нас. За каждую речушку, за каждую балочку, за каждый хутор разгорались схватки. Дивизионам артполка постоянно приходилось с марша развертываться в боевые порядки, чтобы подсобить стрелковым подразделениям. И снова кровавой запекшейся коркой схватывало сердца людей ожесточение.

Я подошла к одному из самых горьких, самых печальных мест своих воспоминаний. Хватит ли мне слов?

* * *

Есть поблизости от Новой Водолаги хутор Кисловский. С рассвета 9 сентября дивизия начала бой и к полудню захватила этот мощный опорный пункт обороны гитлеровцев. Враг упорно контратаковал: из Нововодолажского леса вышли танки, за ними бежали по кукурузному полю пехотинцы...

Во время одной из атак фашистским автоматчикам удалось пробиться к НП 2-го дивизиона. Пришлось капитану Михайловскому вместе с телефонистками, радистом и Ковышевым браться за автоматы, чтобы уничтожить врагов. В другой раз Михайловский вынужден был отдать приказ командиру 5-й батареи лейтенанту И. А. Виноградову выдвигать орудия на открытые огневые, чтобы отразить атаку 15 танков.

Подбив в общей сложности пять танков, батарея атаку отразила, но потери, конечно, понесла. В числе погибших оказался командир огневого взвода гвардии младший лейтенант Анатолий Костин.

...Выпускник Тбилисского артиллерийского училища, Толя прибыл в артполк после Сталинграда, боевое крещение получил

на Северском Донце, зарекомендовал себя исполнительным, смелым офицером. Совсем еще молоденький, смуглый, с живыми черными глазами, он походил на веселого цыганенка.

В разгар боя у хутора Кисловского Толя увидел, что расчет одного орудия уничтожен. Вместе с гвардии сержантом Г. С. Кудрявцевым бросился он к замолчавшему орудию. И понеслись в сторону танков снаряд за снарядом. Есть попадание! Еще одно!

Разорвавшийся рядом снаряд бросил младшего лейтенанта на землю: ранение в грудь и контузия. Но, очнувшись и получив помощь санинструктора, Костин поднялся и еще два часа оставался на огневой, продолжая командовать. А после боя увидели - младший лейтенант упал, лежит неподвижно, изо рта течет пенистая кровь.

- Отвоевался ваш командир, - сказала санинструктор бойцам батареи. Вряд ли до медсанбата дотянет!

Костина, конечно, отправили в тыл, но было ясно, что человек не выживет...

А 10 сентября, находясь в 3-м дивизионе капитана Тимченко, я вдруг услышала, что меня зовут. Взволнованный Тимченко произнес только два слова:

- Савченко!.. Скорей!!!

Мы с Таней Коневой бежали на наблюдательный пункт 1-го дивизиона, не разбирая дороги, не думая об опасности для нас самих.

Сначала увидели Риту Максимюкову, сидящую на земле в окружении нескольких солдат и офицеров. Раздвинула людей. Рита даже головы не подняла, только приложила к глазам комок марли, и я впервые услышала, как всхлипывает военфельдшер. Перед Ритой лежало тело Николая Ивановича Савченко. Чуть поодаль, поддерживаемая бойцом, сидела с закрытыми глазами, дергая головой и плечами, телефонистка Назаренко...

Один из разведчиков, ефрейтор В. И. Гуляев, рассказал: Николай Иванович с телефонистками и разведчиками побежал в разгар боя на передовой НП. В ожидании нашей атаки фашисты нервничали, вели шквальный орудийно-минометный огонь. Савченко бросился в неглубокий окопчик, телефонистки нырнули в соседний, разведчики - в окоп подальше. И вдруг взрыв! Снаряд угодил точно в окоп телефонисток.

Разведчики - еще дым не развеялся - бросились к командиру. Савченко сидел в углу осыпавшегося окопа целый и, казалось, невредимый. Только голову опустил на грудь, словно заснул. А из носу - темно-красные струйки. Поблизости - останки Прасковьи Кулешовой и тяжело контуженная, не узнающая людей Ефросинья Назаренко.

Я опустилась на колени, пытаясь нащупать у Савченко пульс. На что надеялась? На чудо? Нет, не верила я в чудеса: просто не могла смириться с очевидным, принять непринимаемое. Вот так и Николай Иванович не мог принять гибель Архангельского...

- Товарищ гвардии капитан... Товарищ гвардии капитан... - всхлипывая, причитала Рита.

А мне увиделось: сталинградская степь, шары перекати-поля, фашистские листовки, маскировочные сети, окликающий меня из окопа улыбчивый крепыш лейтенант с биноклем на груди. Он еще сказал тогда: "Своих не узнаете? Защищай вас после этого!"

Закрыв глаза командиру дивизиона, встала с колен, чтобы перейти к Назаренко, сделать ей укол и эвакуировать в медсанбат. Стоявшие вокруг солдаты и офицеры, правильно поняв меня, начали стаскивать пилотки и фуражки. Тело командира подняли и понесли на плащ-палатке в тыл.

Гибель Н. И. Савченко, героя боев под Абганеровом, под Сталинградом и Шебекином, потрясла ветеранов дивизии. Не гак много и оставалось нас, пришедших в подразделения и части тогдашней 29-й стрелковой дивизии еще в Акмолинске. Все знали друг друга, а уж Савченко знали особенно хорошо. Чего стоил один былинный бой савченковской батареи с фашистскими банками и самолетами у реки Червленой!

Вспомнилось: Савченко и Архангельский хотели "дойти до конца". Но дойти, не прячась за чужие спины. И я подумала: если повезет, если хоть кто-то из ветеранов "дойдет до конца", то дойдут с ними и Архангельский, и Савченко, и все, кто шел честно.

Николая Ивановича хоронили в центре Мерефы. На траурный митинг прибыли представители всех частей и подразделений дивизии. Выступая, офицеры и солдаты клялись бить врага так, как бил Савченко, клялись отомстить за смерть боевого друга. Поднявшийся на трибуну командир 2-й батареи А. З. Киселев - он только-только возвратился из госпиталя - ничего не мог сказать. Содрав пилотку, вытер слезы, махнул рукой и сошел вниз.

Грянули орудия артполка, отдавая последний салют. Долго, долго катилось его эхо...

* * *

Сопротивление врага ослабевало: под ударами советских войск он откатывался к Днепру.

Освобожденные хутора и деревни... До сих пор кажутся кошмаром, а не явью пепелища с обгорелыми печными трубами, уложенные вдоль дорог - то на веселой травке, то в канавах - трупы разутых стариков, старух и женщин, закоченевшие тельца младенцев... Горло перехватывало. Руки тяжелели, от злобы. А

фашистская сволочь еще и недобитков своих в нашем тылу оставляла!

* * *

Помню, вошли в Берестовеньки. Село уцелело: гитлеровцы были захвачены врасплох, удрали, не успев спалить хаты, перебить жителей. Беленые стены, черепичные и соломенные крыши светились под солнцем среди зелени садов, радовали глаз.

Мне что-то понадобилось от начальника штаба полка капитана Чередниченко. Я подошла к штабной машине, остановившейся посреди деревенской улицы, но Чередниченко и шофер отлучились, возле "газика" стоял один только старший лейтенант И. С. Самусев, помощник Чередниченко. Высоченный, худощавый офицер, весельчак и любитель поговорить, к тому же мой земляк - белорус.

Сказав, что Чередниченко вот-вот вернется, Самусев заговорил о красоте здешних мест и, конечно, начал вспоминать Белоруссию: глухариные оршанские болота, двинских судаков и лещей, неманские сосняки и ягодники. Советские войска в Белоруссии, вели наступление, находились вблизи города, где остались родители Самусева. И он надеялся, что старики живы, что скоро сможет написать им...

Раздался одиночный выстрел. Самусев замолчал. В светлых глазах его читался мучительно-недоуменный вопрос: что произошло? Затем лицо старшего лейтенанта, побелев, исказилось гримасой боли, и он как подкошенный рухнул к автомобильным скатам.

Я бросилась к земляку. Тот был мертв: пуля прошла через голову навылет.

Сбежались солдаты и офицеры, слышавшие выстрел и мой призыв о помощи, бросились в ближние сады, на ближние огороды... Никого. Еще раз прочесали все, осмотрели хаты, подполы, погреба. Никого! Подлец успел скрыться. Оставалось лишь надеяться, что рано или поздно, а найдут его петля или пуля.

Тело Самусева предали земле неподалеку от шоссе, рядом с местом, где был убит. Сделали три залпа из пистолетов, автоматов, постояли несколько минут, сняв пилотки, и разошлись по машинам: задерживаться артиллерийский полк не мог.

Продолжалось наступление, продолжались и трудности, возникшие у медицинского персонала строевых частей в связи с быстрым продвижением войск. По-прежнему не хватало транспорта для эвакуации раненых в медсанбат, и сейчас его нехватка ощущалась особенно остро.

Хотя на медпунктах полков не производят даже первичной

обработки ран, врачам, военфельдшерам и санитарам работы хватает: надо внимательно осмотреть доставленных, разобраться, у кого ранение тяжелее; оказать срочную врачебную помощь; подбинтовать намокшие повязки, а сильно загрязненные поменять; проверить, необходимы ли наложенные на батальонных мёд-пунктах жгуты, правильно ли проведено шинирование поврежденных конечностей; сделать обезболивающие и противостолбнячные уколы, а при необходимости - уколы кофеина или камфары.

Словом, надо предпринять все, чтобы поддержать организм раненого, предупредить возможность инфекционных осложнений, обеспечить благополучную доставку людей в медсанбат. Разумеется, и первичную медицинскую карточку на каждого раненого необходимо заполнить, чтобы упростить работу товарищам из приемно-сортировочного взвода медсанбата...

На все это требуется время. А между тем войска, если обозначился успех, медиков ждать не станут, уйдут вперед, и новые раненые окажутся в невыгодном положении: пока еще их доставят на полковой медпункт!

Как же быть? Придумали: поделили обязанности. Обычно мы с Таней Коневой ехали за продвигающимися дивизионами. Кязумов, Широких и Реутов на какое-то время задерживались возле осмотренных и подготовленных к эвакуации раненых, отправляли их в медсанбат и тогда уже догоняли нас.

И все же, несмотря на разумность такой системы, несмотря на наши собственные старания, доставка раненых в медсанбат оставалась больным местом. Новый командир санбата гвардии майор Гевондян и начальник санитарной службы дивизии гвардии майор Борисов делали все возможное, чтобы обеспечить раненых транспортом. Старшие врачи полков постоянно просили у работников штабов сведения о передвижении медсанбата, чтобы не путаться на маршрутах, "выбивали" транспорт, как только могли и умели. Однако мы во многом зависели от порожняка, а он возвращался в тыл отнюдь не .всегда той дорогой, где ты его ждал или искал.

* * *

Последнюю попытку остановить стремительно наступающие войска 7-й гвардейской армии гитлеровцы предприняли на подступах к Красноградуи в самом Красногра де.

Этот город - крупный узел шоссейных и железных дорог, ведущих к Павлограду, Полтаве, Днепропетровску. Оборону фашисты создавали тут загодя, а теперь стянули сюда последние резервы. Враг даже контратаковал, вводя в бои значительные силы пехоты, поддержанные танками и самоходными

артиллерийскими установками.

Уже вблизи Красноград противник бросил против 224-го стрелкового полка майора Уласовца батальон пехоты и десять "пантер". Но захватить гвардейцев врасплох не сумел. Полковая батарея 76-мм пушек под командованием гвардии лейтенанта Ярошенко подбила и подожгла восемь "пантер" из десяти! Это решило исход дела: гитлеровцы отступили.

К окраинам Красноград части дивизии приблизились утром 13 сентября. Одноэтажный городок утопал в зелени. Противник встретил нас огнем артиллерии и шестиствольных минометов, плотным пулеметным огнем. Роты залегли, начали окапываться.

По данным разведки, гитлеровцы расположили основную часть своих огневых средств на северо-западной окраине села Песчанка и на восточной окраине Красноград, создав своеобразный "огневой мешок" для наступающих. Стремясь избежать потерь, наше командование приняло решение основной удар нанести на правом фланге, в обход Песчанки и Красноград с северо-запада.

Выполнение задачи возложили на 229-й стрелковый полк и на ударную группу под командованием начальника оперативного отделения штаба дивизии майора Юркова. По численности ударная группа равнялась стрелковому батальону, ее усилили батареей 76-мм пушек и батареей 45-мм орудий. Сковывать противника с фронта, нанося удар по восточной окраине города, предстояло 222-му и 224-му стрелковым полкам.

Штурм начали в 20.00. Во время мощного артиллерийского налета ударная группа и батальоны 229-го стрелкового полка скрытно, балкой и кустарниками, обтекли огневые позиции артиллерии и минометов врага, выйдя гитлеровцам в тыл. Успеху маневра способствовали осенняя темень и непогода. Первым на улицы Красноград ворвался 2-й батальон 229-го полка гвардии капитана В. А. Двойных.

Ночной бой на улицах города сложен и тяжел. Очутившись между "молотом" - ударной группой и 229-м стрелковым полком - и "наковальней" - основными силами дивизии, - гитлеровцы заметались. Для "удобства" организации обороны стали поджигать дома жителей, в бессильной злобе забрасывали гранатами подвалы и погреба, где пряталось мирное население.

В деревянном городе пожар распространялся быстро! В ночное небо взмыли и заплясали в нем гигантские языки пламени, неисчислимые снопы искр. К треску автоматов и пулеметов присоединился треск горящего дерева. На улицах и в переулках стоял такой жар, что, казалось, займутся шинели. Но бойцов не смогло остановить ничто. Гитлеровцев добивали без

пощады. К утру с ними было покончено. А на следующий день 72-й гвардейской стрелковой дивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено почетное наименование - "Красноградской"...

Ночной бой за этот город помнится тяжким эпизодом.

На медпункт под утро принесли раненого солдата. Невеликий росточком, худой, морщинистый, он не потерял сознания, хотя невесомое тело его было изрешечено осколками.

Пытаясь остановить кровотечение, меняя и подбинтовывая повязки, я увидела, как солдат скребет пальцами, словно пытается ухватиться за что-нибудь, чтобы удержаться на земле. Полные слез глаза глядели мимо меня и видели что-то, чего не могла видеть я. Губы двигались.

* * *

Прислонив ухо, расслышала слабый шепот: солдат прощался с женой и детьми, говорил им, что честно выполнил свой долг, просил жену не плакать, убеждал, что Родина позаботится о ней и ребятках, поможет поставить их на ноги...

Я не смогла совершить чуда - солдат умер. Тогда я сама заплакала: от бессилия, от жалости к этому маленькому, благородному человеку, от ненависти к его убийцам.

* * *

На улицах Красноград осталось множество трупов фашистских вояк. Обычно на вражеские трупы смотришь равнодушно. Теперь же я глядела на них с жестоким торжеством. Эти насильники и убийцы получили свое. Скоро наступит черед остальных.

Глава двадцать пятая.

Днепр

В двадцатых числах сентября войска 7-й гвардейской армии и других армий Степного фронта стремительно двигались на юго-запад. Наша 72-я гвардейская стрелковая Красноградская дивизия проделывала в сутки от 25 до 60 километров. Случалось, артиллеристы опережали стрелковые части.

Во второй половине 20 сентября фашистская пехота чуть было не оторвалась от дивизии. Артиллерийский полк настиг противника на берегу реки Орель. Огонь дивизионов накрыл вражеские части у переправы. Подоспевшие стрелки довершили разгром врага, захватили переправу, перешли на западный берег реки.

Но при высоких темпах наступления приходилось и самим быть готовым к неожиданностям!

* * *

В одну из ночей после двухчасового отдыха артполк выступил

из небольшого села несколькими колоннами. Мне приказали находиться на марше в колонне 2-го дивизиона. Командир его капитан Михайловский пригласил в кабину головного тягача. На крюке тягача - два орудия, в кузове - расчеты орудий и военфельдшер дивизиона гвардии лейтенант медицинской службы И. А. Сайфулин и его приятель военфельдшер Ковышев.

Небо очищается от туч, проглядывают звезды, шофер ведет тягач осторожно, на небольшой скорости. По обочинам бредут стрелки: автоматчики, пулеметчики, расчеты противотанковых ружей.

- Чего тащишься, как на похоронах? - сердито спрашивает шофера Михайловский. - Зрение ослабело?

- Так ведь темно...

- Давай, давай жми! Темно ему... Пусть фрицам темно будет!

Шофер - благо, чуть посветлело - переключает рычаг скоростей, прибавляет газу. Тягач ревет, ускоряет движение. В просторной кабине потряхивает, зато тепло и по-домашнему уютно светится приборная доска.

Михайловский откинулся на кожаную спинку сиденья, закрыл глаза. И мне бы вздремнуть, но я не обладаю спокойствием гвардии капитана. Меня тревожит, что стрелков больше не видно - они словно растворились в ночи, а тягачи дивизиона отстали. Предлагаю Михайловскому дождаться их. Капитан ворчит:

- Да ладно, доктор... Следуем строго по маршруту, впереди - разведка, колонна подтянется. Спали бы лучше! - и опять закрывает глаза.

А через десять-двенадцать минут по тягачу начинают хлестать автоматы и пулеметы гитлеровцев, совсем рядом рвутся гранаты: мы врезались в фашистский заслон.

Шофер круто выворачивает руль влево. Под звон разбитого стекла, под крики раненых тягач рвется через придорожную канаву, мчит в сторону от дороги. Нас швыряет друг на друга, колотит о стенки кабины. Но боль даже не ощущается, и мысль в голове одна: уцелел бы водитель!

Мы вышли из-под обстрела, возвратились на дорогу, вернулись километра на два назад. Сидевшие в кабине не пострадали, отделались ушибами. Зато в кузове остались всего пять батарейцев, из них двое убитых и трое раненых. Остальные во время обстрела попрыгали через борт.

Подтянулись отставшие тягачи с пушками, подошли стрелки. Оказалось, есть приказ прекратить движение и дожидаться рассвета: разведка обнаружила сильный заслон врага.

* * *

Михайловского очень беспокоила судьба людей, спрыгнувших

ночью с грузовика. К счастью, под утро они возвратились в полк.

* * *

Дня через два, 22 сентября, я чудом уцелела, попав в переделку вместе с командиром 229-го стрелкового полка майором Г. М. Баталовым и командиром 3-го дивизиона артполка капитаном Ю. И. Тимченко. Полк Баталова на марше был головным, дивизион Тимченко придали ему для поддержки, а я проверяла работу лейтенанта медицинской службы Сайфулина в дивизионе Тимченко.

Баталов и Тимченко надумали опередить полк, разведать местность на случай внезапного столкновения с врагом. Мы проехали верхом на лошадях километра три. Показались лесозащитные полосы: подходят к дороге и слева и справа. С высотки, где мы находимся, нетрудно определить, что полосы расположены примерно в пятистах-шестистах метрах друг от друга. Не успели приблизиться к первой, над головами пошуршали и разорвались возле второй полосы несколько снарядов.

- Для порядка наши стреляют, - усмехнулся Баталов. - Пугать, по-моему, некого...

Действительно, во второй полосе гитлеровцев не было. Они окопались в третьей и открыли убийственный огонь, когда до этой треклятой полосы оставалось всего ничего.

Автоматный и пулеметный огонь сразу скосил лошадей. Я укрылась за трупом Ласточки, Баталов и Тимченко - за трупами своих коней. Потрясенные, мы некоторое время лежали неподвижно. Потом Баталов приказал отползать. Пули ложились рядом. Я то замирала, изображая убитую, то вилась по земле, как ящерица, выискивая ямки и бороздки. Казалось, ползу очень медленно, как во сне!

Пытаясь двигаться быстрей, я пробовала приподняться, но сзади обжигал яростный окрик Баталова. Подчиняясь, опять прижималась к земле. А добравшись до прикрывающих дорогу тополей, вскочила и помчалась, петляя, к спасительной лесополосе.

Из стволов тополей летели брызги разбитой пулями древесины, на голову валились срезанные свинцом ветки, я падала, вскакивала и мчалась, мчалась, пока не рухнула в долгожданную тень деревьев.

Минут через десять приползли Баталов, раненный в ногу, Тимченко и ординарец Баталова, получивший пулю в мякоть, левой руки. Я перевязала раненых, 'Баталов подставил Тимченко плечо, и мы заковыляли в ту сторону, откуда приехали.

На опушке первой лесополосы разворачивались орудия

артполка, накапливались стрелки. Одним из первых я увидела майора Хроменкова. От расспросов командир полка воздержался, но категорически запретил мне впредь ездить верхом.

- На маршах извольте пользоваться штабной машиной, - сказал Хроменков, - а для поездок в дивизионы и батареи сгодится санитарная повозка. Надеюсь, на ней вы в разведку не отправитесь!

* * *

Но и штабная машина не всегда служит гарантией полной безопасности.

* * *

...Стремительно атаковав и уничтожив гитлеровцев, пытавшихся оказать дивизии сопротивление в городе Нехвороща, стрелковые части и дивизионы артполка двинулись в направлении Молчановки, Буртов, Маячки и Ливенского.

Выполняя приказ Хроменкова, я забралась в кузов штабной полуторки, где находились старший писарь - заведующий делопроизводством штаба полка, два писаря и два разведчика. В кабине - шофер и начальник штаба капитан Чередниченко.

Миновав несколько спаленных, безлюдных деревень, мы выскочили на проселок. Мотор видавшей виды полуторки неожиданно забарахлил. Пока шофер копался в железном нутре автомобиля, колонна артполка пропала из поля зрения. Пустились догонять и не проехали трех километров, как из-за рощи, желтеющей слева, выскочили и развернулись, перегородив проселок, вражеские мотоциклисты: четыре машины, двенадцать солдат.

Шофер резко затормозил, мы попрыгали с грузовика, залегли, изготавливаясь к бою: до гитлеровцев оставалось не более двухсот метров, их намерения сомнений не вызывали. И вдруг... Вдруг фашисты развернулись, резко дали газ и умчались в сторону, откуда появились.

Не знаю, настигли ли врагов выпущенные вдогонку автоматные очереди: опасаясь засады, Чередниченко счел за лучшее не преследовать мотоциклистов, а поскорее догнать полк.

- Не тот пошел фриц! - сказал один из писарей, когда полуторка миновала злополучную рощу. - Ослабла кишка у сверхчеловеков!

* * *

Да, самоуверенности, наглости у фашистов поубавилось изрядно: драться "на равных" враг избегал. К тому же откровенно боялся окружения, боялся панически! Но во всем остальном фашисты оставались фашистами.

* * *

Помню небольшое сельцо за Лебяжьим. Часть хат горит, людей не видно, а возле второй с краю мазаночки, вблизи тына, лежат сухонький дед в исподнем, молоденькая женщина с откинутой в сторону черной косой, в задранной выше колен юбке и двое детишек в одних рубашонках: девочка лет пяти и мальчик лет четырех. Скошены автоматной очередью.

По долгу службы я вынуждена была осмотреть загубленных: может, есть надежда? Убеждаюсь, что надежды нет, и вижу, кровь сочится из пулевых отверстий: казнь совершили совсем недавно.

Подходят товарищи, снимают пилотки. Молчим. Какой черной душой должен обладать тот, кто поднял автомат на несчастную семью! А ведь он не только поднял автомат. Он еще и не поленился уложить убитых рядышком, да так, чтобы их хорошо было видно с дороги...

На скулах солдат и офицеров ходят тугие желваки. Если убийца рассчитывал ошеломить, запугать их своим зверством - он ошибся. Убийца подписал себе смертный приговор. Пощады в бою ему не будет.

Помню и митинг в Нехвороще, где жители, изможденные, обтрепанные, со слезами целовали нас, рассказывали о чудовищных издевательствах гитлеровцев над мирным населением.

Прежде времени поседевшая, с запавшими глазами мать двоих детей протягивала к нам руки:

- Родненькие! Сынка моего расстреляли, дочку угнали, пожитки разграбили, в каждом доме кровь и слезы! Догоните их! Догоните! Бейте проклятых гадов! Отомстите за деточек!

* * *

Тому, кто видел такое, не нужно приказа подниматься в атаку. Ненависть поднимает сама.

* * *

Продвигавшиеся к Днепру части 72-й гвардейской стрелковой Красноградской дивизии выглядели не совсем обычно. На каждой автомашине, на каждой повозке, кроме обычного груза, ворох цветов и яблок. По всему пути встречают, обнимают, целуют, почту-ют, чем богаты, жители освобожденных сел и хуторов.

Вечером 23 сентября, довольно хмурым, обещающим дождь, в колонну артполка передали, что передовые части дивизии вышли к Днепру: разведывательная рота и отряд саперов под командованием старшего лейтенанта Спиридонова атаковали вражескую переправу, захватили деревянный мост на какой-то днепровский остров и ведут за этот остров бой.

Последовал приказ дивизионам срочно выдвинуться на западную окраину села Старый Орлик, подавить артиллерийские

и минометные батареи противника. Медпункту Хроменков приказал развернуться на восточной окраине села Старый Орлик, а Чередниченко поставил меня в известность, что медсанбат будет находиться в поселке Рыбалки, в двенадцати километрах восточнее Старого Орлика.

За четверо суток было пройдено более ста пятидесяти километров, освобождены более сорока населенных пунктов. К Днепру дивизия вырвалась на участке между населенными пунктами Крамарево - Старый Орлик, в ста девяноста километрах северо-западнее Днепропетровска.

Село Старый Орлик, где расположился медпункт артиллерийского полка, находилось в трех километрах от Днепра. Оно смыкалось с селом Новый Орлик (в настоящее время это село затоплено и находится на дне Кременчугского водохранилища), растягивалось вместе с ним километра на четыре.

Население, радуясь родной армии, старалось устроить нас в домах получше, угощало взваром, свежими овощами, фруктами. Хозяйки хат, выбранных для медпункта, мыли полы, таскали свежее сено, за работой рассказывали, что творили оккупанты, скольких добрых людей порешили, скольких подвергли истязаниям, скольких угнали в свой треклятый рейх...

Открыли огонь батареи полка, оборудовавшие позиции в садах и огородах на юго-западной окраине, били в основном по острову Бородаевскому западному, по артиллерии и минометам противника.

* * *

Весь день 24 сентября персонал медпункта спокойно готовился к предстоящим боям. Я успела съездить в поселок Рыбалки, привезла перевязочный материал и медикаменты, раздала часть полученного по дивизионам. Удалось повидаться и с медиками из стрелковых полков, также расположившихся в Старом и Новом Орлике.

В пятом часу пригласили к Хроменкову. В его хате - командиры дивизионов, их заместители по политической части, командиры батарей, командиры штаба полка. Иван Устинович взглянул на часы: ровно семнадцать ноль-ноль. Оглядел собравшихся, встал, расправил гимнастерку:

- Товарищи офицеры, прошу внимания...

Обрисовал обстановку.

...В полосе дивизии ширина Днепра достигает восьмисот метров, в отдельных местах глубина реки около восьми метров. Западный, занятый противником берег преимущественно крут, изрезан оврагами, усеян каменными валунами, в трехстах метрах от прибрежной полосы изобилует холмами. На реке имеются

несколько островов. На Бородаевском западном расположены артиллерийские и минометные батареи врага, ведущие интенсивный огонь по частям дивизии.

По имеющимся у командования данным, долговременных оборонительных сооружений на западном берегу Днепра в полосе дивизии у противника нет. Основу инженерных сооружений составляют окопы и траншеи полного профиля с дерево-земляными огневыми точками. Под огневые точки и артпозиции приспособлены кирпичные подвалы домов в населенных пунктах.

Острова и позиции по западному берегу удерживают лишь отдельные отряды, составленные из солдат и офицеров различных родов войск. Главные силы гитлеровцев, предназначенные для обороны днепровских рубежей, только выдвигаются из глубины занятой врагом территории.

- Командование приняло решение форсировать Днепр немедленно, - с нажимом сказал Хроменков. - Сегодня с наступлением темноты первым начинает переправу 229-й гвардейский стрелковый полк гвардии майора Баталова. Поддерживать его будет 1-й дивизион гвардии капитана Арнаутова.

Все невольно оглянулись на загорелого, коротко подстриженного Арнаутова.

- Остальные дивизионы выполняют ранее поставленную задачу и при необходимости будут подключены к Арнаутову. Товарищ гвардии капитан, свяжитесь с командиром 229-го полка, ваши наблюдатели должны переправиться на тот берег со стрелковыми ротами...

Совещание длилось недолго. Хроменков уточнил с командирами дивизионов детали будущего боя, и все поспешно разошлись.

Возвращаясь на медпункт, я прислушивалась к артиллерийской и минометной стрельбе. Она была прежней: враг методично, с интервалами, бил по нашему берегу, по острову Бородаевскому восточному. То ли ничего не подозревал, то ли скрывал, что подозревает что-то.

Если бы я задалась целью описать, пусть даже вкратце, сражения частей дивизии на Днепре, получилась бы если и не книга, то все же целая брошюра. Достаточно сказать, что с момента захвата плацдарма на вражеском берегу до момента вывода дивизии из боя прошло более месяца. Это тридцать с лишним дней и ночей ожесточеннейших боев. Невероятное напряжение физических и моральных сил. Новые тяжкие утраты и бессмертные подвиги буквально сотен солдат и офицеров.

Я не в силах рассказать обо всем и обо всех. Поэтому стану

говорить в основном о медицинских работниках, разделивших с воинами строевых частей тяготы днепровской страды.

* * *

...Поздним вечером 24 сентября, находясь в хатах Старого Орлика, персонал медпункта чутко ловил доносящиеся со стороны реки шумы. Характер артиллерийской и минометной стрельбы не менялся, но в начале десятого к уже привычным звукам примешался приглушенный расстоянием треск автоматов и пулеметов. Длился он недолго, вскоре смолк, и продолжалась все та же неторопкая, как бы ленивая минометная и артиллерийская стрельба. Мы даже заволновались: неужели неудача? Но вот что происходило на самом деле.

Едва стемнело, саперы начали перетаскивать к местам переправ заранее сколоченные из бревен и сооруженные из бочек плотики, собранные в камышах и починенные лодки. Места переправ разведали загодя, прислушавшись к советам местных жителей.

Первый рыбацкий челн с разведчиками оттолкнул от берега и повел в темень пожилой сапер Александр Козаков, уроженец Мерефы, сам когда-то рыбаливший в здешних краях, хорошо знающий реку. В челне сидели командир группы сержант Г. И. Фокин, сержанты Николай Попов и Петр Панежда, рядовые Иван Пристенский, Павел Ржевский и Александр Анохин.

Разведчики проскользнули к правому берегу незамеченными, смяли боевое охранение гитлеровцев и окопались на узкой прибрежной полосе земли. Это их стрельбу слышали мы в десятом часу ночи!

По условному сигналу сержанта Фокина выдвинулась к реке, погрузилась на рыбацкие лодки и начала переправу рота, лейтенанта Д. В. Фортушного головная во 2-м стрелковом батальоне капитана Двойных. Характер огня противника не менялся.

Сосредоточившись на захваченном разведчиками клочке берега, Фортушный выдвинулся к поселку Бородаевка центральная. Здесь рота натолкнулась на гитлеровцев. Первым спрыгнул во вражескую траншею парторг 2-го батальона лейтенант Г. Х. Юдашкин. В рукопашной схватке он убил нескольких фашистов, погиб, но рота траншею захватила. А в это время на правый берег уже высаживались остальные подразделения 2-го стрелкового батальона...

Враг открыл по роте Фортушного сильный минометный и ружейно-пулеметный огонь, трижды атаковал гвардейцев, пытался окружать их, но рота атаки отбила, сама поднялась в штыки и ворвалась в Бородаевку.

Рядовой Н. В. Черных гранатами уничтожил огневую точку гитлеровцев, мешавшую продвижению товарищей. Фортушный в уличном бою скосил из пулемета пятнадцать фашистов. К рассвету его рота выбила противника из Бородаевки, а на плацдарм уже высаживались последние подразделения 229-го стрелкового полка, его штаб во главе с Баталовым. Полковые артиллеристы втягивали на крутой берег орудия, минометчики втаскивали батальонные и полковые минометы.

В 9.00 майор Баталов доложил командиру дивизии, что плацдарм на западном берегу Днепра захвачен. С этого часа начались длительные бои за удержание и расширение захваченного плацдарма, за образование новых плацдармов и объединение их в одно целое.

С утра до вечера 25 сентября 229-й гвардейский стрелковый полк отражал атаки противника в одиночку: перебросить на западный берег подкрепления, переправить другие части дивизии в дневное время не представлялось возможным. Выручали баталовцев артполк дивизии и приданная армейская артиллерия, в том числе "катюши".

Получая данные опытных разведчиков-наблюдателей капитана Арнаутова, гаубицы и реактивные установки останавливали, сжигали танки и самоходки фашистов, уничтожали и рассеивали вражескую пехоту.

Полк майора Баталова нес потери. В строй встали все бойцы тыловых подразделений. В рукопашной принимали участие и сам Баталов, и офицеры его штаба. Начальник штаба гвардии капитан К. Н. Антоненко в рукопашной и погиб, уничтожив двух гитлеровских офицеров и пять солдат...

К ночи на 26 сентября начали переправу через Днепр сразу в нескольких местах 222-й и 224-й стрелковые полки дивизии. Сколько ни старались саперы, переправочных средств не хватало. Самые выносливые солдаты и офицеры бросались через реку вплавь, другие пускали в дело все, чем сумели запастись: доски, двери, створки ворот.

Ночная тьма скрывала реку от глаз вражеских наблюдателей, лодки, плотики и пловцы преодолевали водную преграду на большом пространстве и на разных участках. Однако настороженный противник вел столь сильный артиллерийский и минометный огонь, что не все лодки, плотики и пловцы добрались до западного берега. Зато достигшие его с ходу шли в атаку, оттесняли гитлеровцев, накапливались среди валунов, в прибрежных оврагах, отбивали нападение противника и, собравшись с силами, сами атаковали в направлении Бородаевки центральной и Бородаевки восточной.

Противник в ту ночь усиливал и усиливал атаки. Росло число наших раненых. Попечение о них легло на санитарный взвод 1-го батальона 224-го стрелкового полка гвардии лейтенанта медицинской службы В. И. Быковского.

На западный берег Виктор Иванович, его санинструкторы и санитары перебрались со стрелковыми подразделениями. Батальонный медпункт развернули сначала на берегу. Потом пошли со стрелками на штурм Бородаевки восточной, сами орудовали автоматами, гранатами.

Быковский ворвался в дом, где засели фашистские офицеры, огнем из автомата уложил троих, а двоих взял в плен. Гранатами он уничтожил расчет станкового пулемета врага.

Днем удалось обнаружить в селе здание с большим каменным подвалом. Сюда начали сносить раненых. Во второй половине дня в район батальонного медпункта прорвались танк и около роты фашистов.

Санинструкторы и раненые, способные держать оружие, покинули подвал, заняли оборону, открыли огонь. Санинструктор Николай Кокорин один перебил восемь фашистов. А в критическую минуту Виктор Иванович Быковский, поднявшись, в контратаку, увлек за собой медицинский персонал.

И гитлеровцы отступили.

К утру 26 сентября стрелковые полки дивизии завершили переправу на западный берег Днепра. Перебрался туда и штаб дивизии. Теперь, используя наш успех, начали переправу части 81-й и 73-й гвардейских стрелковых дивизий. Частью сил 81-я уничтожила противника на острове Бородаевский западный, а 73-я очистила от врага большую часть острова Глинск-Бородаевский.

По приказу командующего Степным фронтом генерала армии И. С. Конева в тот же день к Днепру прибыли механизированные понтонные батальоны и, поставив дымовые завесы, начали спуск на воду понтонов. Это позволило с наступлением темноты переправить на расширенный "Бородаевский плацдарм" артиллерию дивизии.

В тот день, 26 сентября, величайшую отвагу, величайшее мужество проявила санинструктор 2-го батальона 222-го гвардейского стрелкового полка восемнадцатилетняя Тоня Чичина. Она переправилась через Днепр с головной ротой батальона. Шла к Бородаевке восточной в цепях роты. Вынесла за день с поля боя и доставила на медпункт 15 раненых. Дважды помогала Тоня командиру батальона капитану В. И. Сагайде, залегшему за пулемет, набивать ленты, отбивать атаки гитлеровцев. Спасла жизнь командиру роты автоматчиков полка, вытащив его, тяжело раненного, из-под огня.

Случилось в ходе боя так - от правды не уйдешь, - что, увидев появившиеся танки и самоходки врага, солдаты одной из рот стали отходить.

- Смотри, - зло воскликнул Сагайда. - Скисли!

Тоня, находясь в соседнем окопчике, слышала слова командира. Солдаты, отбегая, приближались к НП батальона... За ними - немцы...

Сбросив сумку, схватив автомат, Тоня выскочила под осколки и пули, бросилась навстречу отступавшим, влепила пощечину первому попавшемуся под руку и одна пошла на фашистов.

Мужчины растерянно остановились, потом повернули и, побежав за Тоней, смяли гитлеровцев.

В тяжелейших боях части дивизии совместно с частями 81-й и 73-й стрелковых дивизий расширили в тот день плацдарм и продвинулись от берега -на 3-4 километра.

Глава двадцать шестая.

"Бородаевский плацдарм"

В ночь на 27 сентября майор Хроменков передал через связного приказ прибыть к пяти утра в район наведенного через Днепр пешеходного мостика: командование артполка, его штаб и полковой медпункт переходят на правый берег.

У Днепра, вблизи мостика, мы с Кязумовым, Таней Коневой и Широких были чуть раньше указанного срока. Но и сам Хроменков, и Чередниченко, и другие работники штаба прибыли загодя.

На фронте, если выпадала свободная минутка, прежде всего старались поспать. Я не являлась исключением из общего правила. И тут, убедившись, что время терпит, прилегла под какой-то куст, прикрыла лицо газетой и задремала.

Очнулась от грохота и укола в лицо. Схватилась за щеку - больно, пальцы в липком, теплом, за ворот гимнастерки стекает горячая струйка. Находившийся неподалеку Хроменков подошел, успокоил: "Ерунда! Крохотный осколочек!"

Кязумов перевязал меня, а майор пошутил:

- Кто бы мог подумать, что осколки газетный лист пробивают?!

В шестом часу направились к пешеходному мостику. Узенькая ниточка дощатого настила, уложенного на легкие металлические коробки-понтончики, огражденная только с одной стороны, да и то веревочными "перильцами", поколыхивалась на мелкой волне, норовила уйти из-под ног. Страшновато, но медлить не приходится: поджимают сзади, и, того гляди, появится вражеская авиация. Тогда совсем худо станет... Значит, только вперед.

Командный пункт артполка разместился неподалеку от командного пункта дивизии - в районе Бородаевки центральной. Наблюдательный пункт майор Хроменков выдвинул южнее, на одну из высоток. Для медицинского пункта мы присмотрели узкий овражек, заросший кустарником. Он послужил надежным укрытием для многих раненых, поступавших впоследствии не только из наших батарей, но и из стрелковых подразделений.

Навели справки о военфельдшерах и санинструкторах дивизионов: живы ли, нет ли среди них раненых. К счастью, никто не пострадал.

Между тем окончательно рассвело, послышался прерывистый гул авиационных моторов "юнкерсов", "фоккеров" и "мессеров". Вскоре началась ожесточенная бомбежка переправ и подразделений, взаимодействующих с 73-й стрелковой дивизией у Бородаевки восточной.

На этом участке весь день упорно дрался 224-й стрелковый полк майора Уласовца. Сам Уласовец снова был ранен и снова отказался покинуть поле боя. Батарея его полка и артиллериста артполка подбили несколько прорвавшихся вражеских танков, уничтожили большое количество фашистской пехоты.

Из дивизионов на медпункт доставили девять солдат и офицеров. Но оказывать помощь приходилось не одним артиллеристам, так что через овражек прошло до вечера никак не меньше пятидесяти-шестидесяти раненых.

В разгар боя сообщили, что на левом берегу Днепра, вблизи переправы, напротив Бородаевки центральной, развернут передовой эвакопункт медсанбата дивизиии. Это обрадовало: эвакопункт, конечно же, обеспечат транспортом, доставленные на левый берег раненые офицеры и солдаты не будут подолгу ждать отправки в тыл, а своевременно получат медицинскую помощь.

Много позже я узнала: развернуть передовой эвакопункт командир медсанбата поручил давней знакомой, военфельдшеру гвардии старшему лейтенанту К. К. Шевченко. В распоряжение Клавы Шевченко выделили санинструктора Мотю Иванову, шесть санитаров, палатку и автомашину.

Берег в районе переправы был изрыт воронками, песчаная почва и близость подпочвенных вод не позволяли отрыть глубокие щели или землянки для раненых, в редком, низкорослом кустарнике палатка была видна как на ладони. Но приказ есть приказ.

Прибыв на место, работники передового эвакопункта сразу принялись снимать с плотов и лодок, вылавливать из воды раненых, переплывших Днепр на бревнах и досках. Разместить всех в палатке было немыслимо, приходилось отрывать

неглубокие окопчики, укладывать людей в эти временные укрытия.

Во время бомбежек - а противник совершал тогда по четыреста самолето-вылетов в день! - на лежащих в окопчиках обрушивались столбы воды и тучи песка, но осколки все-таки летели над ними, не задевали. А вот троих раненых и двух санитаров, находившихся в палатке, убило при первой же бомбардировке...

Особенно тяжело, когда мимо несет неуправляемую лодку с ранеными. Слышны стоны, просьбы о помощи. Если лодка находится достаточно близко от берега, ее выловят санитары, а если далеко, тогда выручить может только Клава: она единственная умеет хорошо плавать. Вода - ледяная, кругом мужчины, но раздумывать, медлить нельзя. И, скинув верхнюю одежду, старший лейтенант медицинской службы бросается в днепровские волны, саженками настигает лодку, заворачивает ее и толкает к берегу.

Как-то Клаве свело руки, тогда она стала толкать лодку головой. Мотя, догадавшись, что с подругой неладно, вошла в воду по горло и ухватила лодку за нос.

Раненых поступало много: одной машины передовому эвакопункту не хватало, необходимо было использовать попутный транспорт. Иные же шоферы, доставлявшие боеприпасы и продовольствие, не любили задерживаться под артобстрелом и бомбежками. Тогда Клава Шевченко пускала в ход пистолет, попросту принуждая шоферов ждать, пока машину загрузят ранеными.

На пятый день работы в передовом эвакопункте, кроме Клавы и Моти, оставалось только два санитара. Среди вновь прибывших раненых оказался младший врач санроты 229-го стрелкового полка гвардии лейтенант Николай Курукин. Этот двадцатилетний чернобровый и голубоглазый парень, понимая, как тяжко приходится женщинам, стал помогать им, превозмогая собственную боль.

Началась очередная бомбежка. Одна из бомб разорвалась совсем рядом. Клава не успела опомниться, как ее сбили с ног: кто-то навалился сверху, прикрывая собственным телом и крепко удерживая на земле. Тут же она ощутила резкую боль в правом предплечье. А когда высвободилась из-под странно обмякшего тела спасавшего ее человека, увидела, что это Курукин и что голубые глаза лейтенанта уже неподвижны.

Сама Клава получила ранение не только в предплечье: осколки попали в голову и правое бедро. Рана на бедре оказалась большая, рваная, она сильно кровоточила. Перевязанная Мотей

Ивановой, Шевченко какое-то время продолжала работать, оказывать раненым помощь, но стала терять силы.

Попутного транспорта не оказалось, пришлось Моте отправить подругу в медсанбат на повозке. Доставили Клаву туда не скоро, в тяжелом состоянии. Но зато прооперировали быстро, спасли и срочно отвезли в эвакогоспиталь.

Сменил Шевченко на передовом эвакопункте гвардии лейтенант медицинской службы Анатолий Судницын. Он оставался на берегу Днепра до конца сражений.

Тяжкими были бои 28 и 29 сентября, но войска 7-й гвардейской армии упорно продвигались вперед и к 30 сентября при поддержке 201-й танковой бригады углубили плацдарм, получивший название "Бородаевского", до 15 километров.

Медпункт артиллерийского полка, продвигаясь за штабом полка, к 1 октября разместился в одном из отрожков балки Погребная. В этом отрожке и оставались мы во время развернувшихся ожесточенных сражений.

Всю первую половину октября противник предпринимал попытки разъединить боевые порядки наступающих войск 27-й гвардейской армии, прорвать оборону нашей и соседних дивизий, выйти к Днепру. Атаковали гитлеровцы крупными силами танков и самоходных орудий, при мощной поддержке авиации.

Главная тяжесть борьбы с прорывавшимися танками и самоходками, естественно, легла на артиллеристов. Так было 1 октября, когда вражеские танки вышли к самой балке Погребная. Так было 3 октября, когда вынужден был сражаться в окружении 229-й стрелковый полк. 7 октября, когда танки противника прорвались к наблюдательному пункту дивизии, а сама дивизия дралась в полуокружении.

Замысел гитлеровцев был несложен: отрезать наши войска от берега, разгромить командные пункты частей и соединений, уничтожить потерявшие управление полки, ликвидировать плацдарм. Фашистам не удалось выполнить этот замысел лишь благодаря массовому героизму сражавшихся на плацдарме офицеров и солдат.

Из отрожка балки Погребная мы хорошо видели развитие некоторых схваток. Тем более что батареи дивизионов, отражавших атаки вражеских танков, нередко располагались всего в трехстах-пятистах метрах от нас.

Так случилось, например, утром 2 октября со 2-й батареей старшего лейтенанта А. З. Киселева, помогавшей стрелковому батальону капитана В. И. Сагайды. От медпункта до ближайших орудий батареи оставалось метров двести, не больше. И если нам удавалось поглядеть в сторону артиллеристов, видно было, как

быстро, четко, несмотря на вражеский огонь, действуют номера расчетов. За появившимися на батарее ранеными, не дожидаясь санинструкторов, два раза ползала Таня Конева.

Огонь батареи Киселева оказался сокрушительным. Гитлеровцы откатились, оставив перед ней и батальоном Сагайды около трехсот трупов солдат и два сожженных танка. А утром 3 октября, справа от балки Погребная, встала на открытую позицию для отражения танковой атаки батарея недавно прибывшего в артполк девятнадцатилетнего лейтенанта Корчака.

До батареи и четырехсот метров не набиралось! Таня Конева успела сбегать к артиллеристам, повидать свою подружку санинструктора Клаву Герасимову, ту самую, с которой они пели дуэтом, выступая в полковой самодеятельности. Возвратилась Таня - вернее, прибежала в овражек - в начале фашистской атаки.

А вскоре заговорила батарея Корчака: двигались на нее девять танков и около двух рот пехоты. Пару "тигров" батарейцы подбили с первых пяти-шести выстрелов, пехоту удалось от машин отсечь. Но на этот раз фашистские танкисты не пятились, а продолжали лезть на рожон и вели непрерывный орудийный и пулеметный огонь.

Клава Герасимова уже четыре раза приползала на медпункт с тяжелоранеными. Пилотку она потеряла, гимнастерка, бриджи - в раскисшей от ночного дождя земле, светлые волосы прилипают к потному лбу, а глаза тревожные, и сама все оглядывается: как, мол, там, на батарее, без нее?

Потом приполз боец с забинтованным глазом, притащил раненного в грудь товарища и сказал, что Клава убита. Прямое попадание снаряда...

Батарея лейтенанта Корчака выстояла. Потеряла орудие, четырех человек убитыми и семерых ранеными, но выстояла. Фашистские танки не выдержали огня гвардейцев, повернули.

И сразу на медпункт привели Корчака. Крупным осколком ему оторвало нижнюю челюсть. Потерявший много крови, лейтенант сел. Пока я накладывала сложную повязку, не издал ни единого звука, только сжимал кулаки, а глаза наливались нечеловеческой мукой. Доставившие командира бойцы рассказали: Корчак заменил убитого наводчика орудия и самолично подбил танк. Роковой снаряд рванул метрах в пяти.

Бой продолжался, гремело вокруг, даже за спиной. Походило на то, что фашисты прорвались к Днепру... И все же я рискнула: приказала Широких и одному из разведчиков-артиллеристов доставить лейтенанта к переправе, чтобы Корчака скорее отвезли в медсанбат. Широких вернулся через четыре часа, доложил, что приказ выполнил - лейтенанта к переправе доставил. Его обещали

отправить с первой же машиной.

- Почему так долго?

- Немец кругом! Мы с полкилометра по-пластунски ползли, лейтенанта на плащ-палатке тащили.

Балка Погребная... Балка Одинец... Высота 170,1... Безымянная высота севернее балки Погребной... Каждое из названий отдается в сердце болью и гордостью: здесь беззаветно сражались мои товарищи, здесь мы потеряли многих и многих братьев по пролитой крови и оружию, здесь снова выстояли и снова сокрушили врага.

Утром 15 октября 72-я гвардейская Красноградская дивизия вместе с другими соединениями 7-й армии Степного фронта, отразив атаки противника, перешла в наступление. За десять дней боев дивизия овладела Корнилово-Натальевкой, Акимовкой, Днепропетровским, Берестками, Поповкой, Зеленым, Петровкой, приблизилась с севера к городу Щорску. Бородаевская группировка противника была разгромлена полностью и окончательно.

За форсирование Днепра, овладение плацдармом и героизм, проявленный в боях на этом плацдарме, воины дивизии удостоились высочайших наград. Командир дивизии генерал-майор А. И. Лосев, командиры стрелковых полков гвардии подполковник А. И. Уласовец, гвардии майор Г. М. Баталов и гвардии майор Ф. С. Сабельников, командир артиллерийского полка гвардии майор И. У. Хроменков, гвардии капитан М. В. Дякин, гвардии старшие лейтенанты Г. А. Кузнецов и Г. Ф. Пантелеев, гвардии лейтенант медицинской службы В. И. Быковскиий, гвардии младшие лейтенанты И. Е. Гриб и Г. А. Карпеткин, гвардии сержанты П. А. Панежда и А. Ф. Гриб, гвардии ефрейтор И. К. Поляков, гвардии рядовые И. П. Коновченко, И. Ф. Решилин, А. Ф. Седюков, В. С. Химач, А. П. Семенов, А. Ф. Казаков, Н. В. Черных и М. П. Ржевский были удостоены звания Героя Советского Союза.

Орденом Ленина наградили командующего артиллерией дивизии гвардии полковника Н. Н. Павлова, начальника штаба 229-го стрелкового полка гвардии капитана К. Н. Антоненко (посмертно), командиров стрелковых батальонов гвардии капитана В. И. Сагайду и гвардии старшего лейтенанта В. А. Двойных, разведчиков 75-й отдельной разведроты гвардии сержантов Фокина и Попова, гвардии рядового Пристенского и минометчика гвардии ефрейтора Носова.

Высокие награды получили многие участники боев за Днепр...

Глава двадцать седьмая.

Днем 4 ноября...

На фронте не приходится загадывать, где окажешься завтра или послезавтра.

26 октября дивизия получила приказ перебазироваться на Кировоградское направление: там ожидался контрудар противника.

Тяжелый марш по осенним дорогам проделали за сутки с небольшим, и 27 октября заняли оборону по восточному берегу реки Ингулец. Штаб дивизии расположился в деревне с ласковым названием Веселая Зорька, но после сильного авиационного налета перебрался в село с более прозаическим названием - Александровка. В соседнем селе обосновался штаб артиллерийского полка.

Наблюдательный пункт майор Хроменков вынес на убранное, уставленное скирдами соломы поле перед прибрежным селом Новый Стародуб. Сразу за этим селом, на его огородах, в сотне-другой метров от Ингульца, проходил передний край 2-го стрелкового батальона 229-го полка. Жители не покинули эти места, хотя ютились не в хатах, а в погребах.

Оставив Реутова с конями и повозками при штабе, мы с Кязумовым, Таней Коневой и Широких устроились вблизи наблюдательного пункта: сделали в копнах глубокие норы, чтобы прятаться от непогоды и спать, а вблизи вырыли щели-укрытия.

Противник удара не наносил. Дело ограничивалось артиллерийскими дуэлями и ружейно-пулеметными перестрелками. Между тем резко похолодало. Днем лил ледяной дождь, хлестал свирепый ветер. По ночам температура падала ниже нуля, к утру все серебрил иней: стерню, копны, крыши изб. Иней покрывал и плащ-палатку, которой мы с Таней Коневой укрывались на ночь поверх шинелей. Все мерзли и с нетерпением ожидали перехода на зимнюю форму одежды - теплое обмундирование обещали выдать к ноябрьским праздникам.

Заглянув 3 ноября на медпункт, майор Хроменков посоветовал нам с Таней под праздники сходить в село, обогреться, а если представится случай, то и отоспаться в тепле:

- Жители-то вон печки топят!..

Подумали мы и решили сделать это по очереди. Первой на следующий день пошла я. Выбрала хату в дальнем от реки порядке, зашла. Никого, но пахнет жильем. Фотографии вокруг зеркала. Кровать не застелена, но на гвоздике висит полотенце. Даже цветы на окнах политы!

Стукнула дверь. Появилась хозяйка, объяснила, что живет с малолетними детьми в погребе. Я спросила, нельзя ли помыться и поспать. Женщина вскипятила воды, притащила деревянное корыто, разогрела чугунок куриной лапши. Поглядывала она

жалостливо, вздыхала и все допытывалась, как это бабы в армии, среди мужиков, служат.

Давно не испытываемое чувство чистоты, тепла, сытость разморили. Хозяйка звала спать в погреб. Но уходить из теплой избы в сырость и холод так не хотелось!

- Часто вас обстреливают? - спросила я.

- Стреляют! - отвечала хозяйка.

- Если тут лягу, не возражаете?

- В погребе спокойней. Но как хотите...

Я решила остаться: от прямого попадания и погреб не спасет, а бревенчатые стены от осколков защитят надежно. Легла на широкую лавку вдоль глухой, без окон, стены, возле печки - так казалось безопасней. Хозяйка ушла, я закрыла глаза и через минуту-другую провалилась в сон.

Беспамятство глубокого сна прервали сильный удар в голову и ослепительная вспышка. Потом началось новое падение, но уже не в сон, а в бездонный мрак...

* * *

Очнулась я в медсанбате, на операционном столе, от нестерпимой боли в левой половине головы. Узнала лицо склонившегося надо мной ведущего хирурга Русакова и поняла: орудует зондом. Поймав мой осмысленный взгляд, Михаил Осипович негромко, успокаивающим тоном заговорил:

- Терпите, милая!.. Так... Вот и хорошо. Молодец! Сейчас отправим вас в армейский госпиталь: рентген черепа нужно сделать, милая. Уж потерпите!

Отнесли меня на носилках в бывший мой госпитальный взвод. От сопровождавшей Дуси Шумилиной узнала, как сильно мне не повезло: крупнокалиберный фашистский снаряд буквально разворотил избу, где я спала, и большой осколок повредил кости моего черепа в левой височно-теменной области.

Пролежала я в госпитальном взводе всего два часа с небольшим, но возле койки перебывали почти все знакомые с Акмолинска врачи, операционные и медицинские сестры: подбадривали, гладили руки, давали пить, пытались покормить.

В армейском госпитале уложили в общей землянке с мужчинами на дощатые нары. Болела, кружилась голова, тошнило, поднялась высокая температура. Говорят, в забытьи я сильно стонала. И вдруг словно сквозь слой ваты (слышала я плохо) - знакомый голос:

- Миленькая моя, да как же это вас? Чем вам помочь, голубчик?

Сострадание, глубокое участие, доброта, даже нежность, звучавшие в голосе, не совпадали с обликом человека, которому

этот голос мог и должен был принадлежать. Наваждение! Я с трудом открыла глаза - и не сразу поверила, что ко мне склонилось широкое, рыжеусое, взволнованное лицо бывшего командира медицинской роты медсанбата нашей дивизии, такого не любимого нами Рубина, прозванного игуменом женского монастыря. Почему он здесь? Зачем? Откуда узнал, что я попала в госпиталь?

Рубин почувствовал мое недоумение и беспокойство.

- Я тут ведущим хирургом, - объяснил он. - Просматривал первичные медицинские карточки, вижу вашу фамилию, ну и, конечно, сразу сюда. Не волнуйтесь, миленькая, не волнуйтесь! Все будет хорошо, родная! Все для вас сделаем! Ах ты, беда какая... А ведь я всех вас постоянно вспоминал. Да. Но это так, к слову... Вы только не волнуйтесь!

Гвардии майор Рубин проявил по отношению ко мне подлинно дружескую заботу. На следующий день он даже проводил носилки к самолету, который доставлял тяжелораненых в полтавский госпиталь. Тепло простился, пожелал скорейшего выздоровления, помог задвинуть носилки в машину...

- Не поминайте лихом, голубчик! - донесся его голос.

Вез меня и еще двух раненых "кукурузник", переоборудованный под летающую "скорую помощь". На нижних плоскостях крыльев самолета и в хвостовой части были вмонтированы длинные полукруглые ящики, куда и задвигали носилки. Мои задвинули в левый, в правый - носилки с рядовым солдатом, у которого ампутировали обе ноги, в хвостовую часть - носилки с безруким майором.

Сразу после погрузки я потеряла сознание и очнулась уже при выгрузке. В памяти осталось: пилот - рослый, широкогрудый мужчина - подошел, поглядел, убедился, что я жива, попытался ободряюще улыбнуться, круто повернулся, ушел...

Рентгеновской аппаратуры в Полтаве не оказалось - днями ее отправили за Днепр, и меня эвакуировали санитарным поездом в Харьков, в тамошний нейрохирургический госпиталь. И вот вагон "черепников": бредовые вопли и крики, качка, перестук колес. Все дальше родная армия, родная дивизия, родной артиллерийский полк, и все острее чувство потерянности, ненужности, забытости...

Примерно через неделю рентгеновские снимки были готовы. Хирурги госпиталя предлагали оперироваться, удалить поврежденные кости черепа. Но рана затянулась, и я отказалась от операции.

Созывается консилиум. Снова предлагают операцию. Снова отказываюсь. Проходит месяц. Настаиваю на выписке, чтобы

повидать семью. Теперь врачи отказывают! Но я настаиваю, упорно стою на своем и после долгих колебаний госпитального начальства получаю наконец месячный отпуск по болезни.

Еду через Москву. На улице Горького меня, облаченную в прожженную шинель, в потертую, болтающуюся на обритой голове шапку-ушанку, задерживает патруль. Начальник патруля, майор, начинает выговаривать за неряшливость, но прерывает нотацию на полуслове, вытаскивает блокнот и дает записку в комендатуру, где я получаю новое обмундирование: хлопчатобумажное военное женское платье, белье, кирзовые сапоги, новехонькую, на мой малый рост шинельку, офицерскую шапку-ушанку, скрипучий кожаный ремень и даже новенький зеленый вещевой мешок.

Вещи добротные, хорошие, но почему-то жалко сдавать прожженную шинель, старые брюки, разбитые, слишком большие сапоги и штопаный-перештопаный вещевой мешок: как будто рвешь последние связи с прошлым...

До Джезказгана добиралась с частыми пересадками, чувствуя слабость, головокружение, звон в ушах. По ночам, забываясь, кричала. Меня будили: "Товарищ капитан, хватит воевать!"

Добравшись до Джезказгана, очень ослабела и, переступив порог дома, упала без сознания. В чувство привел отец. Он стал совсем седым, исхудал, лицо изрезано глубокими морщинами. Сказал, что сын в детском саду, но сад не здесь, а в Долинке, под Карагандой.

Я даже заплакала от огорчения и в тот же день поехала в Караганду. Но за дорогу так устала, так изволновалась, что в Долинке, не дойдя до детсада, опять потеряла сознание и упала. Меня подобрали, отвезли в больницу и выпустили только через две недели.

На этот раз я до детского сада дошла. На дворе ковырялся в снегу мальчик в вытертой шапке, большом демисезонном пальто и больших заскорузлых ботинках.

Позвала. Поднял голову, не узнал, снова заковырялся в снегу. И лишь после того, как позвала еще раз и заплакала, кинулся ко мне и тоже заплакал.

Предполагая вернуться на фронт, перевезла отца и сына в Москву. Мы заняли комнату в прежней квартире, хотя и тут не обошлось без осложнений и хлопот. Отпуск заканчивался. Подала рапорт в Главное санитарное управление РККА с просьбой направить в прежнюю часть. Просьбу не удовлетворили, предложили должность старшего врача батальона аэродромного обслуживания в полку бомбардировочной авиации дальнего действия.

Я отклонила это предложение и еще несколько предложений подобного рода: не хотела оставаться в глубоком тылу. А на очередном построении офицеров резерва Главного санитарного управления РККА опять упала, опять очутилась в госпитале, и на этот раз приговор медицинской комиссии был окончательным: инвалид войны.

Так завершилась моя служба в Советской Армии. Пришлось приспосабливаться к тыловой- жизни, лечиться, работать, чтобы поставить на ноги сына, заботиться об отце. Связь с фронтовыми товарищами нарушилась. И нарушилась надолго...

Эпилог

Давным-давно закончилась война. Сорок с лишним лет минуло. Но каждый год в мае месяце съезжаются - в Москву или на места былых боев - ветераны 72-й гвардейской Красноградской стрелковой дивизии, не забывающие фронтовое братство.

Из офицеров, старшин, сержантов и солдат, упомянутых в этих записках, я постоянно вижу на встречах Героя Советского Союза Г. М. Баталова, назначенного в конце войны командиром нашей дивизии и получившего тогда же звание генерал-майора; Б. П. Юркова, командовавшего в сорок пятом 81-й стрелковой дивизией, сейчас генерал-лейтенанта; Ю. А. Чередниченко, подполковника в отставке; хирурга М. И. Гусакова и его жену Е. А. Капустянскую, хирургическую медсестру; хирурга И. С. Милова с женой А. В. Коньковой; известного кардиолога, заслуженного врача РСФСР И. Р. Обольникова; делегата XXI съезда КПСС Марию Васильевну Абакумову, награжденную уже в мирное время за трудовой подвиг орденом Ленина; главного санитарного врача Волгоградской области Зинаиду Касьяновну Дроздову; хирурга Н. Н. Пинскер.

Нередко приезжает героиня боев на "Бородаевском плацдарме" Антонина Акимовна Чичина, та самая санинструктор Тоня Чичина, чье имя знала вся 2-я гвардейская дивизия.

В декабре 1943 года она в который раз подняла залегших бойцов в атаку. Пулеметная очередь перебила девушке ногу выше колена. Товарищи вынесли санинструктора с поля боя, хирурги спасли ей жизнь, но спасти ногу не могли.

После боя командир Тониного батальона гвардии капитан Сагайда сразу поехал в медсанбат. Операция закончилась, его пропустили, и Сагайда сказал тогда Тоне, что батальон никогда ее не забудет, что офицеры и бойцы верят в нее.

- Ты молодая, отважная, красивая, - говорил капитан. - Все у тебя еще впереди: и учеба, и любимая работа, и хороший муж, и дети!

Предсказания Сагайды сбылись: несчастье не сломило

Антонину Акимовну, все вышло как сказал комбат.

А однажды приехал на встречу человек, которого считали погибшим: гвардии лейтенант в отставке Анатолий Васильевич Костин. Если читатель помнит, после боя у хутора Кисловского лейтенанта нашли возле орудия в бессознательном состоянии, с кровавой пеной на губах. Думали, до медсанбата не дотянет. Даже похоронку составили! А в 30-летие Курской битвы Костин вдруг появился в Шебекинском лесу. "Дотянул" и до медсанбата и до госпиталя. А там спасли.

Но многих среди нас нет: не дошли до Победы.

...При форсировании Южного Буга погиб командир 222-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник И. Ф. Попов, человек, которому прочили большое будущее.

...На Ингульце, под селом Верблюжки, получил тяжелое ранение командир 2-го дивизиона артполка гвардии капитан А. С. Михайловский.

...Там же, под селом Верблюжки, спасая укрытых в блиндаже раненых, вызвала огонь первого дивизиона на себя и смертью храбрых погибла Рита Максимюкова.

...В Венгрии, неподалеку от Балатона, осталась могила светло любившего Риту гвардии старшего лейтенанта Вани Горбатовского.

...За Южным Бугом упала под пулями фашистских автоматчиков, навеки закрыв яркие синие глаза, любимица артполка певунья Таня Конева, кавалер ордена Красного Знамени, награжденная медалями "За боевые заслуги" и "За отвагу".

Многих, многих молодых и отважных не стало в боях! А после войны раны и перенесенные тяготы, словно прилетевшие издалека осколки, продолжают косить воинов. Ушли из жизни бывший командир дивизии гвардии генерал-майор, Герой Советского Союза И. А. Лосев; бывший командир артполка гвардии полковник, Герой Советского Союза И. У. Хроменков; бывший командующий артиллерией дивизии гвардии полковник Н. Н. Павлов; бывший начальник санитарной службы дивизии гвардии подполковник Г. А. Борисов... И многие другие.

Не отзываются мои помощники гвардии лейтенанты медицинской службы И. А. Сайфулин и Н. С. Ковышев, санитар Широких и повозочный Реутов... Молчит врач Кязумов... О многих давно ничего не слышно!

Но вот возложены венки и цветы к братским могилам, к памятникам, воздвигнутым на местах боев.

Оставаясь после таких встреч одна, я ощущаю тревогу: люди живы, пока их образы хранит наша память. Но и мы не вечны! Что же передадим мы поколениям, идущим нам на смену? Только

выбитые в граните и металле имена, фамилии, звания, даты рождения и смерти?

Несправедливо...

И, пытаясь сохранить для будущего живые черты хотя бы немногих своих однополчан, я написала о них.

Примечания

{1}Против врага в полной тайне сосредоточились 10 общевойсковых, одна танковая и четыре воздушные армии, ряд отдельных танковых, механизированных корпусов, бригад и частей, пятнадцать с половиной тысяч орудий и минометов, 1463 танка и самоходно-артиллерийские установки, 1350 боевых самолетов. Подробнее об этом см.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., изд-во агентства печати "Новости", 1983, с. 292 (Прим. авт.).

{2}ДОП - дивизионный обменный пункт, одно из тыловых подразделений дивизии.

{3}За мужество, проявленное в бою 5 июля 1943 года, гвардии старший лейтенант В. Г. Кузнецов был награжден орденом Ленина с присвоением звания Героя Советского Союза.

{4}В. М. Колесников за бои 5 июля также был награжден орденом Ленина с присвоением ему звания Героя Советского Союза.